

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 7 ФЕВРАЛЬ 1983

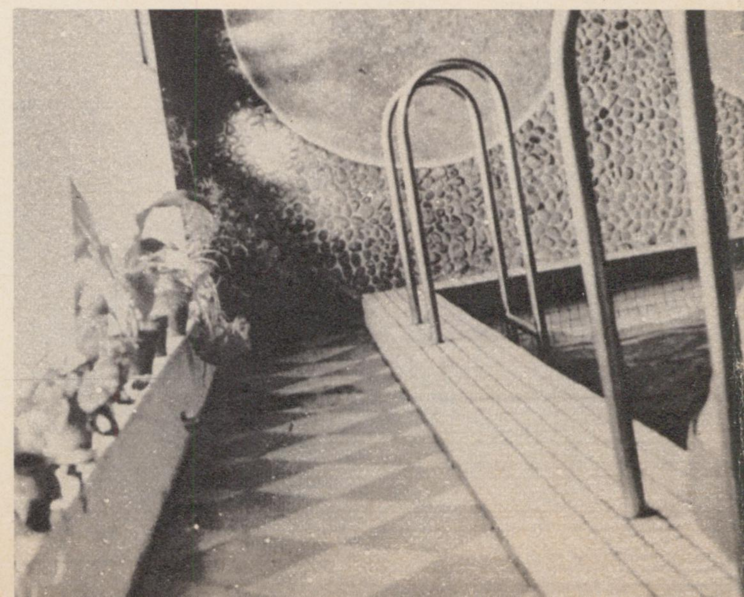
Управление шахты «Зыряновская».

Профилакторий для шахтеров.

Ш А

В бассейне.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 7 (2900)

12 ФЕВРАЛЯ 1983

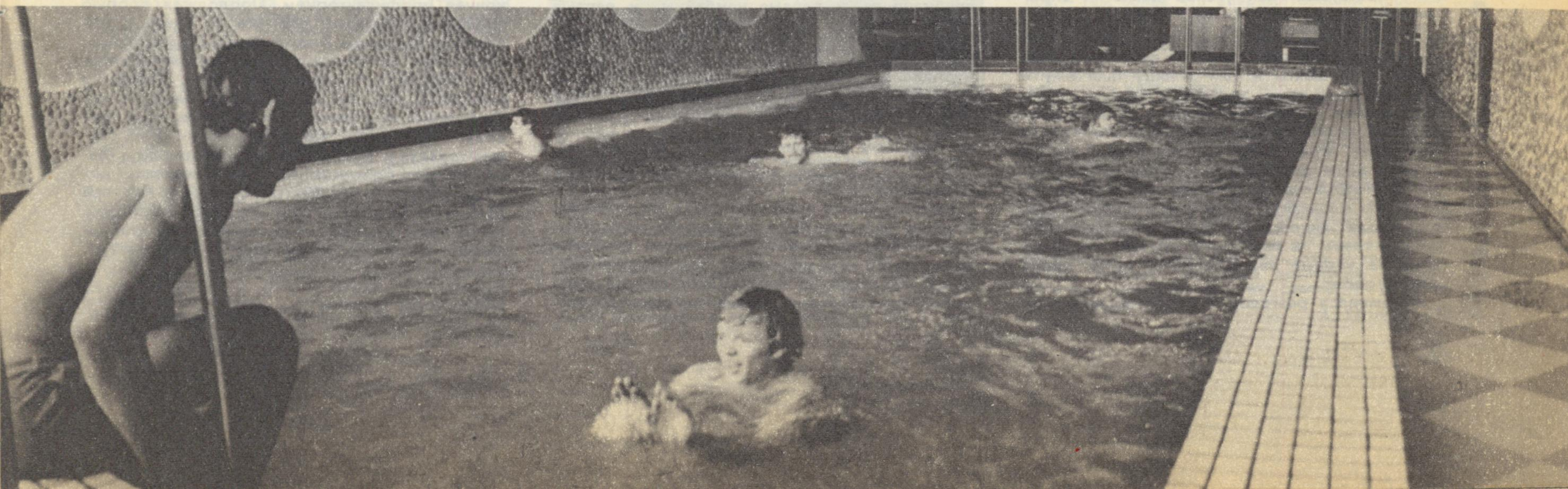

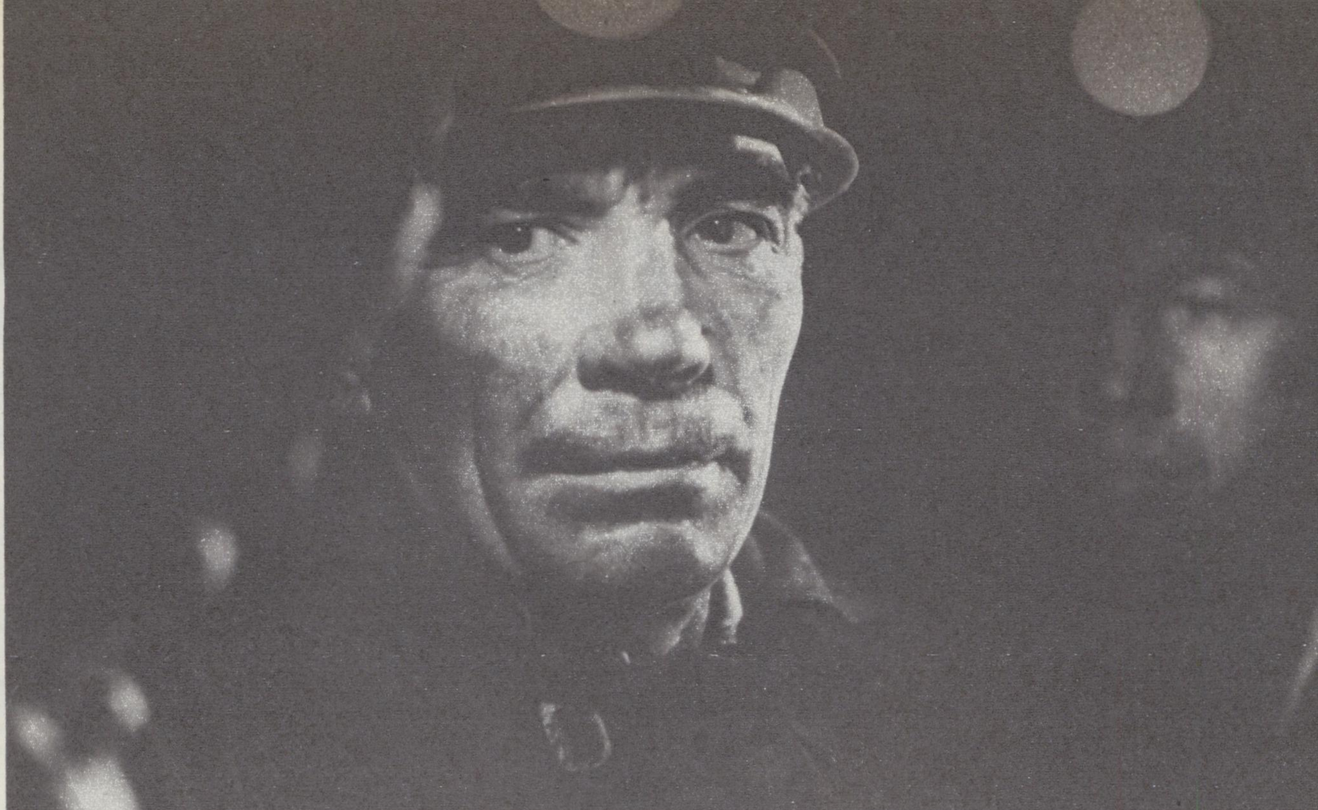
Бригадир М. Н. Решетников с сыновьями Александром, Сергеем и внуком Михаилом.

Х Т Е Р Ы

М. ЩУКИН,
фото Э. ЭТТИНГЕРА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Герой Социалистического Труда М. Н. Решетников.

Над головой была земля. Метров четыреста. Плотная, улежавшаяся за долгие века. Там, наверху, только что начался тихий зимний день. В морозном тумане медленно кружились редкие, мягкие снежинки. А здесь, в шахте, густо пахло углем и обдавало тугой волной спрессованного воздуха. Неярко струился бледный, электрический свет. Чтобы не оступиться, все время приходилось крутить головой, нащупывая дорогу лучиком лампочки, укрепленной на каске. Мы уходили вниз. В голове, как ни пытался избавиться, постоянно сидела мысль: над нами — четыреста метров земли.

— Вот здесь,— остановился вдруг помощник начальника участка Александр Волков.— Видишь?

Он пошевелил головой. Тонкий луч света от лампочки на каске осветил: черная, тускло блестящая полоса угля прерывалась, уступала место белесой породе. Потом ее снова сменял угольный пласт. На языке шахтеров это называется так — включение в пласт породы. Несколько месяцев назад, когда проходчики уперлись в такое включение, многие вздохнули с тоской. На это была причина. Чтобы перебраться в другое место, подготовить механизмы, фронт работ, материалы, требовалось самое малое месяц. Целый месяц! За сутки от шахты «Зыряновская» уходит примерно девяносто вагонов угля... Арифметика нехитрая, подсчитать потери нетрудно.

В кабинете директора шахты Виктора Васильевича Некрасова совещались недолго. Породу, а она намного тверже угля, решили пробивать проходческим комбайном. Риск? Да, он был, но сведенный до нуля точным расчетом и профессиональным мастерством шахтеров.

— А сколько бы времени и угля потеряли, если бы взялись перетаскиваться! — подвел черту под своим рассказом Александр Волков.

Мы с ним спускались все ниже в шахту, туда, где брал начало ни на минуту не останавливающийся транспортер, на котором лежал уголь.

— Чувствуешь, как уголек пахнет? — спросил Александр.

Я повернулся к нему и не узнал своего провожатого. Всего час назад он сидел в здании управления шахты и там к лицу был ему и строгий, аккуратный костюм, и галстук, и даже золотая печатка на пальце. А окружали его пришедшие на смену рабочие, в основном молодежь. Красивые, широкоплечие парни, одетые с иголочки. Невольно подумалось: куда они собрались, на танцы или на работу?

Сейчас Александр стоял в шахтерской робе, с черным лицом. И прежними оставались только глаза. И только по глазам, сверкающим на черных лицах, можно было узнать других ребят.

Вспомнился разговор с директором шахты.

— В последнее время,— говорил Некрасов,— у нас по пятьдесят, по шестьдесят человек в год уходят на пенсию. Уходит цвет шахты, ее рабочая гордость. На смену приходят молодые ребята. Как правило, они грамотные, разбираются в технике, но этого мало, чтобы стать настоящим рабочим. Нужно еще воспитать особое чувство ответственности. Традиции обязывают быть на высоте.

А хранителями традиций являются старые рабочие. Такие, как Сергей Николаевич Бармин, Фарид Насирович Рахматуллин, Геннадий Семенович Буленок, Геннадий Тимофеевич Рудаков... Список можно продолжать еще долго. Но особым уважением пользуется на шахте Герой Социалистического Труда бригадир Михаил Николаевич Решетников. Его уважительно называют «дедом».

...Он только что вышел из шахты, редкие волосы были еще влажными после бани. Мы нашли тихий уголок в библиотеке, и Михаил Николаевич, положив на столик перед собой тяжелые руки, с улыбкой спросил:

— С чего начинать? Где родился, где крестился?

С этого мы и начали. И сейчас, перечитывая свою записную книжку, я не хочу менять этот рассказ. Пусть он останется таким, каким я его услышал.

— Шахта наша в сорок третьем начиналась, а я в сорок третьем семь классов закончил. В Башкирии это было. Отец на фронте погиб, нас у матери четверо гавриков, я самый старший. Как говорится, глава семьи. Пошел в колхоз работать. И пахал, и сеял, и убирал. Мужик, одним словом, ударная сила. Война закончилась, дух бы только перевести, а тут мать умерла. Вот и был я до сорок восьмого для младших отцом и матерью. Всяко приходилось, горького досыта нахлебались. А в сорок восьмом меня по специальному набору взяли в школу ФЗО. Посадили в теплушку, и сюда, в Кузбасс. ФЗО окончил, на шахте работал в Прокопьевске, а потом на «Зыряновскую» перебрался. Пришел к начальнику участка, тот поглядел на меня и говорит: «Ну что, для начала лес погоняешь, а там видно будет». Лес гонять — это значит спускать его в шахту для креплений. Погонял я его, а потом меня и в забой определили. Попутно курсы у взрывников окончил. Короче говоря, на «Зыряновской» я три десятка лет уже и двадцать из них бригадиром. Все на моих глазах было. И первые врубмашины, и первые комбайны, и первые рекорды. Скажи мне раньше, что на нашей шахте в год будут два с лишним миллиона тонн угля добывать, я бы ни за что не поверил. За вранье бы принял. А теперь ничего, нормально, за порядок считаем, еще выше замахиваемся. Ну, что еще? Заваливало меня в шахте два раза, вблизи чуял, как она, смерть, пахнет, честно сказать, страшновато. Троих сыновей вырастил, все у меня в бригаде работают. Только у младшего, Николая, перерыв сейчас — в армии служит. А старший, Александр, еще и учится заочно в институте, на пятом курсе уже.

Как-то в шахте вышел из строя транспортер. И звено, а в нем была в основном молодежь, решило бросить работу. Рассуждали так: пока транспортер отремонтируют, там и смена кончится. И вышли из шахты. Этот случай нарушения трудовой дисциплины не остался незамеченным. Директор издал специальный приказ, в котором было сказано, что звено полностью лишается премии.

— Но это директор своей властью наказал,— говорил товарищам Михаил Николаевич.— А где же мы сами, рабочие? Где наше слово?

И настоял, чтобы созвали совет бригады. На совете бригады разговор с нарушителями дисциплины был крутой. И общественное порицание подкрепилось конкретным решением: всем, кто раньше времени вышел из шахты, на месяц снизить квалификационный разряд. Суровый, но справедливый урок для молодых рабочих. Шахтерская честь не должна быть отвлеченным понятием. Тем более сейчас, когда современная техника буквально от каждого требует высокой ответственности и дисциплины.

Люди на «Зыряновской» не стоят на месте. Они идут вверх по дороге трудовых достижений, профессионального роста. Вчерашние молодые рабочие становятся хранителями традиций, командирами производства. Таков Виктор Григорьевич Бовт — он руководит сейчас комсомольско-молодежной бригадой, в которой когда-то начиналась его рабочая биография. Таков машинист комбайна Александр Александрович Конев. В бригаде Решетникова он набирался мастерства и опыта, потом учил других, и не только здесь, дома, но и в далекой, жаркой Испании, куда ездил в составе группы специалистов. Сейчас его ученики, как, например, Геннадий Исаков, сами обучают новичков на «Зыряновской». Нынешний директор шахты Виктор Васильевич Некрасов еще недавно был начальником участка, а бывший директор шахты Герой Социалистического Труда, кандидат технических наук Владлен Данилович Ялевский является генеральным директором производственного объединения «Южкузбассуголь».

Владлена Даниловича и по сей день вспоминают на «Зыряновской» с особой благодарностью. Это при нем на шахте было очень много построено. Начиная с бани и бассейна и кончая профилакторием. Продолжая добрую традицию, молодые рабочие во главе с механиком Виктором Андреевичем Просветовым, страстным энтузиастом спорта, своими силами построили горнолыжную базу. Теперь в выходные дни на ней всегда многолюдно. Приезжают не только сами рабочие, но и привозят своих детей. День, проведенный на свежем воздухе, среди прекрасной природы, дает зарядку бодрости на целую неделю.

...Мы уходили из шахты. И, обгоняя нас, все бежала и бежала наверх, не зная остановок, лента транспортера, на которой тускло поблескивал уголь. Он тоже поднимался наверх, «на-гора́»!

Кемеровская область.

БЕРЕЧЬ ТРУДОВУЮ ЧЕСТЬ

ОТНОСИТСЯ КО ВСЕМ

Пожалуй, первое, на что обратили мы внимание, читая в газетах отчет о встрече Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова с московскими станкостроителями,— это на конкретный, деловой разговор Юрия Владимировича с представителями цехов и заводоуправления и на то, что состоялся он во время рабочего перерыва.

Примечательный факт, свидетельствующий об истинном уважении государственного человека к трудовому распорядку коллектива.

Да, вопрос дисциплины, честного отношения каждого к своему делу — ключевой для дальнейшего подъема нашей экономики, улучшения нашего благосостояния.

«...Без должной дисциплины — трудовой, плановой, государственной — мы быстро вперед идти не сможем.— Отметил Ю. В. Андропов.— Наведение порядка действительно не требует каких-либо капиталовложений, а эффект дает огромный. Прогульщик, бракодел, лодырь наносят ущерб не столько себе, сколько коллективу, всему обществу в целом».

Ущерб этот огромен. Вспомнилось, как поразил встреченный недавно в газете пример, касающийся одного из крупнейших объединений. Потери рабочего времени составили там одну тысячу сорок один человеко-день, что, по сути, означало бездействие в течение целого дня двух ведущих цехов. А ведь набежало все по мелочам: кто-то опоздал на пять минут, кто-то отпросился пораньше, кто-то и вовсе устроил себе выходной.

Вот почему такой горячий отклик встретили у нас решения ноябрьского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, обратившего особое внимание на укрепление трудовой дисциплины.

Расскажу случай из жизни нашей бригады. Молодой рабочий при сборке узла повышенной точности допустил нет, не брак, а только маленькую неточность против чертежа. Изъян обнаружили контролеры. Помимо всего прочего, бригада в тот квартал лишилась первого места в соревновании по цеху.

Произошло это в первые месяцы после создания бригады (сейчас ей больше двух лет), послужило хорошим уроком и никогда не повторилось. Тот молодой сборщик по-прежнему трудится с нами, а коллектив наш в четвертом квартале прошлого года занял первое место по всем объединении. К 7 ноября мы выполнили задания трех лет пятилетки. Как это достигнуто? Каждый из моих товарищей показывает отменное трудолюбие, большую профессиональную подготовку. Пожалуй, не сразу перечислишь все приспособления, рожденные в бригаде для повышения производительности труда. Нет среди нас ни опаздывающих на смену, ни норовящих убежать до ее конца. Самодисциплина, самоконтроль, чувство ответственности за себя и других, за дело в целом — что может лучше обеспечить высокий результат?

Многие из этих качеств прекрасным образом воспитываются именно в бригаде. Потому расширение и укрепление бригадных форм труда — тоже один из главных резервов. Партийная организация объединения поставила задачу охватить ими восемьдесят процентов рабочих. Причем значительная часть будет трудиться на единый наряд и с оплатой по КТУ — коэффициенту трудового участия. У себя в цехе мы намечаем провести укрупнение бригад. Пусть будут только две сквозные, объединяющие оба участка — механический и сборочный, тесно связанные друг с другом. В единой бригаде можно достигнуть большего успеха и, что особенно важно, меньшим числом людей. А задачу наша бригада поставила серьезную: задания пятилетки выполнить за три года.

Уже сейчас мы в своем коллективе обходимся без одного человека. То же в бригадах И. Смалюка, Б. Захарова и других. В масштабе объединения получается внушительная цифра.

Хотелось бы отметить и следующие слова Ю. В. Андропова: «Нетрудно понять: чем больше наши успехи, чем крепче наша экономика, чем лучше обстоят дела в нашем народном хозяйстве, тем крепче будут наши международные позиции, тем прочнее будет мир на земле».

Этот мир мы укрепляем своими руками, своим трудом. И по праву гордимся, что нам удалось ознаменовать начало года отличным подарком строителям магистрального газопровода Уренгой — Помары — Ужгород. Им отправлен первый серийный газоперекачивающий агрегат ГТН-25. У него особая история. В самый разгар шумихи, поднятой американской администрацией вокруг поставок оборудования для трансъевропейской магистрали, наш известный бригадир А. Шагин очень едко заметил: «Никакая ножовка Рейгана не сможет перепилить нашу магистраль». И мы подтвердили эту уверенность делом, в рекордно короткий срок решив не только техническую, но и политическую задачу, досрочно изготовив уникальный энергетический агрегат. Теперь ГТН-25 — машина серийная, и четырнадцать таких богатырей мы отправим в этом году на трассу также ранее намечавшихся сроков.

Значение этого успеха еще и в том, что достигнут он благодаря самоотверженному труду невских машиностроителей, их достойному, сознательному отношению к своему рабочему долгу.

К. П. ШУМИЛОВ,
бригадир слесарей-сборщиков объединения «Невский завод» имени В. И. Ленина,
член Ленинградского обкома КПСС,
кавалер орденов «Знак Почета», Трудовой славы II и III степени

«Огонек» на «Атоммаше»

РУБЕЖИ БРИГАДЫ КЕЖВАТОВА

С трудом верится, что все это по силам сделать за год одной бригаде. Даже если в ней пятьдесят человек. Даже если им помогает самая разная техника. Но доказательства, как говорится, неопровержимые. И бумаги (наряды бригады за год) и самые главные — вещественные, фактические. И хотя объекты, сданные бригадой, упрятаны глубоко под землей (защита!), внушительность их размеров при взгляде с верхней площадки поражает. Сданы «под ключ» две огромные рентгенокамеры. В них стотонные туши атомных реакторов будут проходить беспристрастную проверку у придирчивых дефектоскопистов.

Кроме этих гигантских камер, бригадой сданы два кессона. И у них назначение серьезное: гидроиспытания корпусов реакторов и парогенераторов. Третий кессон — в глубоком заделе — вот-вот будет готов. Размеры? Через зев круглой шахты трактор с ковшом, выбирающий рыжую глину, кажется букашкой, в бригаде Кежватова его кличут «блохой».

Бригадир поругивается: долбежка и обрубка свай тормозят дело — бетонщики Гидроспецстроя напортачили, отступили от проекта. Вот и приходится на каждом кессоне, считай, по неделе заниматься бесполезным делом — обрубкой свай: нестерпимый грохот, пыль, потеря времени.

Бригадир Я. Кежватов и его товарищи по работе А. Курилов, А. Шаповалов и А. Белоглазов с призом журнала «Огонек».

Фото В. Краснова

Но рентгенокамеры и кессоны — еще не все. Потребовалось, и бригада возводила фундаменты под пять многоэтажных домов, участвовала в монтаже стен в первом корпусе. Ну, и прочие малые дела — они не в счет. Годовой план бригада Якова Антоновича Кежватова выполнила к 10 октября, через месяц справилась с обязательством произвести работ на 1 миллион 200 тысяч рублей. Пять лет подряд дружная бригада — в ней трудятся люди восьми национальностей — ходит в «миллионерах». А такой рубеж у строителей-монтажников считается отметкой высшего класса.

Вот почему решение общественных организаций мощного треста «Волгодонскэнергострой» присудить переходящий приз журнала «Огонек» — кубок «Мирный атом» бригаде Я. А. Кежватова признали справедливым многие десятки других бригад — ее соперниц по трудовому соревнованию.

— Мы очень рады победе,— говорит партгрупорг бригады, звеньевой Александр Шаповалов,— тем более что впервые обошли прославленную бригаду Георгия Фоменко, а ей долгие годы у нас не было равных. Гордимся и другим — довели до десяти тысяч рублей наш вклад в Фонд мира — это за почетного члена бригады легендарного генерала Дмитрия Михайловича Карбышева.

В лучшем зале Волгодонска — кинотеатре «Комсомолец» в присутствии сотен передовых строителей член редколлегии «Огонька» А. Панченко вручил бригаде-победительнице переходящий приз журнала.

На следующий день после вручения мы шли от троллейбусной остановки вместе с первой сменой бригады Кежватова на работу. Бригадир и его друзья остановились у длинного ряда корыт с водой и щетками. Аккуратно вымыли обувь и зашагали по бесконечному кафельному подземному коридору к своим рабочим местам. Их ждал последний кессон. Бригада начинала отсчет своего очередного миллиона.

А. ГРИГОРЬЕВ

Владимир НИКОЛАЕВ

ТРАГЕДИЯ МИЛЛИОНОВ

«Работы!» — требуют демонстранты.

Сегодня в Соединенных Штатах Америки, по официальным данным, не имеют работы двенадцать миллионов человек. Более шести миллионов американцев заняты неполный рабочий день. Около двух миллионов человек потеряли всякую надежду найти работу и не регистрируются больше на бирже труда.

Итого — безработица уже задела в той или иной степени двадцать миллионов американцев, то есть каждого пятого рабочего и служащего в США.

Безысходная трагедия миллионов! Суть ее не только и не столько в ужасающей статистике, сколько в невидимой глазу разрушительной силе, ломающей личность и лишающей ее человеческого достоинства. Американская газета «Интернэшнл геральд трибюн» пишет: «То, что потеря работы или источника дохода влечет за собой материальные затруднения,— факт слишком очевидный, но то, что эти затруднения являются, в свою очередь, причиной массовой психической и физической заболеваемости, об этом знают далеко не все. Для многих трудные времена — это не только отказ от мясной пищи и просрочка закладных, но также и неуверенность в себе, депрессия, запой, сексуальные проблемы, семейный разлад и даже психические болезни».

Более тридцати лет социолог Харви Бреннер изучал социальные последствия безработицы в США и установил, что ее увеличение в национальных масштабах на один процент вызывает рост числа самоубийств на 4,1 процента, пациентов в психиатрических заведениях — на 3,4 процента, заключенных — на 4 процента, количество убийств повышается на 5,7 процента. А кто подсчитает, сколько других болезней, не только психических, обрушивается на человека, потерявшего работу!!

Как известно, в США нет законов, гарантирующих работу, право на труд. При таком положении предприниматель— всесильный хозяин, а трудящийся полностью зависит от него.

В нашей стране право на труд не только провозглашено, но и гарантировано всей социалистической системой хозяйствования. Всеобщее право советских граждан на получение гарантированной работы с оплатой труда по его количеству и качеству было закреплено Конституцией СССР в 1936 году. Еще в 1926 году в нашей стране был один миллион безработных. Но уже в 1930 году биржа труда у нас была закрыта навсегда!

Казалось бы, кому не ясно, что право на труд — важнейшее социальное завоевание! А вот находятся оригиналы, которые оспаривают эту истину. Так, обозреватель американского еженедельника «Ньюсуик» Ив Лолан удивляется: «Как можно связывать право на труд с человеческим достоинством и записывать это право в один ряд с такими понятиями, как право на жизнь, свободу и счастье!» Он же утверждает: «О безработице, так же как о любви, сексе и инфляции, почти невозможно написать что-либо оригинальное». Оставим на совести автора словесную эквилибристику и обратимся еще к одному аспекту этой проблемы, возможно, и неоригинальному, с точки зрения Лолана.

Рост безработицы в США идет в ногу с гонкой вооружений. Известно, что беспрецедентная программа «перевоору-

Семья, выброшенная на улицу. (Фото из журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт»).

жения Америки» обойдется американцам в предстоящие пять лет в астрономическую сумму — 1,6 триллиона долларов. Вопреки утверждениям Пентагона о том, что военные расходы могут увеличить занятость на производстве, как-то решить проблему безработицы, последняя продолжает расти. В чем же дело! Почему наращивание военных расходов не уменьшает, а увеличивает число безработных! В специальном докладе, распространенном сенатором Кеннеди, указывалось, что очередной военный бюджет США лишил американский народ сотен тысяч рабочих мест. «Военные расходы,—говорится в докладе,—не приносят благ экономике, они не повышают занятость и, напротив, порождают безработицу». Суть в том, что военные расходы требуют большого количества оборудования и дорогостоящих материалов. Такие капиталовложения дают меньше рабочих мест, чем инвестирование тех же средств в мирную экономику.

Совет по экономическим приоритетам (общественная научная организация в Нью-Йорке) провел такое исследование: сколько рабочих мест создает один миллиард долларов, израсходованный на ракету МХ, по сравнению с миллиардом долларов, затраченным в других областях: на городском и железнодорожном транспорте, в коммунальном хозяйстве, жилищном строительстве и т. п. В каждой из этих сфер тот же самый миллиард долларов создает гораздо больше рабочих мест, чем при создании ракеты МХ (в системе образования, например, в два раза больше). Вот таким образом доллары, в изобилии затрачиваемые на военные нужды, и лишают американцев работы. Мало этого. Развивая ту же мысль, профессор-экономист Сеймур Мелмэн пишет: «В отличие от гражданских фирм, которые традиционно стремятся свести к минимуму производственные издержки ради извлечения максимальной прибыли, фирмы на экономической орбите Пентагона стараются как можно больше завысить все издержки, а тем самым и субсидии, которые будут им выплачены. Такой подход ведет к постоянному повышению цен. Военная экономика США — главный двигатель инфляции».

Известно, что в США существуют так называемые пособия по безработице. Их сумма и продолжительность выплаты в разных штатах разная. Максимальный срок их получения — 26 недель, размер — 40 процентов последней зарплаты. Как жить на эту подачку, если только одна квартирная плата доходит до половины заработка, а федеральные, городские, прямые и косвенные налоги забирают еще треть заработка!! Неудивительно поэтому, что американский журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» сообщил в январе: в США насчитывается до двух миллионов бездомных безработных, кочующих по стране. Можно себе представить их участь!

Таковы плоды рейганомики, плоды безудержной гонки вооружений...

«Рабочих не требуется. Просим не обращаться» — типичное объявление в США.

Лагерь бездомных безработных близ Хьюстона (штат Техас).

ДОРОГОЙ МИРА, СВОБОДЫ, ПРОГРЕССА

Александр ДЗАСОХОВ, первый заместитель председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки

Общественность двух крупнейших континентов нашей планеты, а также миролюбивая общественность в других районах Земли отметила двадцатипятилетие со дня создания Организации солидарности народов Азии и Африки. Это произошло в январе 1958 года в Каире, где виднейшие представители азиатских и африканских стран впервые в истории национально-освободительного движения собрались вместе, с тем чтобы решить важнейшие вопросы координации деятельности различных национальных организаций с целью усиления освободительной борьбы народов Азии и Африки.

За два с половиной десятилетия существования организация значительно расширила масштабы своей деятельности, намного разнообразнее стали ее задачи. Среди этих задач — борьба не только против империализма, колониализма и неоколониализма, но также против расизма, сионизма и фашизма, за обеспечение социального и культурного развития афро-азиатских стран.

Возникновение движения солидарности народов Азии и Африки, как и любого другого крупного общественно-политического течения, было процессом, развивавшимся в ходе многолетней антиколониальной борьбы и связанным с именами таких выдающихся борцов за дело национального освобождения, как Джавахарлал Неру, Гамаль Абдель Насер, Кваме Нкрума, Амилкар Кабрал, Агостиньо Нето, и других.

Миллионы его участников воздают должное ленинской интернациональной политике КПСС и Советского государства. Народы мира с огромным одобрением встретили слова Генерального секретаря ЦК КПСС Ю. В. Андропова о том, что активная и решительная борьба Советского Союза за ликвидацию колониализма, неизменная поддержка дела освобождения и равноправия народов облегчают им путь к свободе и прогрессу. «Об этом хорошо знают,— сказал Ю. В. Андропов,— народы Азии и Африки, Арабского Востока и Латинской Америки».

Ко времени первой конференции народов Азии и Африки на всем африканском континенте не было и десятка независимых государств. Много воды утекло с тех пор. Перемены произошли большие. Сейчас в Африке свыше пятидесяти стран являются независимыми. Из колоний «традиционного» типа на всем этом огромном континенте осталась Намибия. В другой стране — Южно-Африканской Республике—царит колониализм особого типа, когда угнетенные (24-миллионное черное население) и угнетатели (4-миллионное белое население) живут на одной территории. В этой стране расовая дискриминация доведена до высшей и наиболее уродливой формы — апартеида.

В ходе антиколониальной борьбы в Намибии сформировалось и окрепло национально-освободительное движение, возглавляемое Народной организацией Юго-Западной Африки (СВАПО). В Южной Африке, где традиции сопротивления уходят своими корнями в глубь прошлого века, в наши дни национально-освободительное движение вошло в решающий этап, и в его авангарде идет Африканский национальный конгресс (АНК), чье 70-летие было широко отмечено в 1982 году.

Движение солидарности народов Азии и Африки твердо выступает на стороне независимых африканских государств, ведущих борьбу против расистского колониального режима Претории. Его участники решительно осуждают вероломные, нарушающие все нормы международного права, агрессивные акции против Анголы, Мозамбика, Лесото и других стран этого региона.

Распространение империализмом сферы своей подрывной деятельности на «прифронтовые» страны этого региона поставило перед международным движением солидарности новые задачи. В поисках эффективных форм поддержки народов Юга континента возникла Международная комиссия по расследованию преступлений режима расизма и апартеида на Юге Африки и Международный комитет против апартеида, расизма и колониализма на Юге Африки.

Стремление к свободе находит горячий отклик у советского народа. Разнообразны формы, в которых советская общественность оказывает помощь национально-освободительным движениям. В феврале 1982 года теплоходы доставили большую партию оборудования для учебного центра АНК в Танзании, где занимается молодежь, вынужденная покинуть ЮАР из-за преследований расистского режима. Большое число активистов АНК и СВАПО обучаются в советских вузах по стипендиям, предоставленным Советским комитетом солидарности и другими общественными организациями.

Представители Организации солидарности народов Азии и Африки возлагают венок у могилы Неизвестного солдата в Москве.

Фото В. Рясина

История освободительного движения в Африке показывает, что никогда сила оружия не способна была сломить силу идей. Несмотря на то, что небо Южной Африки по-прежнему застилают черные тучи законов апартеида и плотные клубы дымовой завесы буржуазной пропаганды, ветры освобождения, веющие на африканском континенте, становятся все сильнее.

Антиимпериалистическое движение солидарности народов Азии и Африки на протяжении последней четверти века уделяет неослабное внимание ближневосточному региону. Это объясняется не только тем, что ОСНАА родилась в Каире, в столице Египта. Здесь, на Ближнем Востоке, не затихают острые битвы между силами прогресса и свободы, с одной стороны, и империализма и реакции — с другой. Как бы приняв эстафету враждебной арабским народам политики старых колонизаторов, империализм США стремится новыми по форме, но старыми по своей сути методами навязать свой гегемонистский курс арабским народам. Неоколониалистские силы хотели бы превратить этот район в придаток мирового капиталистического хозяйства и создать плацдарм для военно-политического наступления не только на революционные силы этого района, но и других стран Азии и Африки. Орудием своей политики США избрали Израиль, правительство которого оголтело проводит сионистский, захватнический курс.

В своем послании Организации солидарности народов Азии и Африки председатель Исполкома ООП Ясир Арафат в дни агрессии Израиля против Ливана указывал: «Мы всегда помним и уверены, что мы не одиноки в борьбе против зловещих американских планов. Нам выпала доля быть на острие этой борьбы, и мы знаем, что эта битва всех народов против империализма, за свободу, независимость и прогресс».

Организация солидарности народов Азии и Африки, приветствуя позицию СССР, направленную на достижение справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке на основе удовлетворения законных прав арабского народа Палестины, на создание своего собственного независимого государства и ликвидации последствий израильской агрессии, неизменно вносит свой весомый вклад в защиту и укрепление дружбы арабских народов с Советским Союзом.

С требованием немедленно прекратить израильскую агрессию против Ливана, вывести войска оккупантов, сохранить независимость и территориальную целостность этой страны выступила на днях Организация солидарности народов Азии и Африки в Каире. В распространенном заявлении постоянного секретариата ОСНАА отмечается, что вслед за крупномасштабной агрессией и массовыми преступлениями против ливанского и палестинского народов Тель-Авив взял курс на распространение своей экспансии в Ливане.

За спиной оккупантов, подчеркивается в документе, стоят Соединенные Штаты, которые стремятся втянуть Ливан в антиарабскую сделку по типу Кэмп-Дэвида. Вашингтон и Тель-Авив хотели бы превратить Ливан в плацдарм для осуществления военно-политических целей американского империализма на Ближнем Востоке.

В деятельности ОСНАА, объединяющей в своих рядах передовые общественные силы, проявляется принципиальный подход, направленный на защиту молодых революций, несущих освобождение от феодального и иного груза прошлого.

Так, например, с момента свершения в Афганистане Апрельской революции 1978 года ОСНАА решительно и бескомпромиссно вы-

ступила в ее поддержку, продемонстрировала на деле стремление внести свой вклад в стабилизацию обстановки в Юго-Западной Азии и на азиатском континенте в целом.

Организация афро-азиатской солидарности способствовала осуществлению поездок в Афганистан ряда представительных зарубежных делегаций.

Важное значение имеет и тот факт, что после Апрельской революции и особенно после декабря 1980 года при политической и организационной помощи ОСНАА в ДРА была создана Организация мира, дружбы и солидарности, занявшая с момента своего возникновения ясные антиимпериалистические, патриотические и интернационалистические позиции.

Движение афро-азиатской солидарности всегда оказывало поддержку народам Индокитая, и в частности народу Кампучии.

ОСНАА была одной из первых международных организаций, приветствовавшей создание Единого фронта национального спасения Кампучии, а затем и его победу.

Никогда ранее движение за устранение ядерной войны, за разоружение и мир не приобретало такого размаха и не было столь эффективным, как в наши дни.

Особенность нынешнего этапа антивоенного движения — это участие в его рядах самых широких слоев населения стран Азии и Африки. Несмотря на то, что участники этого массового движения современности принадлежат к различным национально-этническим общностям и придерживаются различных политических, идеологических и религиозных убеждений и взглядов, оно, это движение, имеет ясную направленность против милитаристского курса современного империализма, создающего реальную угрозу миру.

Итак, с закатом старого традиционного и многовекового колониализма задачи движения солидарности не исчерпываются. Мировое национально-освободительное движение вступило в новый этап — этап решения сложных вопросов хозяйственного строительства и борьбы за новый международный экономический порядок. Объединенные усилия участников движения солидарности направлены на защиту суверенитета молодых государств от непрекращающихся посягательств воинствующих кругов империализма.

Вместе с тем движение солидарности стран Азии и Африки придает особое внимание укреплению дружественного сотрудничества афро-азиатских стран со странами социализма. В результате такого сотрудничества уже возникли крупнейшие промышленные предприятия, сельскохозяйственные фермы, созданы научные и учебные заведения, где представители местных национальностей получают всестороннюю подготовку и становятся высококвалифицированными специалистами.

Твердая вера миллионов угнетенных людей в огромные преимущества социалистического строя получила достойное подтверждение в декабре 1922 года, когда более ста наций и народностей нашей страны объединились в могучее общество равенства и свободы — Союз Советских Социалистических Республик. И сейчас это великое содружество крепнет и развивается не только на благо народов Советского Союза, но и на благо всех людей нашей планеты, стремящихся к миру, прогрессу и всеобщему процветанию.

ОБРЕТЕНИЕ КРЫЛЬЕВ

Станислав КАЛИНИЧЕВ

Есть в Киеве район, где всегда приятно бывать. Куда ни глянешь — на улице, в магазине, на трамвайной остановке — всюду молодые симпатичные парни и девушки в синих кителях и шинелях. Летная форма сама по себе заметна, они ее носят с особым шиком и достоинством. Это будущие инженеры гражданской авиации. Конечно, и возле любого другого института каждый второй прохожий — студент. Но тут статья особая. Во-первых, форма, а во-вторых, особенность в том, что в одном месте, занимая почти стогектарную площадку, разместились все учебные и лабораторные корпуса, общежития, бытовые и спортивные комплексы. Они придали всему району, лежащему на стыке улицы Борщаговской и проспекта космонавта Комарова, этакий молодцевато-авиационный характер.

Многое необычно в этом институте. Взять хотя бы набор.

Это может показаться странным, но в Киевский институт инженеров гражданской авиации (КИИГА) труднее всего поступать... киевлянам. В прошлом году, например, на первый курс было принято полторы тысячи человек. И среди них лишь сто человек с Украины, Белоруссии и Молдавии, вместе взятых. Зато в одной только Тюменской области выездная комиссия приняла двести человек. Кроме того, живущему на Украине, в частности в Киеве, надо выдержать куда более суровый конкурс, чтобы попасть в число ста принимаемых специалистов по целенаправленному всесоюзному графику. В той же Тюмени или на Камчатке, на Чукотке авиация стала основным видом транспорта. Там нужны свои, местные кадры высшей квалификации. И вот каждую весну вылетают преподаватели в Иркутск, Новосибирск, Тюмень, Куйбышев и еще по многим адресам, где очень нужны инженеры-механики, прибористы, строители аэропортов, специалисты по радиолокации и наземному оборудованию. Там киевские преподаватели принимают вступительные экзамены.

Набор иностранных студентов — дело еще более сложное. Для них при институте есть подготовительный факультет.

Но, несмотря на столь кропотливый отбор, первый курс комплектуется весьма пестрой публикой. И дело не в том, что набранные из десяти регионов нашей страны и четырех континентов мира юноши и девушки приносят сюда свои песни, обычаи,— главное, что уровень и объем знаний у них весьма неодинаковы. На экзаменах в Киеве конкурс семь-восемь человек на одно место. Зная о таком конкурсе, не каждый решится подавать документы. За счет этого жесткость отбора возрастает еще больше. А где-нибудь, тысяч за семь километров восточнее, конкурс чисто символический...

Внешние различия нивелируются быстро: оденут всех в одинаковую синюю форму с золотыми нашивками, разместят по два-три человека в комнатах общежитий, где одна общая кухня на весь этаж, впишут в единый режим дня... А вот разницу в уровне знаний может преодолеть только хорошо продуманный учебный процесс.

УЧЕБА

Главное достоинство любого вуза — это преподаватели, наставники. В КИИГА работают почти пятьдесят докторов наук и профессоров, большой отряд кандидатов наук и доцентов. Когда студент приходит в библиотеку и подбирает учебники, на корешках книг он часто видит знакомые фамилии своих преподавателей. Многие рекомендации и правила обращения с авиатехникой, которые изучают будущие инженеры, разрабатывались здесь, в этих стенах. И вообще многие виднейшие специалисты по обслуживанию летательных аппаратов, аэропортов и аэродромного хозяйства трудятся в стенах этого института.

Ректор КИИГА А. Ф. Аксенов — его же выпускник, потом аспирант... Уже доктором наук ушел он отсюда на пост заместителя министра гражданской авиации по науке, а потом вернулся сюда ректором. Нынешний проректор по учебной части А. К. Янко тоже пришел сюда еще студентом. Он ведет большую научную работу. То же самое можно сказать о руководителях кафедр, ведущих профессорах и преподавателях специальных дисциплин. Только за последний год разработки институтских ученых, внедренные в производство, дали экономический эффект на девять миллионов рублей.

— Я еще в школе мечтала об этом институте,— рассказывает Катя Шестакова, студентка-заочница, старший техник десятой лаборатории.— Я видела, что ребята и девушки со всех концов мира, надев летную форму, становятся такими целеустремленными, дружными, вроде они приобщаются к какому-то авиационному братству... У меня было мало шансов поступить, но я старалась еще в школе. И мечта сбылась. Это даже интересней, чем я думала. Тут учеба налажена так, что вроде бы ты уже работаешь: все предметно, наглядно, студенты бывают на авиаремонтном заводе, авиастроительном, в аэропорту, а люди с предприятий приходят к нам на кафедры за советом и помощью. В учебных классах от занятий просто невозможно оторваться — так все увлекательно...

Большинство помещений, где студенты проводят занятия,— это сложные технические комплексы стоимостью в сотни тысяч рублей

каждый. В учебном классе ИЛ-86, например, можно проследить работу любого механизма, любой системы в развернутом, так сказать, виде. Здесь смонтированы все приборы, все рукоятки управления самолетом, а площадь стен без остатка занята действующими макетами электрической, гидравлической, радио, топливной и других систем этого воздушного корабля. Можно нажать кнопку «пуск» — и двигатель начнет работать. Можно повернуть любую рукоятку, и она отреагирует точно так, как в обычном самолете,— об этом позаботится ЭВМ. А наиболее ответственные узлы самолета расставлены по классу. Их можно разобрать, собрать, потрогать руками.

Такие же классы-лаборатории есть и по другим типам самолетов, по двигателям, оборудованию, вычислительной технике... Есть и свои полигоны в аэропорту, и даже — только специалисты могут оценить это в полной мере — свой ангар на территории института. Ангар, в котором мог бы разместиться, скажем, заводской цех, в который можно упрятать даже самый большой самолет, специально построен для того, чтобы студенты в любое время года могли постигать живое дело у себя «дома», то есть в двух шагах от учебного класса и в трех шагах от общежития.

Недавно здесь стали готовить бортинженеров. Их первый выпуск еще должен состояться. Но учебно-тренажерный комплекс уже построен, и студенты проверяют свои знания, свой характер, волевые качества в обстановке, максимально приближенной к полету.

...По трапу поднимаемся в кабину ТУ-144. (Настоящую. Она подвешена в просторном зале одного из учебных корпусов.) Пилот запускает двигатели. Их шум нарастает. Мерцают лампочки приборов. На экране радиолокатора — взлетная полоса, вдали виднеется поселок, за ним — лес. Пилот отпускает тормоза, и самолет устремляется по бетонке, все чаще мелькают огни, легкий толчок — и мы «в воздухе». Проплывают внизу крыши поселка, уходит клин леса, видна речка, луга... Вот экран радиолокатора заволакивается туманом. Мы «проходим» зону облаков. Далее будем лететь по приборам...

А в соседней с этим залом комнате, уставленной шкафами ЭВМ, сидит преподаватель и зорко следит за действиями пилота и бортинженера. Есть мировая статистика всякого рода неполадок, которые случаются в воздухе. Вот одну из них, вмешиваясь в работу ЭВМ, преподаватель вводит в программу «полета». Там, в кабине самолета, по действию приборов или как-то иначе, но это немедленно сказывается. А вот заметит ли неполадку экипаж, как скоро и какое решение примет бортинженер, насколько точными и энергичными будут его действия — все это преподаватель увидит на своем пульте.

Добрую славу института поддерживают несколько поколений его бывших и нынешних студентов. Мне доводилось разговаривать со многими из них. И не только наши ребята, но даже иностранцы еще до поступления в КИИГА были довольно наслышаны о нем... Сириец Сакер Бассам учится на факультете аэропортов. Он окончил 12 классов школы у себя в Латакии и собирался поступать в иное учебное заведение в другой стране. Как раз в это время в Латакию приехал друг его старшего брата Али Дуканджи — студент КИИГА. Он такое рассказал о своем институте, что Сакер тут же решил: только СССР, только институт инженеров гражданской авиации! И поступил.

Прошло три года. Сакер Бассам из Киева приехал домой на каникулы. Встретил своего приятеляИяда Абдуррахмана, разговорился. В общем, Ияд теперь тоже студент института гражданской авиации, правда, не в Киеве, а в Риге, но это уже деталь...

Многие зарубежные выпускники института стали известными людьми в своих странах, занимают высокие посты в министерствах и в руководстве авиакомпаний. И, как правило, не порывают связи со своими учителями. Недавно в Киеве побывал Тибор Мазалин, который в 1969 защитил здесь диплом инженера-механика с отличием. Ныне он старший бортинженер венгерской авиакомпании «Малев». Тибор был в числе тех, кто первым осваивал полеты на ТУ-154 в составе трехчленного экипажа. Ныне этот опыт изучен, и на всех ТУ-154 фирмы «Малев» летают экипажи без штурманов. Обязанности штурмана делятся между бортинженером и вторым пилотом. Естественно, что Тибор Мазалин выступил в институте с лекцией, где подробно рассказал о своем опыте.

И все же знания по своей специальности — далеко не все, что дает институт.

ЗРЕЛОСТЬ

Этот торжественный вечер во Дворце культуры института был не похож на другие, которые нам доводилось видеть. На фоне хроникальных кинокадров сцену заполонили солдаты и матросы, которые «штурмовали Зимний», затем «уходили комсомольцы на гражданскую войну», строили Днепрогэс и Магнитку... И все это — в пластике, в музыке, в живых образах. Немые сцены сменялись песней, хореографическими картинками, героической пантомимой.

Потом на сцену вышел ректор и вместо доклада произнес двухминутный рапорт о том, что сделано руководством института за прошедший год. После него на сцену один за другим стали выходить представители отдельных служб, общественных организаций, студенческих стройотрядов, и каждый рапортовал, что сделано за год. Наши и зарубежные студенты докладывали пусть не про столь большие, зато собственные дела и достижения в честь Октября. Это было довольно любопытно, потому что конкретно: одни собрали сотни тонн хлопка, другие построили механизированный ток, третьи внедрили научную разработку...

После я разговаривал с кубинцем, студентом третьего курса мехфака. Его зовут Даниель Пуиг-Перес. Он небольшого роста, курчавый, с ослепительной улыбкой на темно-каштановом лице. В СССР его больше всего поразил снег, увиденный впервые и в таком большом количестве. А нынешним летом Даниель в составе студенческого стройотряда проработал лето в Магаданской области. Они строили завод по ремонту дорожной техники. 35 студентов заработали больше тридцати тысяч рублей и передали их в Фонд мира.

— Вам понравилось в Магадане?

Даниель сверкнул улыбкой:

— Очень! Так хорошо было! — И чтобы собеседник правильно понял его, поднял при этом вверх большой палец.

Тысячи километров проходят каждое лето студенты по местам боевой и трудовой славы, с увлечением работают в своем научном обществе, посещают десятки спортивных секций и кружков художественной самодеятельности. Перуанцы, нигерийцы, индийцы и представители еще более чем пятидесяти стран вместе с нашими студентами бывают в Волгограде и Бресте, Корсунь-Шевченковском и Одессе... Но хочется обратить внимание не на то, как весело и с увлечением проводят они свободное время. Главное, вся огромная внеучебная работа ведется целенаправленно, с пониманием основной задачи — воспитать не только отличного специалиста, но прежде всего человека, гражданина.

И тут есть богатый опыт, своя традиция. Я спросил у Ирины Терновой, студентки-третьекурсницы, чем она увлекается после учебы.

— Я занимаюсь в «Полете»,— ответила она.

— Что это такое?

— Разве вы не знаете? Это народный ансамбль. Мы танцуем вполне профессионально. За границей выступали с успехом, и дома нас так любят... Сейчас готовим новую программу, четыре раза в неделю репетируем.

— Это не мешает учебе?

— Наоборот. Такая разрядка помогает. С неважными оценками в основной состав ансамбля и не возьмут. У нас в основном составе тридцать пар. А в подготовительных классах еще человек двести. Много и иностранцев. Знаете, они свой колорит вносят. Вот были братья-близнецы с островов Зеленого Мыса. Они уже защитили дипломы... Танцевали прекрасно. Даже поставили один танец, который и сейчас в репертуаре. Честно говоря, я уже не мыслю учебу без «Полета».

— Хорошо,— сказал я, приглашая Ирину порассуждать вместе,— вот вы танцуете, а кто-то поет или играет... Все это делает жизнь института более емкой, интересной. Но вот получите дипломы, как те братья с островов Зеленого Мыса, разлетитесь в разные стороны — и все забыто? Кстати, лично ваша будущая профессия — автоматика и вычислительная техника — никак не соприкасается с плясками...

— Неправда. Каждый, кто танцевал в основном составе «Полета», вместе с дипломом об окончании института получает и удостоверение хореографа. Мы в ансамбле и теоретические лекции слушаем и получаем режиссерские навыки.

— Кто же вам выдает удостоверения?

— Факультет общественных профессий.

Так мы добрались до сути проводимой тут культурно-массовой и политико-воспитательной работы. Как и подобает представителям точных наук, руководители института создали четкую систему всесторонней подготовки будущего специалиста. Все многочисленные кружки, секции, студии объединены в факультет общественных профессий. На нем есть отделения технического рисунка и изобразительного искусства, журналистики, патентоведения, управления и социального планирования и другие. Студентам дается возможность понять, что мир увлечений — нечто большее, нежели мир развлечений. Как это может сказаться в их будущей работе, как они собираются использовать в дальнейшем все то, чему научились в институте, помимо обязательных дисциплин, объяснила Ира Терновая:

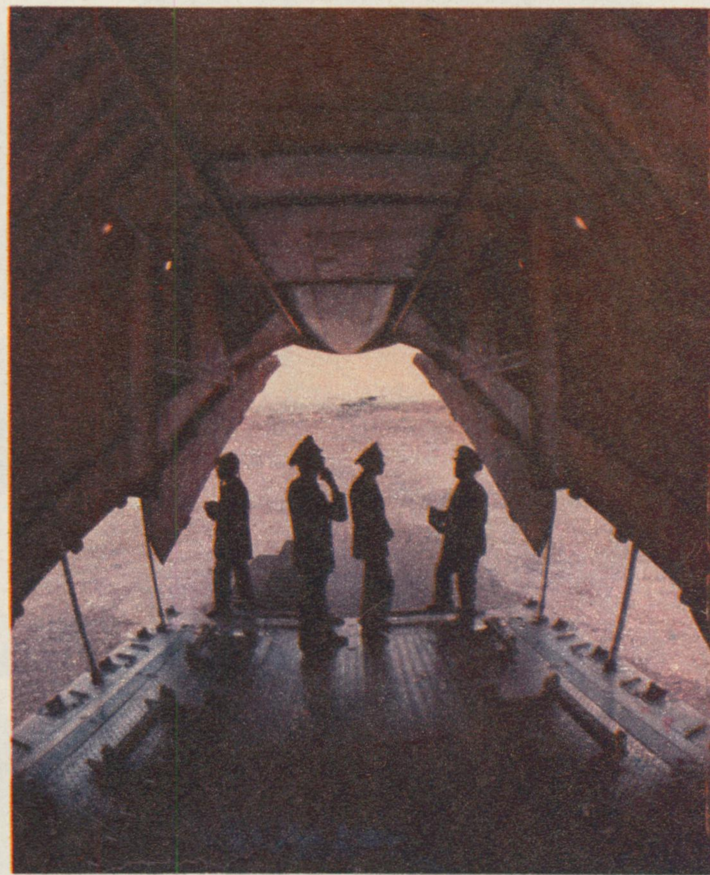
— Возьмем самый отдаленный аэродром, где, скажем, самолет и вертолет — единственный транспорт. Там работают специалисты нашего профиля. И вот представьте: инженер-механик знает основы журналистики, инженер-радист к тому же хореограф, приборист окончил отделение технического рисунка... Если соберутся такие, вокруг них и коллектив быстрее сплотится, и досуг они будут проводить не менее интересно и содержательно, чем жители большого города. А разве не окажется находкой в таком коллективе человек, который, кроме своей профессии, обучался еще и основам научного управления и социального планирования?

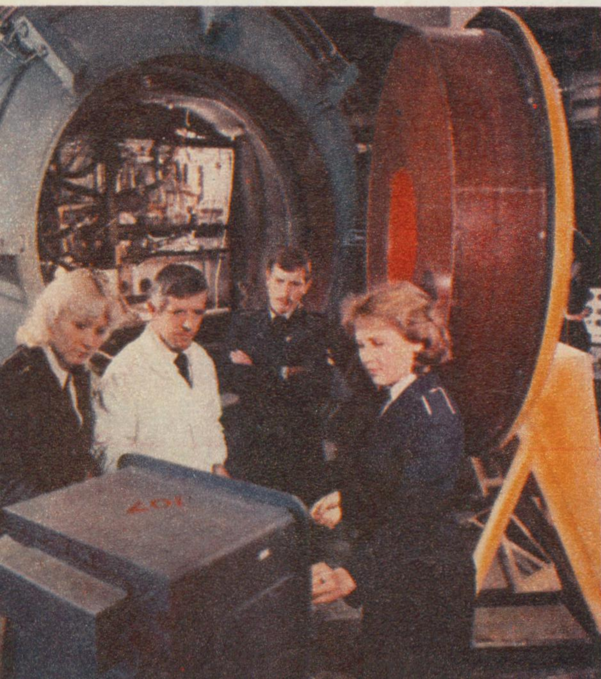
Надо полагать, окажется находкой. Потому что в КИИГА воспитывают, а не только обучают. И хоть готовит институт специалистов в основном наземных служб авиации, люди отсюда выходят окрыленные, твердо знающие свою специальность и свое место в жизни.

Учебная авиационно-техническая база * В кабине самолета инструктор практического обучения Н. М. Анистрат и студенты 3-го курса механического факультета Е. Разумный и С. Кравец.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

Виктор СМИРНОВ

ОГНИ ЗЕМЛИ

КОЛОДЕЦ

Как ни пустынна высь без солнца,
Что село за стога, слепя,—
На свете нет мрачней колодца,
Который исчерпал себя.
Он всех поил и в зной жестокий
И в лютые морозы. Но...
А люди думали: глубокий.
А в нем так близко было дно.
Бранились бабы. В самом деле:
Что делать? Кончилась вода.
И звезды те, что в нем горели,
Теперь погасли навсегда.
Над ним склонились злые лица.
Но ведра, как ни злись, пусты.
А с ним бы взять и поделиться
Звенящей каплей доброты...
В груди — тревожное волненье.
Стою безмолвно в тишине.
Родник былого вдохновенья,
Что, как иссякнешь ты во мне?

●

Новый день взвалив на плечи,
Не устав на свете жить,
Мать затапливает печку,
Чтобы с миром говорить.
И, трудясь неутомимо,
Так, что пот блестит на лбу,
К небесам веревкой дыма
Привязала мать избу.
Были слезы, были войны
В трудной маминой судьбе.
Но пылает печь — вороны
Жмутся радостно к трубе.
И как будто возле сердца,
Что в груди светло стучит,
Около печи согреться
И моя строка спешит.
Пусть ложатся снега хлопья
На луга и на поля —
Если печку мама топит,
То тепло тебе, земля...

●

По узкой луговой тропе,
Что дом соединяла с полем,
Бывало, я бежал к тебе,
Не замечая чьей-то боли.
Я нынче боль делю с людьми.
Неужто сердце постарело?
Нет, просто в поисках любви
До поисков добра прозрело.

●

Быть может, в поисках меня
блуждая,
Разбрасывая темень по бокам,
Удача шла, как рыбина большая,
Лишь волны робко жались к
берегам.
Я бросил сеть. И, кутаясь
внакидку,
Удачи ждал, как ждут луга восход.
Но тонкая не выдержала нитка —
Моя удача унеслась вперед!
Угрюмо я вернулся к дому прямо,
Идя сквозь лепестковую метель.
Смотрю: не говоря ни слова,
мама
Садится тихо за свою кудель.
Лучи листву ласкают над калиткой.
За прялкой сидя, свято верит
мать,
Что сетью из льняной суровой
нитки
Ту рыбину удастся мне поймать.

●

Проклинаю удел свой и труд,
Если, радости жить угрожая,
Мощно мутные мысли текут,
Искаженно весь мир отражая.
Счастье темною стало бедой.
И, на крыльях любви вознесенный,
Сизый голубь, летя над водой,
Повторился в ней серой вороной.
О, жестокая сила реки!
От тебя никуда мне не деться.
Докричусь ли до вас, родники
Моего деревенского детства?
И они там, под отчей землей,
Зов услышав, спешат на подмогу.
Бьют сквозь мелкий песок
золотой —
И светлеет река понемногу.
Прояснились и клен и крыльцо.
Ночь угрюмая днем обернулась.
И, сияя, любимой лицо
Солнцем из глубины улыбнулось...

●

Мне бег ее казался вечным...
Но, этой вере вопреки,
Поля раздвинулись — и речку
Зажали, будто бы в тиски.
А что, как век ее осу́шит,
Решительно верша своё?
А ведь она впадает в душу
И вытекает из нее...

●

Вот говорят: закат багров к беде.
Но нет беды. Ночь радует, как
небыль.
И, словно бы кувшинки на воде,
Сияют звезды с черной глади
неба.
Их унести теченью не дано
Туда, где птиц ночных тревожны
крики.
Они, как на реке родной
кувшинки,
Корнями крепко держатся за дно.

●

В песок пустой сотрутся жернова.
Крепчайший лед под тяжким
ломом брызнет.
И только боль бессмертна. Боль
жива,
Поскольку боль — сама зародыш
жизни.
От этого никто не убежит.
Для всех и для всего закон
жестокий.
Живут рожденные лишь болью
строки.
И ты живешь, пока душа болит...

●

Ветерок из-за лозы струится.
Лодка на цепи — не знаю, чья.
И вода под солнцем серебрится
Ярко, словно рыбья чешуя.
Бьет по зренью луч, в реке
зажженный.
Нету мочи здесь, на берегу.
Но стою я как завороженный —
Будто бы споткнулся на бегу.
Что-то вдруг плеснет чуть слышно
в сердце,
Вспыхнет в лад мерцающей волне.
Станет весело, как в давнем
детстве:
Все былое оживет во мне.
Некогда. Но я не убегаю.
Чувствую: в душе растет добро.
Золотое время убиваю
На речное это серебро.
Ухожу, очищен и возвышен.
Даром не прошли мгновенья те:
Целый день я ничего не вижу —
Только звезды блещут в темноте...

●

Что жизнь — река, давно мы
уяснили.
Нам плыть дано, враждуя и любя.
Но если недруги меня топили,
То́ я лишь глубже уходил в себя.
Скажите: сам нырнул бы так?
Едва ли.
Твердишь ты: с добрыми людьми
дружи!
Но недруги — они мне помогали
Богатства находить на дне души.

●

Летели в небе журавли,
Дыша родным рассветом вольно.
От крыльев вниз и вверх текли
Весеннего пространства волны.
И, подчиняясь той волне,
Которая земли коснулась,
Мне показалось, что во сне
Ресницы дочери качнулись...

●

Он был мужик лихой.
Творил добро и беды.
Случалось, что лозой
Наказывали деда.
Лежал лицом к стене
Он, став от боли тише.
Удары по спине
Лишь первые он слышал.
Лоза свистела вновь.
Глядел помещик сонно.
И выступала кровь.
А он уже — ни стона.
Лоза свистела — ох! —
Как будто птица в поле.
А он уже оглох
К той самой жгучей боли.
Горжусь, что мы родня:
Я весь в него невольно.
Жизнь бьет и бьет меня,
А мне давно не больно...

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПТИЦ

Вновь люди взгляды поднимают
К давно забытым небесам,
Где гордо птицы пролетают,
Нас приобщая к чудесам.
Им смерть в глаза глядела
грозно.
В дороге было тяжело.
Не всем в пустующие гнезда
Сквозь бури донести тепло.
Что говорить: их жребий труден.
Им человек порою враг...
Но рассекает ветер грудью
Для клина своего вожак!
Я на земле. Но я зависим
От журавлиных вереница:
Мне возвращенье светлых
мыслей
Приносит возвращенье птиц.

●

Яркость луга. Ольхи высота.
Девки красной крылатые брови.
Ты стремилась всегда, красота,
Отразиться в единственном
слове.
И коль это случалось порой,
Ликовал я, шатаясь, как пьяный,
По родной широте полевой,
По родимой пахучей поляне.
Я, наверно, старею: в лесу,
В поле, там, где ячмень колосится,
Красота переходит в слезу,
Чтоб в ее чистоте отразиться...

●

Они в глухую ночь не спят одни.
И, уважая древнюю привычку,
Огни земли, небесные огни
Ведут между собою перекличку.
Мне сладко знать, что в мертвой
тишине,
В которой сердце слишком гулко
бьется,
Когда мигнет огонь в моем окне,
Ему звезда невольно отзовется...

●

Нет, не зябко дороге лесной
Вылетать на родные просторы...
Обрастают деревья листвой,
Обрастают травой косогоры.
Обрастает туманами ель,
А ольха — соловьиным свистом.
Жизнь, бессмысленная досель,
Обрастает высоким смыслом.
Рвется радостно в небосвод
То, что жалось к земле покорно.
Что́ трава — даже слово растет
От могучего русского корня!

Смоленск.

Студенты подготовительного курса из Йемена Альдуфри Абдуль Малек и Вахас Мухамед Мохсын в лаборатории учебного телевидения * На уроке математики * Идут практические занятия * Лаборатория надежности топливных систем самолетов. Занятия студентов 2-го курса проводит С. Л. Манита.

Исполняется 80 лет со дня рождения крупнейшего советского ученого — Анатолия Петровича Александрова. Уже около десяти лет возглавляет он Академию наук СССР — в 1975 году его избрали президентом. Академик Александров — директор Института атомной энергии имени И. В. Курчатова. За свои научные труды он трижды удостоен звания Героя Социалистического Труда, является лауреатом Ленинской и Государственных премий.

Накануне юбилея мы встретились с видными советскими учеными и попросили ответить на вопрос: какие, по их мнению, определяющие черты присущи Анатолию Петровичу Александрову как ученому, руководителю, человеку?

ПРЕЗИДЕНТ

Академик Е. ВЕЛИХОВ, вице-президент АН СССР

Особое место среди огромной научной, общественной и государственной деятельности академика А. П. Александрова занимает его работа на посту президента Академии наук СССР. Здесь его отличает прежде всего широчайшая научная эрудиция и интерес ко всему новому в науке, к тончайшим, но важнейшим элементам ее развития. Пожалуй, трудно указать какую-либо область современной фундаментальной науки, которая оказалась бы вне поля зрения президента нашей академии. Его стиль общения с людьми, демократичный и доступный, позволяет ему быть в курсе самых новых научных проблем и достижений. Все новое и передовое в науке неизменно находит его поддержку. Естественно, это было бы невозможно без исключительной работоспособности Анатолия Петровича.

Академик Александров ведет работу по решению самых разнообразных по своему характеру и масштабу проблем, связанных с организацией и развитием фундаментальных исследований, поиску новых, эффективных путей их практической реализации. Особое внимание уделяет он развитию современной базы научных исследований, научного приборостроения и автоматизации научных исследований. Создание в Академии наук таких уникальных по масштабам и экспериментальным возможностям установок, как ядерный исследовательский реактор «ПИК», ряда других крупных экспериментальных установок, сооружение академических заводов научного приборостроения — лишь небольшая иллюстрация его деятельности в этом направлении. Его интерес к развитию приборостроения диктуется не только огромной значимостью этой проблемы для развития науки, но и высочайшей квалификацией ученого.

Потенциал Академии наук СССР все более включается в решение важнейших проблем развития народного хозяйства, в общий научно-технический прогресс страны. Это и ключевые вопросы развития энергетики и совершенствование сельскохозяйственного производства, развитие медицины, в решении которых по инициативе президента все большее участие принимают коллективы академических институтов различного профиля. Достаточно напомнить, как активно поддержал Александров оригинальные работы по созданию эффективной вакцины против гриппа, начатые в ленинградском Институте ядерной физики.

Сегодня, когда вычислительная техника и ее база — микроэлектроника — радикально преобразуют как методы науки, технику и производство, так и сам образ нашей жизни, необычайно возросло значение фундаментальных исследований по физическим и математическим основам этого важнейшего научно-технического направления. Широкое развитие таких исследований в Академии наук, налаживание кооперации академии с промышленными организациями — одна из крупнейших заслуг президента.

При поддержке академика А. П. Александрова начаты и успешно развиваются совместные работы академических институтов с промышленными предприятиями по наиболее актуальным направлениям металлургии и машиностроения, в частности по порошковой металлургии, лазерному, плазменному и ионному упрочению деталей машин и механизмов, автоматизации машиностроения,— весь комплекс тех ключевых проблем, от которых зависит эффективность нашего народного хозяйства и производительность труда.

Необычайно много делает Анатолий Петрович для координации усилий Академии наук СССР и республиканских академий, направленных на развитие науки, техники и культуры нашей многонациональной Родины, решение социально-экономических проблем страны.

На всех, кто работает или даже просто встречался с Анатолием Петровичем, неизменно оказывают сильное влияние его принципиальность, способность глубокого проникновения в сущность научной проблемы и четкого анализа ее места и значения, сочетаемые с доброжелательностью и сердечностью.

ЧУВСТВО НОВОГО

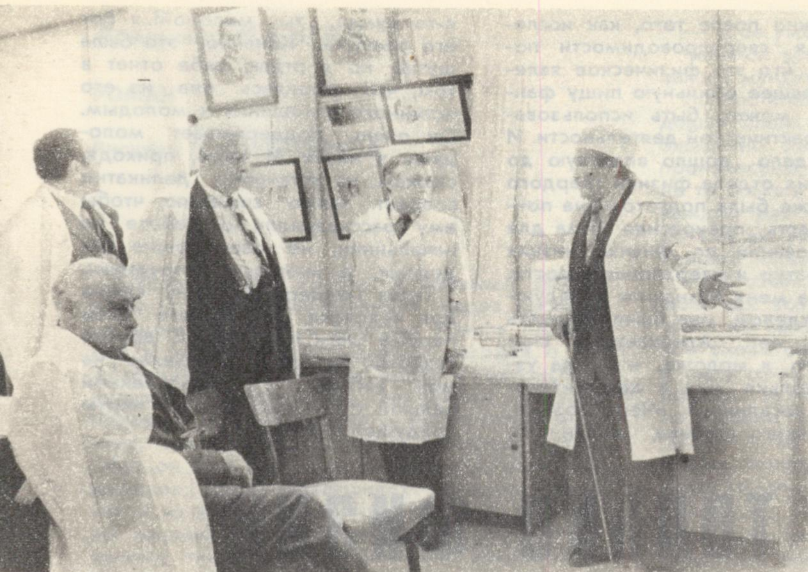
В. ЛЕГАСОВ, академик

Начну с чувства нового — оно необычайно развито у академика Александрова. Многих удивляет: президент Академии наук, директор большого института, то есть достаточно загруженный всевозможными делами человек и уже немолодой, с легкостью снимается с места и отправляется в научный институт или на промышленное предприятие в любой точке Советского Союза. Можно подумать, что он не очень доверяет своим помощникам и приезжает, например, на пусковой объект, чтобы еще раз все проверить перед пуском. Бывало и так, но сейчас он чаще едет туда, где появилось что-то новое. Узнать ранее неизвестное ему, найти вновь узнанному приложение, правильно выбрать время и способ пропаганды — это Анатолий Петрович делает неподражаемо.

От многих специалистов его отличает необыкновенная отзывчивость к возникающим техническим надобностям государства. Еще учась в университете, Анатолий Петрович заинтересовался устройством атома, но первая его научная работа была посвящена физике диэлектриков. Эти его исследования сохраняют актуальность и по сей день. Я никогда не спрашивал Анатолия Петровича, почему именно диэлектрики заинтересовали его, да это было и ни к чему. Чем еще мог заниматься отзывчивый к нуждам страны физик в период электрификации государства?

Затем А. П. Александров занялся исследованиями свойств полимеров, поскольку угадал в высокомолекулярных соединениях огромную перспективу для материаловедения. В итоге его работы получил путевку в жизнь полистирол, важнейший материал для зарождавшихся электро- и радиотехники. Эти исследования молодого тогда ученого принесли ему известность и докторскую степень. Казалось, чего еще человеку искать? Развивай достигнутый успех в уже знакомой области. Но наступило тревожное предвоенное время. Моряки озабочены незащищенностью наших кораблей от магнитных мин. Многие видные специалисты по магнетизму считают задачу нерешаемой. Анатолий Петрович отзывается и на эту проблему, совсем новую для него. И к началу войны он вместе со своими сотрудниками создает метод защиты кораблей, сам участвует в первые годы войны в практическом оснащении кораблей ряда флотов и флотилий необходимыми устройствами. В благодарность за спасенные корабли и жизни в Севастополе установлен памятник участникам этой работы. Можно только удивляться тому, как получается, что работы Анатолия Петровича всегда оказываются на самом нужном для страны направлении. Когда возникла необходимость в решении атомной проблемы, Александров оказался среди ведущих участников этой выдающейся работы. Ему поручались ключевые, связанные с созданием принципиально новой техники задачи. Раньше, чем многие, Александров осознал значение атомной энергетики и возглавил работы по созданию атомных станций.

Отзывчивость — органическое свойство натуры Анатолия Петровича, проявляется оно и в отношении к людям. Когда он был избран президентом АН СССР, мы, его помощники по институту, пытались разгрузить его от неко-

А. П. Александров постоянно бывает в академиях наук союзных республик. В Институте ядерной физики Казахской Академии наук.

В Киеве во время беседы с президентом АН Украины академиком Б. Е. Патоном.

И. В. Курчатов и А. П. Александров. Фото Д. Переверзева

Фото В. Ободзинского

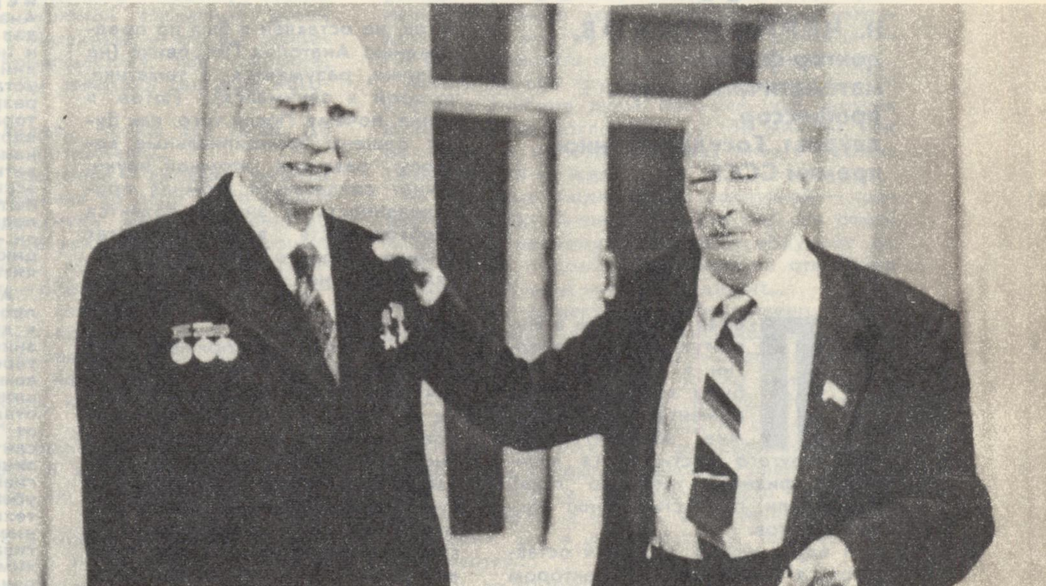

Младший внук Петя — любимец деда.

На родине в Тараще.

Со старым другом академиком И. К. Кикоиным.

торых институтских забот. Когда Анатолий Петрович узнал, что в «разгружаемые» дела попали и обычные для него заботы о здоровье сотрудников, членов их семей, он разгневался. Эту отнимающую у него много времени заботу наш директор считает своей святой обязанностью.

Академик Александров точно знает, что новое и крупное дело нельзя сделать на базе имеющихся знаний, готовых технических решений и т. д. И поэтому какое бы новое дело ни начинал Анатолий Петрович, опорой для него служит фундаментальная наука, к которой он относится бережно и требовательно одновременно. А его удивительная интуиция помогает точно определить, когда научные открытия или технологические находки должны стать основой крупных инженерных проектов.

возможно после того, как исследования сверхпроводимости показали, что это физическое явление, давшее обильную пищу фантастам, может быть использовано в практической деятельности. И когда дело дошло вплотную до создания отдела физики твердого тела, уже была подготовлена почва, то есть прекрасная база для исследований по физике низких температур и сверхпроводимости.

Когда меня назначили заведующим отделом, мне было тридцать восемь лет. Александров считал, что я моложе, и когда узнал, сколько мне в действительности, воскликнул: «Черт возьми, тебя, такого старика, выдвинули, я-то думал, ты молодой!..» Вот его реакция. Конечно, это была шутка, но я отдаю себе отчет в том, что родилась она из его истинного отношения к молодым. Он очень поддерживает молодежь в науке. И часто, приходя, скажем, на установку, деликатно создает такую ситуацию, чтобы ему рассказывали о работе не начальники, не заведующие отделами, а молодые сотрудники.

Такая поддержка очень важна для человека, делающего свои первые шаги в науке. С другой стороны, академик это делает, на мой взгляд, с определенной целью: чтобы рассмотреть черты грядущей смены.

ЛИЦОМ К ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Н. ХЛОПКИН,
член-корреспондент
АН СССР,
Герой
Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии

В период создания первого в мире атомного ледокола «Ленин» академик А. П. Александров был научным руководителем работ. Сейчас, возвращаясь мысленно к тем временам, я должен сказать, что именно Анатолий Петрович сильно повлиял на мою профессиональную судьбу. До войны я успел проучиться в Московском энергетическом институте один курс. Вернулся в институт уже в 1947 году. И мне предложили пойти на только что организованный факультет — физико-энергетический. Что это за факультет, никто не знал. Но людей туда тщательно отбирали. Позже я узнал, что факультет организовал А. П. Александров.

Сейчас, когда в стране появилась мощная атомная промышленность, остается только удивляться тому, насколько своевременно Анатолий Петрович позаботился об организации подготовки кадров промышленности, которую еще только предполагалось создавать.

Интересно, как формировался учебный процесс по нашей специальности. Очевидно, тогда еще четко не знали, чему же нас учить. Предполагалось готовить и научных сотрудников и инженеров одновременно. Мы слушали курс лекций в МЭИ и ездили в Институт физических проблем АН СССР, директором которого был Александров. Там крупные ученые проводили с нами семинары, учили с самого начала находить научный подход к инженерным проблемам. Одновременно нам читали курс по теории реакторов. А спустя два года мы уже стали приезжать в Институт атомной энергии для непосредственного приобретения навыков в обслуживании установок.

В то время вовсю шли разработки атомных реакторов, и мы прямо на месте изучали свойства топлива, теплообмен. Нам позволялось проводить наши студенческие исследования на установках и поручались серьезные производственные задания. Вот такую учебу организовал нам Анатолий Петрович.

А уже потом, когда мы начали работать в институте, наши предложения самым серьезным образом рассматривались Анатолием Петровичем и другими учеными. Наши дипломные проекты также были оценены А. П. Александровым — на защите он был председателем государственной экзаменационной комиссии.

Потом началась работа в коллективе, создававшем ледокол «Ленин». Когда мы заходили в тупик, обращались к Анатолию Петровичу и всякий раз поражались энциклопедичности его знаний и интуиции. Он настойчиво требовал доклада обо всех трудностях разработки. Стоило нам доложить о каких-то неисправностях, он тут же указывал, где искать их причины. Вспоминается такой случай. Мы впервые в мире применили на ледоколе главные циркуляционные насосы горизонтального типа. Они хорошо вписывались в установку, но иногда их невозможно было пустить. Позвонили в Москву Анатолию Петровичу, говорим: «По временам насосы невозможно провернуть». Он тотчас ответил: «Из-за неравномерного охлаждения». Мы посмотрели — точно: нижняя часть насосов охлаждается более холодной водой. Получается перекос, и в результате насос заклинивает. Как и раньше, так и теперь Анатолий Петрович всегда именно чувствует любой новый механизм, во всех его проявлениях.

Сейчас наша страна располагает прекрасным атомным флотом, созданным под руководством А. П. Александрова. Беспримерный поход к Северному полюсу ледокола «Арктика» доказал, что для наших атомоходов доступны любые точки в морях полярного бассейна.

НЕ ТОЛЬКО ФИЗИК

Н. ПОНОМАРЕВ-СТЕПНОЙ,
доктор технических наук,
профессор,
лауреат Государственной премии СССР

Защищал дипломную работу в Институте атомной энергии я в 1952 году. Председателем государственной экзаменационной комиссии был Александров. Нас было четверо дипломников, а вот пиджак был на всех один, поэтому мы его надевали по очереди, входя в экзаменационный зал. Потом нас пригласили выслушать решение комиссии, и мы вошли уже в рубахах. Анатолий Петрович с юмором говорит: «Ваши работы нам понравились, ставим вам отличные оценки. Но меня не оставляет ощущение, что во всех четырех защитах было что-то одинаковое...» Один из нас произнес: «Может быть, пиджак?» Все, конечно, развеселились.

Если отнестись к этому эпизоду несколько серьезнее, чем к студенческому анекдоту, то он для меня служит наглядным примером одного из свойств академика А. П. Александрова: сосредоточиваясь на главном, он как бы боковым зрением видит массу окружающих, вроде бы второстепенных деталей. И именно эта способность — тут уже я вступаю в область собственных предположений — позволяет Анатолию Петровичу перекидывать мостки к конкретным техническим решениям, направлять развитие инженерных работ.

Хочется подчеркнуть: академик Александров не только ученый-физик, имеющий мировое признание, но в не меньшей степени и инженер-профессионал. Мне Анатолий Петрович как-то преподал урок в этом плане. Я пришел к нему с чертежами: «Вот, Анатолий Петрович, мы задумали новую установку, которую предполагаем разрабатывать вместе с конструкторами». Он углубился в чертежи и вдруг задает вопрос: «А вот скажи, какая здесь будет сварка?» Я ответил, что это всего лишь предэскизные разработки и, может быть, еще рано говорить о таких подробностях. «Ну нет, — говорит он. — Я всегда любую конструкцию, которой занимаемся, предпочитаю знать досконально...»

Анатолий Петрович никогда не проходит мимо последних явлений в других науках и областях физики. В нем живет природный интерес и любопытство ко всему новому. Я, например, ревную, когда вижу, что он занялся вдруг, отвлекаясь, как мне кажется, от атомной энергетики, вычислительной техникой или физикой твердого тела, или биологией, химией. Но впоследствии убеждаюсь, что вычислительную технику он увязывает с улучшением систем управления и автоматизации атомных электростанций, химические процессы помогают решать инженерные проблемы реакторных установок. Он физик, и его, естественно, интересуют глубины материи, а интерес к, казалось бы, «посторонним» вещам обусловлен постоянным поиском новых возможностей внедрить результаты научных исследований.

Я работаю под руководством Анатолия Петровича тридцать лет, и меня давно заинтересовали удивительные свойства его памяти. Для начала возьмем чисто житейскую сторону. Как директор института, президент АН СССР, просто как человек, у которого за плечами уже восемьдесят прожитых лет, он знакомился и знакомится с большим количеством людей, и каждого (я берусь утверждать это и уверен, что меня поддержат коллеги) он помнит независимо от того, сколько лет назад произошло знакомство.

Помнит имя, отчество, фамилию, обстоятельства знакомства, род занятий, место работы в то время, его семейное положение — словом, все, что узнал однажды о человеке. Главное — помнит свое к нему отношение, которое сложилось в результате знакомства. Правда, здесь могло бы проявиться отрицательное свойство такой памяти, но Анатолий Петрович, к счастью, в своей первоначальной оценке человека ошибается редко.

С академиком А. П. Александровым можно «продолжить» разговор на тему, по которой он высказывался двадцать лет назад при посещении лаборатории или на научной конференции. При этом излишне напоминать: «А вот вы говорили тогда-то такие вещи». Нужно начинать прямо с сути дела. И он сам скажет: «Тогда по этому вопросу...» И состоится самый обычный разговор, словно и не было этих двадцати лет. Память его — это не тот род феноменальной механической памяти, когда человек за час может выучить наизусть четырехполосный номер газеты или за несколько секунд запомнить число из тридцати знаков. Я пришел к выводу, что для его памяти не существует категории застывшего прошлого — все в динамике, все в постоянном процессе обработки. Вот бывают ситуации, когда скажешь Анатолию Петровичу о какой-то возникшей проблеме, что-то не получается. В текучке дел призабудешь о своем вопросе. Но Анатолий Петрович не забудет. При встрече скажет: «Посмотри (или сделай) то-то... Это происходит из-за...» — и назовет причину. Нередко Анатолий Петрович, что называется, не сходя с места, указывает причины возникающих неувязок. Эту его способность все мы очень плодотворно эксплуатируем в нашей работе.

У Анатолия Петровича завидное чувство юмора. Самую напряженную ситуацию он может смягчить к месту сказанной шуткой, создать тем самым прекрасную атмосферу для коллективного творчества. Он никого не подавляет своим присутствием. В его кабинете собираются одновременно и младшие научные сотрудники, и инженеры, и знаменитые академики, все вопросы решаются сообща, и каждый знает, что будет выслушан с полным пониманием. Академик А. П. Александров — прекрасный рассказчик, любит иногда вспомнить интересные эпизоды своей жизни, а слушать его — большое удовольствие. И в эти дни он меньше всего похож на почтенного патриарха. Он и к своему юбилею относится с хорошей дозой юмора.

ПРЕДВИДЕНИЕ

Н. ЧЕРНОПЛЕКОВ,
доктор физико-математических наук,
профессор,
лауреат Государственной премии СССР

Попал я впервые в Институт атомной энергии в 1956 году. Там была хорошая экспериментальная база, и мне, аспиранту совсем другого института (я занимался физикой твердого тела), разрешили провести серию экспериментов.

И вдруг узнаю, что меня оставляют в институте. Директором тогда был Игорь Васильевич Курчатов, но оставлен я был по предложению Анатолия Петровича (не я лично, разумеется, а тематика, которой я занимался). Потом я понял, почему. После того, как будут решены принципиальные вопросы развития атомной науки, начнет создаваться атомная промышленность, а значит, появится необходимость в специалистах физики твердого тела. Я это понял потом, но Александров знал это тогда и готовил нас к будущим задачам.

Еще такой же пример. Лет двадцать назад Анатолий Петрович принял решение, неожиданное не то чтобы для многих, а, наверное, для всех: стал создавать в институте крупную базу по производству жидкого гелия, хотя не существовало еще коллектива, который мог бы взяться за это, не существовало даже задач, для которых она была нужна в то время. Оценить решение стало

Владимир КАШИН

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Чужое оружие

Майор поднял трубку и приказал дежурному привести арестованного. Через несколько минут, в течение которых Коваль перебирал в памяти все услышанное сегодня о подозреваемом, а капитан Бреус и медэксперт негромко обменивались репликами, конвоир привел в кабинет высокого, сутуловатого мужчину, одетого не по сезону в ватные штаны. Обут он был в старые, разбитые ботинки без шнурков, тоже казавшиеся обездоленными, как и их угрюмый хозяин. Покрытое глубокими морщинами лицо Чепикова с мягко очерченным подбородком, большим носом было бы даже приятным, если бы не этот мрачный, какой-то исступленный взгляд, избегающий людей.

Дойдя до середины комнаты, Чепиков остановился и уставился в пол.

— Садитесь,— приказал Литвин.

Как будто не понимая, что обращаются к нему, Чепиков поднял одичавшие глаза. И посмотрел он не на майора, а куда-то вдаль.

— Садитесь же, Чепиков!

И только теперь, по-видимому, подозреваемый понял, что обращаются к нему, и покорно сел на стул, пододвинутый конвоиром.

Ковалю не раз приходилось наблюдать людей, удрученных только тем, что их держат в камере, что они оторваны от мира. Видел он и убийц, когда те оказывались под арестом и затихали у них нечеловеческие страсти, которые толкнули их на преступление. После нескольких суток в камере предварительного заключения или в следственном изоляторе у тех и у других становился одинаково подавленный и удрученный вид. Однако опытный глаз Коваля улавливал разницу по едва заметным признакам. Среди преступников есть люди, которые совершают убийства в состоянии аффекта, а потом, ужасаясь своего поступка, проклинают себя, готовы не только искупить вину заслуженным наказанием, но и сами просят себе наказания, чтоб хоть как-то найти душевное равновесие. На них походили и те, которые совершили злодеяние через неосторожность и также ничего не прощали себе. Встречались и злостные преступники. Они не контролируют своих поступков и, совершив сознательное убийство, потом мечутся по камере, как волки, загнанные в западню.

Человек, которого привел в кабинет начальника милиции конвоир, чем-то отличался от известных Ковалю типов преступников, но чем именно — он не мог понять.

— Гражданин Чепиков,— тем временем обратился к подозреваемому майор Литвин.— Если станете давать правдивые показания нам и позже, на следствии, это удостоверит ваше раскаяние и будет засчитано как смягчающие вину обстоятельства при определении судом меры наказания. Имейте это в виду... Но сейчас с вами будет говорить инспектор министерства подполковник Коваль.

Чепиков бросил на Дмитрия Ивановича изпод густых бровей беглый взгляд, в котором промелькнули и настороженность и нескрываемое любопытство.

— Расскажите,— произнес Коваль, в свою очередь, внимательно разглядывая Чепикова,— что вы знаете об убийстве вашей супруги и Петра Лагуты.

Подозреваемый снова бросил на Коваля хмурый взгляд, однако не проронил ни слова.

— Ну, ну, Иван Трофимович! — подбодрил майор Литвин.

— Я уже рассказывал,— не поднимая глаз, ответил Чепиков.— И все записано.

Его простуженный голос звучал глухо, словно из-под земли.

— Еще не один раз придется рассказывать,— заметил майор Литвин.— Пока всю правду не скажете.

— Я ее уже сказал!

Чепиков уставился ничего не видящими глазами в мундир подполковника.

Но постепенно до его угнетенного сознания дошли слова Коваля; возможно, поразил неожиданно спокойный тон, с каким они были произнесены, и Чепиков почувствовал, что это не те слова и не тот тон, которыми до сих пор каждый раз начинался допрос: «Расскажите, почему вы убили жену и Лагуту?» И без дальнейших напоминаний он вдруг начал:

— Я спал... Не помню, когда пришел домой, как уснул... Где-то под вечер. Маруси дома не было... Но я и не искал ее...— Чепиков снова опустил голову, уставился в пол, в одну точку.— Сколько я спал — не знаю, не помню... Услышал выстрел во дворе. Бабахнуло, словно под окном. Понял, что и первый гром — тоже выстрел. Выбежал на подворье. Потом перепрыгнул через плетень. И увидел их на земле...

— Кого?

Чепиков запнулся на полуслове.

— Ясно кого: Марусю и Лагуту.

— А дальше...— поторопил Литвин.

Но Чепиков уже умолк.

— Почему у вас одежда и руки были в крови, когда вас задержали?

— Не знаю. Я к Марусе бросился, думал — жива.

— Кто их, по-вашему, мог убить? — спросил Коваль.

Подозреваемый пожал плечами.

— Если бы я знал! — пробормотал он после некоторого молчания, и в голосе его зазвучала такая тоска, что Ковалю захотелось поверить в искренность его слов.

Но майора Литвина возмутило его невнятное бормотание.

— Куда вы спрятали свой «парабеллум», Чепиков? — строго спросил он.

— Не было у меня никакого «парабеллума».

— Допустим,— продолжал Коваль, словно он и не слышал краткой словесной дуэли подозреваемого с Литвиным,— что вы прибежали на место происшествия, как говорите, после выстрелов. Вы заметили там еще когонибудь?

— Никого не видел. Ночью все было. Да и в глазах у меня потемнело...

— От второго выстрела,— добавил капитан Бреус,— когда выбежали во двор и, по вашим рассказам, перепрыгнули через плетень, до того момента, когда увидели убитых, прошло не больше минуты... Мы провели следственный эксперимент,— обратился он к Ковалю.— На это ушло сорок секунд. И если бы во дворе у Лагуты был еще кто-нибудь, Чепиков не мог бы его не заметить. Тем более что люди, прибежавшие на выстрелы, тоже никого, кроме Чепикова, который сразу кинулся к лесу, не видели.

— Почему вы побежали? — спросил Коваль.

— Я не убегал... Я кинулся вдогонку...

— За кем? Ведь вы говорите — не видели...

— Не знаю. Но в конце концов кто-то должен же быть, кто-то же стрелял...— Чепиков задумался. Все ждали.— Какая-то белая тень словно и промелькнула за садом. Но нет...— Он снова умолк.— Не знаю. Не ручаюсь... Я, наверное, за людьми побежал.

— Бежали вы не в село, а в другую сторону.

Подозреваемый на это ничего не ответил. Казалось, совсем запутался.

— Кто еще, кроме вас, был в хате?

— Никого.

— А теща ваша, Степанида Клименко?

— Мы с ней живем на разных половинах.

— И ее тоже не было дома?

— Не видел. Наверное, была на ферме.

— Все-таки признайтесь, Чепиков, куда вы подевали пистолет? — настойчиво повторял майор.— Где вы его спрятали или куда его забросили?

— Не было у меня никакого пистолета. И все тут!..

Коваль понял, что уголовный розыск собрал мало доказательств, чтоб предъявить их Чепикову, и допрашивать сейчас нет смысла. Он приказал отвести подозреваемого в камеру.

— Что ж, товарищи,— сказал подполковник после того, как за Чепиковым и конвоиром закрылась дверь.— Прошло три дня, а вы все топчетесь на одном месте: кроме осмотра двора Лагуты, двух экспертиз и свидетельств людей, прибежавших на выстрелы, да продавщицы Кульбачки, у вас ничего нет. Ведь не Чепиков должен доказывать свою невиновность, а, наоборот, мы, если подозреваем и арестовываем, должны предъявить ему обвинение... Разве исключено, что все произошло именно так, как он здесь рассказал? Спал. Услышал выстрелы. Побежал во двор соседа, бросился к жене. Потом, не помня себя, побежал прочь от страшного места... Кстати, в протоколе,— подполковник кивнул головой на лежавшую на столе папку,— зафиксировано, что сопротивления односельчанам, задержавшим его, не оказывал.— На какое-то мгновение Коваль умолк.— А других версий у нас нет... И когда окажется, что убийца не Чепиков? Тогда как? — Дмитрий Иванович окинул всех вопросительным взглядом. Никто ему не ответил, и он добавил: — Не надо забывать о правах подозреваемого...

Майор Литвин грустно покачал головой. Он и сам в глубине души понимал, что других выводов и не могло быть: с той минуты, как он узнал о приезде Коваля, ничего утешительного уже не ждал.

— Ревнивые люди, они с политикой,— проворчал майор Литвин.— Он сто раз все переживет, все наперед прикинет и обдумает до мельчайших подробностей, пока не отважится на месть... Комар носа не подточит...

— Меня интересует, не обнаружено на месте происшествия еще чьих-нибудь следов, кроме убитых и Чепикова? — спросил Коваль.

— Следов было много, но все они затоптаны,— за майора ответил Бреус.— Крестьяне там до нас побывали. Правда, на обочине проселочной дороги, в лесу за усадьбой Лагуты, обнаружены следы от женских туфель и мужских сапог. Но в то глухое место часто на рыбалку ездят, а может, влюбленные искали уединения. Да и далековато от усадьбы они обрываются...

— Гм...— произнес Коваль.— Итак, пока что остановимся на этой версии. Необходимо точ-

Продолжение. См. «Огонек» № 6.

но установить, имел ли Чепиков заряженный «парабеллум». Для этого прежде всего следует отыскать гильзы и, возможно, пули в лесу, где, по вашим данным, мужчина стрелял. Установить, не аналогичны ли эти гильзы найденным во дворе Лагуты, а пули — той, которую изъяли из тела Чепиковой. Кроме того, надо найти пулю, от которой погиб Лагута. Во-вторых, уточнить, кто еще мог быть в это время вблизи места происшествия. Это вам,— сказал Коваль капитану.— В-третьих. Уточнить, какие были взаимоотношения между подозреваемым и его соседом Петром Лагутой. Дальше. Выяснить, каковы были взаимоотношения Петра Лагуты с другими крестьянами, жителями Вербовки. Каковы были взаимоотношения Марии со своей матерью и другими вербовчанами. Метод — организация розыска, опрос жителей. Завтра около семи часов утра выедем в село. Там поговорим с матерью Марии. Пока что все.

Майор Литвин и капитан Бреус оторвались от своих блокнотов.

Поняв, что деловая часть закончена, майор Литвин вышел из-за стола и, разминая ноги и вытирая носовым платком лоб и шею, сказал:

— Запарились здесь.

И в самом деле, несмотря на то, что солнце уже опустилось за горизонт, в кабинете по-прежнему было душно. Нагретая за день крыша еще не успела остыть.

— Вы, наверное, есть хотите, товарищ подполковник? — спросил майор и не без юмора добавил: — В нашем запутанном деле, Дмитрий Иванович, самое главное — вовремя поесть, а то если будем ждать, пока все распутаем, то совсем отощаем. Уже обед сегодня пропустили. Поехали сейчас ко мне, поужинаем. У меня для вас и свободная комната есть. Дом большой, милости просим.

— Гостиницу в райцентре не построили?

— Новую и не планируют. А старенькую... У меня будет удобнее.

— А телефон в этой «старенькой» есть?

— Только в коридоре.

— Вот и хватит мне. В гостинице и остановлюсь.

Капитан Бреус и судмедэксперт попросили разрешения и вышли из кабинета.

— А что касается ужина, это, пожалуй, можно. Спасибо,— закончил Коваль, неожиданно почувствовав, что обидел Литвина, отказавшись у него остановиться.

— Прекрасно,— обрадовался майор.— Мы еще и Бреуса позовем. У него жена к родителям поехала, обед никто не готовит, а он такой, что может и три дня без еды бегать.— И, открыв дверь в коридор, крикнул капитану: — Юрий Иванович, подождите!

III

На следующий день уже с утра Коваль с оперативной группой был в лесу. По показаниям свидетелей он уточнил то самое место, откуда мог стрелять Чепиков, и с понятыми начал обследовать местность. Вскоре бригада Бреуса нашла в траве три пустые гильзы от «парабеллума», они уже начинали ржаветь. Определив возможную траекторию полета пуль, Коваль после долгих поисков заметил в стволе старого дуба светлые пятнышки. По его приказу спилили дерево и вырезали кусок ствола, в котором застряли две пули.

Третьей не нашли. Пришлось согласиться с версией, что она, как говорят, попала в «молоко» — улетела куда-то в сторону. Однако и этих двух пуль было достаточно, чтоб сравнить их с пулей, изъятой из тела Марии Чепиковой. А гильзы, найденные возле трупов и в лесу, тоже помогут выяснить: из одного ли пистолета стреляли каждый раз.

В лесу поиски закончили только к полудню и тут же подписали протокол. Эксперт-криминалист повез материалы в райотдел, а Коваль с майором Литвиным и капитаном Бреусом направились в село. Вскоре они подошли к двору, где произошло убийство.

В этом уголке села все сохранило следы недавней трагедии. Одиноко стояла наглухо забитая хата Лагуты. Тихо было и в доме Чепиковых, где жила сейчас одна Степанида Яковлевна. Впрочем, жила ли? Доярка старалась не ночевать в опустевшей хате, не уходила с фермы и спала после смены где придется — только бы не дома. За последние несколько дней, как узнал Коваль, сегодня впервые она пришла домой. И он поспешил зайти к ней.

Медленно огибает Рось дворы Чепиковых и Лагуты, за которыми начинаются гранитные валуны. Огромные глыбы шероховатого и хмурого камня, будто бы разбросанные рукой великана, сейчас казались созвучными и таинственной усадьбе, и тихому плеску реки, и высокому лесу с подлеском, подступавшему едва ли не к самой хате Лагуты.

Калитка у Чепиковых была открыта, но они зашли сначала во двор Лагуты.

Заросший спорышом двор поразил своей необжитостью. Покрытый черепицей высокий дом, непохожий на обыкновенную крестьянскую хату, с ровными, будто воздвигнутыми из готовых блоков стенами, высотой в два человеческих роста, выходил крыльцом своим к речке.

Рядом раскинулся небольшой сад, который вместе с домом вплотную подступал к кряжистым дубам и грабам.

Поражала слитность усадьбы Лагуты с лесом, и это впечатление усиливалось еще и тем, что вокруг нее не было ни забора, ни плетня, и ее отделяла только естественная преграда — холм, где, кроме валунов, только лес да речка. Правда, на одной стороне усадьбы высился невысокий заборчик, ограждающий от соседей. И поставил его не Лагута и не Степанида Клименко, а Чепиков, когда женился на Марии.

Коваль и его спутники обошли дом плотника, осмотрели сад и примыкающий участок леса и снова вернулись во двор.

Подполковник сел на небольшой валун и начал изучать схему двора. На простой чертеж, сделанный на месте происшествия, были нанесены дом, сад, лес, речка, развесистая верба на берегу, валун, на котором сейчас сидел Коваль, заборчик, разделявший оба двора, и главное — расположение трупов погибших.

Схема не удовлетворила Коваля, он попросил у капитана фотографии и долго рассматривал их. Потом с этими фотоснимками в руке сделал несколько шагов в центре двора и присел на корточки, рассматривая что-то в траве. Густая и плотная, как коврик, мурава, примятая несколько дней назад, уже не сохраняла следов ног.

Но Коваль, сверяя по фотографии, долго изучал переплетенные стебельки и маленькие упругие листья, кое-где покрытые порыжевшей засохшей кровью. Потом достал из кармана обыкновенный портняжный дерматиновый сантиметр, раскрутил его и, ничего не объясняя, стал замерять хорошо заметный на траве кругоподобный след засохшей крови.

Закончив, Коваль вернул Бреусу фотоснимки.

— Сделайте с экспертом дополнительно чертеж следов крови. Вот здесь,— обвел он рукой центр двора и, глядя себе под ноги, направился к ограде.

Заборчик даже не доходил до груди Коваля, и он, опираясь на столбик, оттолкнулся и тяжело перепрыгнул на двор Чепиковых. Бреус повторил его путь.

Майор Литвин потоптался на месте, подумал и пошел в обход заборчика.

В усадьбе Чепиковых все сохраняло следы нежданно оборвавшейся жизни. На верстаке лежал терпуг, ожидали хозяина тиски с зажатой медной пластиной. Возле крыльца валялась брошенная метла, на крыльце стояло ведро, наполовину наполненное водой. У самых дверей лежал не по-хозяйски оставленный во дворе кусок мыла, потрескавшегося на солнце.

Та часть дома, где проживают Чепиковы, тоже была забита и опечатана, а потому офицерам, чтоб попасть на половину Степаниды Яковлевны, пришлось обойти дом вокруг.

Степанида встретила незваных гостей холодно и даже враждебно. Это нисколько не удивило Коваля. Перед тем как прийти сюда, они с капитаном Бреусом побывали в нескольких хатах, разговаривали с людьми, которые знали семью Чепикова и Лагуту. И хотя новые факты не были значительными и не прояснили самого преступления, они давали возможность узнать подробнее о соседях, в том числе о Степаниде и Лагуте.

Степанида — черненькая, худая, с угасшими глазами женщина, выглядела старше своих пятидесяти лет. Она сидела на скамье, словно встревоженная птица.

Одним взглядом Коваль окинул все, что было в маленькой светлице. Чисто побеленные старые стены осели, отчего оба окна, выходившие во двор, покосились.

В комнате, не похожей на покои богатых соседей, не было ни модной полированной мебели, ни телевизора. Висели на окнах полинявшие, но чистые ситцевые занавески, на давно не крашенном полу лежали истоптанные самодельные коврики, от дверей протянулась длинная дорожка, а вдоль стен стояли хотя и старые, но крепкие дубовые скамейки. Коваль вспомнил о заработке доярки Клименко и про себя подумал: могла бы, конечно, получше устроить свой быт. В комнате нигде не было видно ни икон, ни лампадки, хотя в теплом удушливом воздухе стоял тяжелый запах горевшего воска.

— Степанида! — произнес Литвин, когда все уселись.— Расскажи еще раз, что знаешь о...— майор на мгновение запнулся,— ну, вообще об убийстве... Инспектор Коваль,— продолжал он, посмотрев на подполковника,— прибыл из Киева. Он поможет нам разыскать убийцу.

Женщина никак не отреагировала на его слова.

— Слышишь меня, Степанида? — строго переспросил майор. Он снял фуражку, положил ее на стол и принялся вытирать носовым платком вспотевший лоб.

— Что уж говорить.... Нечего искать. Слугу сатаны, прости, господи, грехи мои, и так знаете.

— А ты скажи, что сама видела и слышала.

— Если бы видела да слышала, было бы что говорить.

— Где вы были вечером в пятницу? — спросил Коваль.— Восьмого июля. В десять вечера,— уточнил он.

— На ферме, конечно. На ночное дежурство заступила. Прибежали ко мне, позвали, когда господь уже прибрал их к себе. Не знаю, как и домой попала, не помню, что и видела,— затмил господь бог мои глаза.

— Сколько отсюда до фермы? — спросил Коваль майора.

— Километра три будет.

— Расскажите о своей дочери, о зяте...

— Каком зяте? — пробормотала женщина.— И дочери нет,— тихо добавила она,— прибрал ее господь к себе, и теперь она рядом с ним, бессмертна.

В комнате воцарилось молчание.

— Степанида Яковлевна,— снова негромко сказал Коваль,— мы разделяем ваше горе. Но надо найти виновника, и мы должны все знать.

— Что же здесь знать? Пришел слуга сатаны и убил. Но господь слышал их молитвы и забрал их к себе: по-новому они народятся... Нет их теперь с нами, зато они возле бога...

— Тетка Степанида! — крикнул на нее капитан Бреус.— Так мы с вами никогда не разберемся. Ты нам ясно говори, без этих слуг сатаны и всякого другого.

Волевое скуластое лицо начальника уголовного розыска стало таким суровым, что Степанида испуганно умолкла.

— Ну! — так же сурово повторил капитан.— Рассказывай об Иване Чепикове.

Коваль недовольно поморщился, видя, как разговаривает со старой женщиной капитан, однако слова Бреуса возымели на нее действие.

— Прибился он к нам в село лет пять назад,— медленно заговорила доярка.— Не знаю, какая сатанинская сила привела сюда его, говорит, воевал здесь, раненый лежал на селе. Ну, пустила его на квартиру, сначала казался тихим, молчаливым. Теперь знаю — оборотень он, а тогда говорил, что ушла от него жена, остался один на всем белом свете, как перст, и негде ему голову приклонить. Жалко стало его. И по хозяйству, думаю, поможет...

А потом, смотрю, начали они с моей Марийкой по вечерам на берегу посиживать, Марийка на улицу не ходила. Не любила она на люди показываться, стыдилась, что кривая. Тихой овечкой господней росла... Молодежи в нашем селе мало. А кто школу в районе закончил, тот дальше подался... Не с кем ей и словом обмолвиться.

А этот слуга сатаны все вокруг нее увивался. И рассказывал ей что-то, рассказывал. Вспоминал город, где жил, говорил о войне и о всякой всячине. Вот, думаю, тихий да молчаливый! Потом, вижу, и моя овечка не сводит с Ивана глаз. А у него бельма, как у волка, светятся. Эге, думаю, не с господом богом он к нам пришел. Уже и слух пополз по селу.

Поначалу, когда пустила его на квартиру, обо мне всякие сплетни распускали, а потом слышу — уже и о Марийке.

Говорю ему: «Вот так, мол, Иван, попроси в колхозе помощь, построй себе хату, а от нас уходи. Год прожил как у Христа за пазухой — и хватит. У меня дочь на выданье». А он в ответ: «Правильно, на выданье, вот и отдайте, Степанида Яковлевна, за меня Марусю. Одинокий я. Люблю ее, и она меня любит». Говорит он, а сам весь дрожит, и глаза горят огнем.

«Ты что! Сдурел,— не сдержалась я.— Совсем с ума сошел! Ты ж ей в отцы годишься! На два десятка старше! Стыд какой! Грешный ты человек, Иван, очень грешный!» А он как одержимый, заладил одно и то же: отдайте и отдайте. Люблю — и баста!

Тут она, овечка моя, вошла в хату, как будто в это время под дверью стояла, и опять же: «Отдайте, мама, меня за Ивана, я люблю его и жить без него не могу...»

Не догадалась я тогда, что не Марийка моя это говорит, а сатана своего слугу подослал за грехи наши, и в ту же минуту вселился он в мою овечку...

Вот и немного пожила с ним... Взял злой дух силу над нами. Убил ее...— Отвела женщина взгляд в сторону и замолчала.

Коваль особенно внимательно слушал старую женщину. Однако сейчас подполковника интересовали не слова, а интонация, с которой она их произнесла. Он был удивлен, что Степанида покорно приняла свое горе, в ее голосе звучало не только страдание, но и обреченность и даже какое-то удовлетворение, словно со смертью Марии кончились грозные господние испытания. Почему-то вспомнились кровавые жертвоприношения детей божеству в древних племенах.

Только теперь он разгадал, что именно его поразило в хате: никаких признаков траура, даже не повязала голову черным платком.

Коваль не перебивал Степаниду, но Литвин не сдержался и с присущей ему прямолинейностью спросил:

— Ты так говоришь, Степанида, будто вовсе не жалко тебе дочери.

— Ее господь пожалел. Она с богом говорила, и теперь она не моя, а его... Мой грех, что за Ивана, за слугу сатаны, отдала! Не почуяло сердце матери коварства сатаны, не взошел ко мне святой дух, не подсказал, что делать. И подумала: кто ж возьмет хромоножку?— продолжала объяснять Степанида.— А я-то хорошо знаю, как жить без мужа, одной бедовать. Вот и пошла против бога, потому что молилась о мирской жизни, а не о вечной...

— А все-таки почему Чепиков стрелял?— спросил Литвин.— Как ты думаешь, Степанида? Они ссорились, твоя Мария с мужем? Дрались?

— Как снова овладел сатана, так дни и ночи пропадал Иван возле Ганки, бедняжка моя — кроткая овечка, не знала не гадала, что и делать...

— Ну, ну...— тихонько подзадоривал ее Литвин.— И что ж Мария твоя?

— Ко мне убегала ночевать. Вместе господу богу молились, просили его, заступника, чтоб дух его к нам сошел...

— Ну, а при чем тут Лагута? Зачем было в него стрелять?

Степанида сникла.

А тем временем Коваль думал о найденных в лесу гильзах и пулях от «парабеллума». Его удивляло, что Чепиков без всякой причины открыл в лесу стрельбу, возле самого села, можно сказать, на глазах у людей.

Бывший солдат, Чепиков в конце концов мог подобрать гильзы, тем самым затруднить розыски израсходованных пуль, чтобы не было против него вещественных доказательств. Не понимать этого он не мог!

Ведь он гильзы не собрал. А почему?

Не говорит ли это в его пользу? Даже если Чепиков совершил преступление, то это не заранее задуманное убийство, а поступок неожиданный, в состоянии аффекта — внезапного гнева, злобы, отчаяния, душевного кризиса.

— Вы видели пистолет у Ивана Тимофеевича?— вмешался в разговор Коваль.

Женщина сжала губы, и все внезапно уловили ее растерянность.

— Сама не видела, не скажу,— произнесла она после некоторого раздумья.

— А кто видел?— быстро спросил Бреус.

— Не знаю.

— Где прятал он пистолет, в хате?— продолжал Литвин.

Степанида только плечами пожала.

— Где он его все-таки прятал?

— Не знаю.

— Восьмого июля, Степанида Яковлевна, вы были на ферме и выстрелов не слышали. А раньше никто не стрелял в селе или вообще где-нибудь поблизости?.. В июне, например?

Степанида развела руками.

— Никогда Чепиков не стрелял?

Она и на этот вопрос не ответила.

— Что за человек был ваш сосед Лагута?— решил с другой стороны подойти Коваль.— Почему убили его вместе с вашей дочерью?

— Лагута — пророк божий,— твердо произнесла доярка.— Хороший был человек, брат Петро. Хороший,— повторила Степанида.— Никого не обижал, людям добро делал. Он и Ивана хотел от сатаны спасти...

— Мария дружила с Лагутой?— спросил подполковник.

— Молитвой он ее успокаивал, учил повиноваться. Еще с малых лет заместо отца родного был. Тяжело пришлось мне во время войны с больным ребенком на руках. Если бы не брат Петро, ни за что не подняла бы я Марийку. Горлинка моя! Она все болела. А Петро и крупы принесет и хворосту даст. Дарма что в лесу жили, а немцы и хворост собирать не дозволяли... Брат Петро — богом хранимый, отмеченный, его даже проклятые супостаты не трогали, ходил свободно по селу и псалмы распевал, вот бог его и берег: хоть какой бы лютый мороз ни был, а он по снегу идет босой, без кожушка, без шапки, и никакая хворь его не берет. Не боялся ночью в лес с молитвой ходить: ни человеку, ни зверю обижать его не дозволено было. А после войны хату возле моего двора поставил, точно брат мне родной...

— Уберегал бог, да не уберег,— негромко заметил капитан Бреус.

Степанида укоризненно покачала головой, поправила платок, из-под которого выбивались седые волосы.

— Значит, на то была воля божья,— строго заметила она.

— Вы поймите нас, Степанида Яковлевна,— негромко произнес Коваль,— и помогите до конца разобраться в этом деле... Скажите, вы часто ходили к Лагуте?

— А как же? По-соседски. С ним богу молиться было легко. Господь его жаловал.

— А к вам он приходил?

— После того, как Мария замуж пошла, очень редко. Тот слуга сатаны, прости мою, господи, душу грешную, терпеть его не мог.

— Опять говорите «слуга сатаны»!— рассердился Литвин.— Сколько раз повторять? Фамилию и имя надо называть...

Капитан следил за мухой, ползающей по стеклу, а сам тем временем думал: в какие дебри залезает Коваль. А если все же окажется, что убийца — Чепиков, тогда какое имеет значение, хороший был Лагута или плохой. Это походило на старый анекдот, когда допытывался врач у родственников: не бросало ли в пот больного перед смертью. Так или иначе, кто бы ни был Лагута, по всем данным, убийство умышленное. Всем своим видом капитан выражал нетерпение. Настроение это передавалось и подполковнику: стало очевидно, что ничего они сегодня от Клименко не добьются.

— Настоящее имя его — слуга сатаны... А всем известна его фамилия — Иван Чепиков...— И хозяйка дома встала со скамьи, давая этим понять, что разговор закончен.

Авторизованный перевод с украинского Веры БЕЛОВОЙ.

Продолжение следует.

АНДРЕЙ РЯБУШКИН

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Зимою 1899 года петербургский бомонд заполнил залы, где разместилась выставка «Мира искусства». Блистательный вернисаж украшал цветник дам в изысканных туалетах и сонм важных сановников, увешанных самыми высокими регалиями. Сверкание шитых золотом мундиров, аксельбантов, лоск великолепных фраков, блеск невыносимо белоснежных воротников — все, все слепило глаза. Сам августейший президент Академии художеств пожаловал на открытие экспозиции... «Ах, Серж Дягилев! — лепетали поклонники и поклонницы. — Он буквально всполошил всю Европу». Им дружно вторили бородатые и безусые, молодые и маститые литераторы и музыканты, известные меценаты и солидные коммерсанты. Эти слова бойко подхватывали суетливые завсегдатаи всех вернисажей. С ними не спорили загадочно улыбающиеся мэтры столичного «олимпа». Казалось, эксперимент неугомонного редактора журнала «Мир искусства» удался на славу. Сам виновник торжества стоял в центре этого круговорота — элегантный и вальяжный. Сергей Дягилев был невозмутимо любезен и только успевал подписывать десятки билетов, которые подсовывали ему любители автографов. Словом, светская карусель, не торопясь, кружилась. Вероятно, престижная тяга к моде доставляла большинству зрителей не столько радость общения с прекрасным, сколько являлась приятным моционом.

Вокруг большого холста, висевшего в центре одного из залов, было непривычно тихо. Люди вглядывались в далекий мир старой Руси. Эта картина, размашисто и сочно написанная, была не очень похожа на своих соседок. Словно окно в самую гущу бытия народного было прорублено в стене.

«Московская улица XVII века».

Автор будто услыхал весенний гуд древнего города, поразился разноцветью костюмов, пестрой панораме народных типов... Прошел дождь (стоков не было), разбухшая, набрякшая земля не впитала влагу, и улица превратилась в реку. Бредут вброд молодые девицы, потупив очи, подобрав подол. Рядом гогочут загулявшие зеваки. Ноет нищий, прося подаяние. Смех, крики, бульканье воды, гомон грачей, кружащих над островерхой церквушкой, ржание коней — все сливается в своеобразную мелодию весенней сумятицы, какой-то очень точно увиденной и тонко прочувствованной правды жизни. Прекрасен колорит картины, построенный на сочетании коричневато-сизых колеров с яркими ударами пунцовых, алых цветов. Талантливая реалистическая манера письма, сочный язык станковой живописи, испытавшей на себе влияние импрессионизма (ведь в холсте чувствуется серебристый пленэрный холодок), — все это сделало холст выдающимся явлением.

Позже в «Истории живописи» Бенуа писал: «Московская улица» отличается чрезмерной резкостью и неприятной грубостью письма. Тем не менее должно признать, что на блестящей выставке журнала «Мир искусства» 1899 года эта картина Рябушкина занимала благодаря своей интересной задаче и совершенной своей непосредственности одно из самых видных и почетных мест».

К сожалению, мудрейший Александр Бенуа — творец изумительных иллюстраций и автор изысканных композиций, великолепный знаток истории искусств — не мог еще (повинуясь неумолимому правилу) в б л и з и рассмотреть весь масштаб того явления в нашей живописи, которое создал его малозаметный современник Рябушкин.

Ныне может показаться удивительным, что в «Истории живописи в XIX веке» Александра Бенуа среди более пятидесяти глав, посвященных русским художникам, не нашлось места хотя бы маленькой главке об Андрее Рябушкине, хотя к моменту создания «Истории» самобытное и яркое лицо этого живописца уже четко определилось. Но... так было. Первая монография «Рябушкин» появилась в серии книг под редакцией Игоря Грабаря, вслед за «Врубелем», «Левитаном» и «Серовым», — открывших цикл «Русские художники» в прекрасном издании Кнебель... Но время сделало свое. И сегодня мы видим, как сильно было влияние Рябушкина на творчество Бориса Кустодиева, Константина Юона, Александра Дейнеки, в произведениях которых (как, впрочем, и многих других) нашло отражение ощущение праздничной цветности и, главное, таинственного умения воссоздавать реальность события, порою ушедшего, с ошеломляющей достоверностью и красочной реальностью. Посмотрите на картину Дейнеки «Никитка — первый русский летун», и вы ощутите огромное влияние «школы Рябушкина», хотя, безусловно, сам Андрей Петрович при жизни и не мыслил, что найдет когда-то своих учеников и продолжателей.

Примечательно, что на сегодняшних наших больших и малых выставках встречаются полотна известных и молодых мастеров, где зримо ощущается воздействие ясного, жизнелюбивого, острокомпозиционно построенного искусства Рябушкина.

Но вернемся на экспозицию «Мира искусства»...

Недалеко от картины «Московская улица», в стороне от фланирующей публики, стоял автор. Его тоненькая небольшая фигурка облечена в скромную отутюженную черную пару. Штиблеты старательно начищены. Лицо бледное, с русой крестьянской бородкой, было взволнованно и печально. Художник казался таким странным и чужим в этой светской, веселой кипени. Это Андрей Рябушкин. Ему тридцать восемь лет. Казалось, что успех «Московской улицы» должен был его радовать. Но никто, да и он сам, не знал, что до нежданной кончины оставались считанные годы. Однако, может быть, предчувствие беды томило мастера. Друзья его вспоминали: «Становясь старше, он делался постепенно задумчивее и молчаливее. Иногда он целыми часами просиживал с нами, не говоря ни слова».

...Ослепительный вернисаж продолжался.

Андрей очнулся. Седые сумерки лезли в крохотное оконце с треснувшим пыльным стеклом. В убогой избе было тихо. Густо пахло олифой. Тикали старые ходики, да где-то за печью поскрипывал сверчок. С утра мальчишка левкасил доски, тер краску, намаялся и задремал на куче тряпья. Ему приснился дивный синий лес. Лепетала листва осин, о чем-то шептали березы. Долго-долго брел он по сиреневой стежке. Вот и опушка. Андрюша устало опустился в голубую мягкую траву. По раздольному лугу бродили красные и розовые кони с пышными гривами. Высоко в золотом небе звенел невидимый жаворонок, послушные его вольной песне неспешно скользили по небосводу легкие облачка. Летний теплый ветер приносил душный запах полевых цветов. Но вот крыло большой сизой тучи закрыло солнце. Набежала тень, и тогда парнишка различил высокую фигуру женщины в белом платье, будто выплывающую из жаркого марева. Он вмиг узнал свою мать Пелагею Ивановну. Гордая голова, увенчанная тяжелой русой косой. Темный румянец на острых скулах, светлый блеск прозрачных глаз. «Но ведь она умерла», — подумал Андрей. Через мгновение горячая ладонь коснулась его влажной, заплаканной щеки. «Сынок,— прошептала мать, — не ленись, береги братца». Солнце выскользнуло из-за черной тучи, и Пелагея Ивановна исчезла, словно растворилась в серебристом сиянии.

За окошком сыпал нудный мелкий дождик. На душе мальчишки было одиноко, тоскливо. Беспросветная злая нищета ютилась рядом. Радужный сказочный сон ушел. Еще страшнее и унылее предстали будни. «А ведь покойники к непогоде снятся»,— вспомнились бабушкины слова. Сирота грустно вздохнул, протер глаза и стал собирать подсохшие загрунтованные левкасом доски. Прикрыл холстиной краскотерку, бутылки с олифой, кульки с сухими белилами, охрой.

Дверь внезапно скрипнула. В избу шагнул молодой мужчина. С широких полей его поярковой шляпы стекали капли воды. Они струились по мокрому, накинутому на плечи плащу. Вместе с пришельцем в дом ворвался свежий сырой воздух.

— Тезка,— сказал Андрей Харлампиевич Преображенский, и на его бородатом лице засияла добрая улыбка,— пора собираться в путь. Завтра едем учиться в Москву. Сложи вещи, заверни рисунки.

Дождь прошел. Вечерняя заря пробила хмару, и закатный розовый луч влетел в старую избу. Зарделась кособокая печь, замерцали оклады икон. Засветились листы рисунков Андрея Рябушкина, приколотые к рассохшимся бревенчатым стенам.

Сборы были недолги. На другой день Андрей Рябушкин получил драгоценную бумагу из волостного управления. Она гласила:

«1875 г. Августа 16 дано сие Тамбовской губернии Борисоглебского уезда мальчику села Станичной слободы Андрею Петрову Рябушкину в том, что он уволен для поступления в воспитанники какого-либо художественного заведения, где только может быть принят к изучению художественному искусству... Рожден от государственного крестьянина Петра Васильева и жены его Пелагеи Ивановой Рябушкиных 17 октября 1861 года. Родителей его в живых нет, телосложения по наружному виду здравого... Старший его брат Федор Петров Рябушкин остался на земле».

Небольшой баул, папка с набросками — и четырнадцатилетний юнец отправляется со своим покровителем в Москву. Андрей Преображенский, тогда начинающий художник, уже несколько лет исподволь наблюдал за талантливым Андрейкой, который на его глазах помогал отцу, самоучке-живописцу, был трудолюбив, застенчив, очень музыкален, а главное, много и весьма по-своему рисовал с натуры. Надо заметить, что Андрей Харлампиевич потом всю жизнь, чем мог, способствовал Андрею Рябушкину. Порою их дружба охладевала, но Преображенский был верен своему подопечному до самого конца и сыграл в его судьбе роль немаловажную. Мы встретимся с ним еще раз почти через тридцать лет. Но об этом позже.

Просторный конференц-зал Санкт-Петербургской Академии художеств. Прозрачный жемчужный свет струится в огромные окна, бросая холодные блики на янтарный начищенный паркет. Зал безлюден. Вразброс расставлены старинные стулья красного дерева. Длинный полированный стол с богатой инкрустацией гол. Лишь одинокие листки бумаги, кем-то забытые. Только массивные бронзовые пепельницы, полные окурков, да запах табака напоминают о том, что всего полчаса тому назад здесь было людно, шли споры, решались судьбы людей. Убеленные сединами маститые академики, профессора порою неторопливо и важно, иногда запальчиво, а в редких случаях горячо, до

А. Рябушкин. 1861—1904.
МОСКОВСКАЯ ДЕВУШКА
XVII ВЕКА. 1903.

Государственный Русский музей.

А. Рябушкин. МОСКОВСКАЯ УЛИЦА XVII ВЕКА. 1896.

Государственный Русский музей.

А. Рябушкин. «ЕДУТ». 1901.

Государственный Русский музей.

крика, обсуждали полотна, представленные на соискание золотых, серебряных медалей.

У окна — скромно одетый молодой человек в глубоком раздумье застыл, держась за спинку стула. Это был Андрей Рябушкин. Он остался незаметно в помещении, после шумных дебатов, вызванных его картиной. Уже добрый старик сторож дважды ворчливо спрашивал, когда можно убирать зало и запирать дверь, а он все глядел и глядел на зыбкую рябь у гранитной набережной, на застывших немых каменных сфинксов у входа в Академию. Величественный Петербург простерся на берегах Невы. Широкий разлет реки, обрамленный дворцами, венчал купол Исаакиевского собора. На лестнице, спускающейся к воде, толпилась молодежь.

На душе у Андрея было грустно. Вот и окончились незаметно пятнадцать лет учения. Сперва Москва. Училище живописи, ваяния и зодчества. Мудрый Василий Григорьевич Перов. Его неторопливые советы, доброта, которую он так щедро проявил к нему, крестьянскому мальчишке-сироте. Не забыть его гостеприимный дом и такие желанные вкусные обеды, о которых потом мечтал нудные несытые недели. Товарищи по училищу братья Коровины, Левитан, Нестеров. Затем Петербург, Академия. Долгие трудные годы школы. Голодные месяцы, иногда просветы в несколько дней, потом снова нужда и труд. Стыдные прошения о помощи. Он не ленился, помня завет матери. И вот, наконец, звание классного художника первой степени. Что ждет впереди? Нет ни родных, ни близких, ни семьи. А ведь на пороге тридцать лет. Спасибо товарищам по Академии Тюменеву и Беляеву, что пригрели его. Без них жизнь в столице была бы совсем невыносима. Хотя грех было жаловаться на отсутствие заработков, особенно в последние годы. За иллюстрации недурно платили, но все это было несерьезно. Крестьянский сын Андрей Рябушкин понимал лучше всех, чего стоили эти шальные доходы. Нет, нет, надо заниматься истинным делом — живописью. К ней лишь тянулось сердце.

Пришел сторож. Пробурчал что-то невнятное. Но Андрей понял, что пора уходить. Тяжело звякнула за ним массивная дверь.

Мастерская встретила его хаотическим беспорядком. Десятки эскизов, рисунков, этюдов валялись на полу. Небольшие холсты на подрамниках стояли, прислоненные к стене. Дипломное полотно на библейскую заданную тему показалось Андрею Рябушкину неоконченным, сырым. «Почему его так хвалили студенты? — подумал Андрей.— Зачем об этом наспех написанном холсте шли такие споры у профессуры? Еще бы год... Тогда можно было фундаментально прописать такую махину». Молодой художник стал складывать работы в папки. Пепельный вечерний свет мягко стушевывал углы студии, лишь стеклянный фонарь покатого потолка мансарды источал трепетное голубое сияние. Ни звука, кроме шуршания бумаги и холстов, не нарушало покоя студии. Андрею казалось, что он чувствует, как бьется сердце. Вдруг Рябушкин услышал, как по коридору гулко зазвучали чьи-то шаги. Вот кто-то невидимый остановился у двери. Аккуратный, вежливый стук заставил вздрогнуть.

Высокий узкоплечий человек в двубортном черном сюртуке вступил в мастерскую. Рябушкин увидел сапоги с квадратными носами и мягкими голенищами. Он вгляделся в вошедшего и сразу узнал такое знакомое всем русским художникам большелобое тонкое лицо с удивительно проницательными карими глазами и длинной бородой. Это был Третьяков.

Павел Михайлович остановился у дипломной картины. Привычно скрестил руки и задумался. Долго, долго молчал. Затем спросил:

— Что вы думаете делать с картиной? — Его голос, бархатистый, мягкий, который многие называли «бриллиантом искренности», проникал в самую душу Андрея.

— Разрежу холст на куски, для этюдов,— мгновенно ответил он.

— Зачем же? Я возьму его, если вы не против.

Рябушкин оторопело молчал. Все было неожиданно, как в сказке. Вдруг вечером сам Третьяков... А ведь картина сырая.

Когда Павел Михайлович сердечно распрощался с молодым мастером и удалился, Андрей еще не успел поверить, что все это наяву. Как с неба упали такие нужные пятьсот рублей.

Рябушкин вспомнил, как Третьяков приобрел у него первую работу с ученической выставки в Москве — «Крестьянскую свадьбу».

«Вот поистине благодетель»,— подумал художник, все еще не веря в чудо.

Началась самостоятельная жизнь живописца Андрея Рябушкина. Год сменялся годом. Сотни иллюстраций, десятки картин на исторические, библейские сюжеты писал художник. Немало сил приложил, изучая полюбившийся ему XVII век. Объездил много городов, перерошил уйму книг, рисовал архитектуру, костюмы, утварь той эпохи. Близка его душе была также тема жизни села. Холсты «Ожидание новобрачных...», «Девушка с ведрами» и другие полны мягкого лиризма и теплоты. Пестрота жанров показывает, что он еще искал свой путь. Его картины обрели известность, но истины ради надо заметить, что от него ждали чего-то большего. Ведь Рябушкин был весьма неординарен и даровит. Еще в Академии он поражал всех своей неистовой суровой работой в соединении с крайней скромностью и какой-то нежностью, замкнутостью. Раннее сиротство, постоянная необеспеченность в средствах заставляли его дичиться, быть одиноким, хотя во встречах с приятелями он порою проявлял столько «искренней веселости, непринужденности и добродушия, что слушатели невольно разражались веселым и дружным смехом». Невзирая на нужду, был бессребреник, и, когда зарабатывал деньги, они исчезали у него быстро. Семьи художник не завел. Пристрастия к приобретательству с годами у него не обнаружилось. Словом, Андрей Рябушкин был натурой талантливой, тонкой, с ранимой, восприимчивой душою. Естественно, что, перевалив через тридцать лет, он все чаще мечтал создать картину капитальную. К этому его подвигало творчество замечательных современников — великого Василия Сурикова, Виктора Васнецова, Михаила Нестерова. И он в 1896 году пишет свой самый большой холст — «Московская улица XVII века», с которой мы уже познакомились на выставке «Мира искусства»...

Эта картина вызывает сегодня у старых москвичей странное, непередаваемое чувство. Невольно вспоминаешь, как в середине двадцатых годов в пору весны распутица превращала многие московские улицы, особенно заставы (помнится, Дорогомиловскую и Рогожскую), в непроходимые реки и озера. Да что удивляться, ведь асфальт был лишь в центре Москвы. В городе царил булыжник. Главным транспортом были трамвай и извозчики всех мастей — от лихих до тяжелых ломовиков. Как давно это кануло в вечность...

Накануне нового, двадцатого века Андрей Рябушкин обретает зрелость. В его сердце сложилась мечта воссоздать в серии полотен образ допетровской Руси. В 1897 году он пишет первый из задуманного ряда холст — «Семья купца». Это картина-прозрение. Она изумляет своей терпкой правдивостью, знанием, проникновением в эпоху и почти гротесковой раскрытостью. Форма пластического выражения напоминала лубок по яркости, сочности очерченных характеров. Но картину не поняли. Автора обвинили в примитивизме и чуть ли не в желании эпатировать зрителя. А ведь это был шедевр. Тут обозначилось новое звучание таланта Рябушкина, его первичное ощущение темы в слитности сюжета и колорита, в найденности и отборе деталей и, главное, в сокровенной причастности к отражению истории. Рябушкин был глубоко расстроен приемом его детища. В художнике все сильнее укреплялось желание окончательно покинуть Петербург и поселиться подальше от суетной карусели столичного бытия. В конце 1900 года он поселяется в давно знакомых местах Новгородщины. Так начинался последний, поразительный период творчества Андрея Рябушкина.

На северо-западе Руси течет речка Тигода. Ее воды лениво, неспешно влекут с собою отражение зеленых холмистых берегов, поросших березами и соснами. Изредка из-за поворота выглянет деревня, и тогда в реке мы видим тяжелые, пухлые облака, висящие над крышами изб. Нет-нет, да и мелькнут яркие сарафаны девушек или цветастые рубахи парней.

Еще Петр I, узрев с вершины холма этот ландшафт, воскликнул в изумлении: «Воистину место это доброе!» — столь восхитила его прелесть Севера, тихая, неброская, привольная. Так, по легенде, и получило свое имя село Доброе.

Грезил ли Андрей Рябушкин, что именно здесь, на берегах Тигоды, суждено ему провести лучшие, но последние годы своей жизни и что именно тут начертано ему судьбой создать свои дивные картины? На берегу реки Кородынки, впадающей в Тигоду, по соседству с юной березовой рощей встает домик-мастерская художника, которую для него построил друг Илья Тюменев.

«Нынче вечером,— пишет Рябушкин,— у меня собирается беседа. Придут Наталья, Марья, Ганя, Аннушка и Ириша... Они придут с прялками, а я купил в Петербурге тальянку. Товарищ мой здорово играет на балалайке...». Всего лишь посиделки, но для живописца это был бесценный материал для раздумий, наблюдений. Именно образы этих белокурых, светлоглазых девушек с деревенских вечеринок вошли в его ставшие позже знаменитыми полотна. А потом ведь там звучали песни.

С самого раннего детства музыка вошла в жизнь будущего мастера. Еще мальчиком Андрей Рябушкин пел дискантом в сельском хоре. Позже научился играть на балалайке и гармошке. Знал немало чудесных народных мелодий и порою импровизировал. Его друг Тюменев превосходно музицировал. Все это создавало вокруг художника непередаваемую атмосферу союза двух муз, согласно существовавших в душе Андрея Петровича. Поэтому картины Рябушкина звучат. Они наполнены особым ощущением ритма, первичной, только ему свойственной гармонией.

Порою уже смертельно больные художники, одолеваемые самыми мрачными предчувствиями, именно тогда и создают свои лучшие, наиболее светлые творения. Вспомните прекрасный жизнелюбивый пейзаж «После дождя» позднего Ван Гога и прелестную врубелевскую «Сирень», неоконченную, но тем более чарующую своим таинственным ощущением природы. Очевидно, живописцами иногда овладевает особо сильная страсть рассказать людям нечто сокровенное, долго вынашиваемое. И так велико это неодолимое желание — жить и творить, что они за совсем недолгие годы вершат чудо и пишут один за другим истинные шедевры. Так было и с изумительным по тонкости и красоте русским мастером Андреем Рябушкиным, который в считанные годы создал ряд полотен неумирающей красоты и проникновения в самую суть прелести старой Руси: «Свадебный поезд в Москве» — 1901, «Едут» — 1901, «Московская девушка XVII века» и «Чаепитие» — 1903 год.

Эти холсты были новым словом в русской живописи.

До середины XIX века отечественные художники не пытались языком реалистического искусства создать летопись Руси. По существу, Вячеслав Шварц впервые создал холст, который можно считать истинным провозвестником новой школы в отражении истории государства Российского. Его «Вешний поезд царицы...», написанный в 1868 году,— картина новаторская, в которой скрип саней будто возвестил об открытии нехоженых путей в изображении далекого прошлого. Это было явление. Не прошло и двадцати лет, как великий Суриков работает над своим эпохальным полотном «Боярыня Морозова», где тоже явственно слышен шорох полозьев по снегу. Ровно через треть века Андрей Рябушкин творит «Свадебный поезд в Москве», где — случайно или нет — изображает санный выезд.

«Свадебный поезд в Москве. (XVII столетие)».Подобно сказочному видению, мчатся всадники, сани по улице древней столицы. Весеннее радужное веселье царит во всем. В сверкающем на солнце снегу, в летящих белых и вороных конях, красном возке, нежном стволе березы и даже в талом крохотном озерце, подобно зеркалу, отражающем ликующий мираж искрометной, лучезарной жизни. Художник в этом полотне собрал воедино великолепное знание XVII века. Но самое главное — усвоив и изучив суриковские традиции, он внес в свое творение импрессионистическую мимолетность в ощущение бытия. Рябушкин великолепно скомпоновал картину, разыграв в ней вечную

борьбу света и тени, радости и грусти. Скользящему, почти парящему в весеннем мареве свадебному поезду противостоит занимающая чуть ли не треть пространства темная, сырая стена сарая, на фоне которой бредет печальная фигура одинокой, может, покинутой девушки. Удивительное поэтическое настроение охватывает зрителя — так лирична и человечна тема картины. Тонко, музыкально, необычайно современно решен этот холст.

Случайно ли или нет повторил Андрей Рябушкин в своей лучшей, программной картине тему санного выезда? Думается, что нет. Ведь каждый истинный художник постоянно живет в мире ассоциаций. Его душа переполнена сомнениями, раздумьями о своей роли в живописи. Каждый, даже великий, мастер всегда мечтает кого-то превзойти.

Что общего в «Вешнем поезде...» Шварца и в «Свадебном поезде» Рябушкина? Солнце, снег, движение, сани. Но их разделяет бездна. И по мере дарования, и по глубине задачи, и по цветописи.

Поучительно находить подобные параллели в истории искусства. Они, думается, помогают более выпукло ощутить многие тонкости развития такого сложного дела, как живопись.

«Чаепитие»...

Жестокая суть современной ему сельской жизни раскрыта Рябушкиным в этой небольшой картине. Патриархальный обряд — чаепитие,— благостный и как будто статичный, вдруг обращается в динамичную глубокую драму, в столкновение контрастных характеров. За накрытым белой скатертью столом сидят четверо. Но этот квартет стоит целой повести о быте крестьянской зажиточной семьи. По-лесковски беспощадно пишет автор портреты действующих лиц. Справа за столом седобородый старец в сером зипуне. Он зябнет. Его рыжеватые падающие на уши волосы празднично примаслены. На большелобом костистом лице, разрумянившемся от выпитого вина, блуждает задумчивая улыбка. Дед прищурился. Кажется, слово, которое он хотел сказать, замерло, застыло на стариковских сухих губах. Он держит недопитую рюмку. За его спиной услужливый чернобородый мужик. На его физиономии молчаливое размышление. На потный бугристый лысеющий лоб спустился вихор. Взор косящих карих глаз будто ушел в себя. Иронически сомкнутый под черными усами рот мог бы рассказать многое, но он безмолвен. Гнетущая тишина царит в избе. Лязгает о стакан ложка, хрустнет комок рафинада да стукнутся зубы о блюдце с чаем. Рядом со стариком — молодая женщина. Темно-русые волосы покрыты розовым платком. На ней яркое праздничное платье. Молодуха истово тянет из блюдечка чай. Но пустой взгляд ее холодных светлых глаз, сверкающий из-под тонких вразлет бровей, страшен. Чувствуется, именно она хозяйка в доме. Плечом к плечу с ней хлыщеватый муж, в нарядно расшитой цветами косоворотке. Широкоплечий, с маленькой головой, украшенной пробором, крепкоскулый, он недобро косится на рядом сидящего, набрякшего от выпитой водки и чая старшего брата. Ритуал чаепития не может скрыть их лютую ненависть. Пусты стаканы, выпиты рюмки, но конца застолью не видно. Замерли за спинами домочадцы, лезут из-за печки рожицы детей. Все ждут... Какое-то ядовитое слово только что было сказано. И, как после молнии, надо ждать грома. Рябушкин в миниатюрном полотне зримо и нелицеприятно написал жестокие нравы кулацкой семьи. Он будто скинул флер идеализации патриархального уклада, ибо к концу жизни с горечью понял истинные нравы пригородной деревни. Узнал цену влияния чистогана на любимый им сельский быт.

Это произведение, неожиданное для Андрея Рябушкина, можно назвать нелицеприятным свидетельством, поистине разоблачающим документом правды времени.

Высокое новгородское небо прозрачно. Стадо лысых холмов спускается к реке Тигоде. Безлюдно. Лишь на покатом склоне у деревянной треноги мольберта — человек. Рядом этюдник, палитра, подрамник с холстом. Разбросаны кисти. Немолодому мужчине в сером теплом пальто зябко. Он съежился, согнулся на складном табурете. Непокорная прядь кудлатых волос упала на чистый лоб. Бледное лицо, светлые грустные глаза, тонкий хрящеватый нос с острыми вырезами ноздрей, впалые щеки, на скулах — недобрый румянец. Кудрявится русая бородка, тонкая шея обмотана мохнатым шарфом. Художник нервно сцепил руки на острых, колючих коленях и пристально, печально глядит, как неумолимо бежит солнце за бурую гряду леса. Небо по-весеннему пусто и безмолвно, только багровый отблеск заката звенит в зеркальных водах Тигоды. Внезапный порыв студеного ветра принес горький запах костра. Судорожный, отрывистый кашель сотряс хрупкую фигуру Андрея Рябушкина. В благостном молчании наступающего вечера жутко прозвучал этот сухой, лающий звук. Живописец прижал к губам смятый большой платок. Алое густое пятно расползлось по белой ткани. Солнце скрылось, мигом посвежело. Сизые сумерки легли на пустынные берега. Янтарная река странно мерцала в тусклой, туманной мгле. Медленно, словно во сне, живописец раскрыл этюдник, механически уложил в него палитру, кисти. Привычно связал ремнем складной мольберт и скамейку. Поднял нетронутое полотно и, устало сгорбившись, побрел к загоревшимся теплым огонькам усадьбы. Еще один день прошел зря.

«Чаепитие». 1903 год.

1904 год. Последний апрель в недолгой жизни Андрея Петровича Рябушкина. Художник знал, что дни его сочтены. Он пытался еще работать, но силы оставляли его. А ведь совсем недавно так споро, славно писалось. Невыразимо счастливо пробежали эти считанные три года. Вдали от шумного Петербурга, житейской суеты, мелочных тревог. Наконец-то здесь, на новгородской земле, он почувствовал, что целиком обрел себя. Нашел путь к своему сердцу. Небывалые, прозрачно-песенные, яркие полотна словно чудом следовали одно за другим. Работалось волшебно быстро и страшно. Ведь мастер душою чувствовал злую, неотступную, неодолимую власть недуга. И тем яростнее, наперекор беспощадному року он упрямо, изо всех сил, спешил отдать людям свои мечты, ощущение прекрасного, любовь к жизни.

Рябушкин с какой-то дивной покоряющей легкостью создал за эти короткие годы свои звездные холсты. Вот его последняя картина, написанная масляными красками.

«Московская девушка XVII века»... Будто с фрески далекого итальянского проторенессанса сошла эта стройная девушка. Но шаги ее звучат не по звонким плитам Флоренции, не ласковый теплый ветер Тосканы колышет ее одежды — московский февральский снег скрипит под красными точеными каблучками узконосых сапожек. Морозная вьюжная поземка треплет длинную, до пят шубку и румянит щеки. Вьется пышная, до пояса, русая коса, туго переплетенная алой шелковой лентой. Не идет — летит девица в высоченной огромной меховой шапке (какую сегодня мечтали бы носить наши модницы), спешит, не переводя дыхания. Прижата к трепетной груди пушистая муфта, гордо поднято насурьмленное курносое личико. Раскосые глаза прищурены, накрашенные пухлые губы плотно сжаты. Острый девичий подбородок надменно вздет. Все, все в ней будто говорит: «Не подступись»...

Залегли глубокие сугробы, не разъезжены колеи от полозьев саней. Замела вьюга крыши деревянных изб, древнюю многоглавую колоколенку. Пустынна улица старой Москвы. Тихо. Слышно только, как хрустит снег да откуда-то издалека доносится крик воронья. Весна близка. Потому, наверно, и летит быстрее птицы боярышня, спешит, не чуя ног.

Глядя на это небольшое полотно Андрея Рябушкина, ни на минуту не приходит мысль, что эта картина сочинена, что она только плод фантазии живописца, что «Московская девушка XVII века" написана в 1903 году, уже в наше столетие,— настолько реально, сокровенно прочувствован, будто подсмотрен ненароком, сюжет. Наблюден и вроде набросан с натуры. Но это удивительное произведение искусства создано не столько кистью умелого, опытного мастера, сколько исторгнуто, спето самою душою художника, влюбленного в русскую старину. Оно сотворено, как говорится, на одном дыхании и, может быть, сделано за несколько часов. Но это итог огромного труда, опыта, пристрастия, таланта.

Рябушкин создал свою последнюю работу масляной краской. П о с л е д н ю ю. Через год его не стало. Но как жизнелюбива, свежа, современна по живописи его картина!

Вице-президент Академии художеств граф И. И. Толстой получил телеграмму от 27 апреля 1904 года, где сообщалось «о кончине Андрея Петровича Рябушкина, последовавшей от острой формы туберкулеза легких сегодня в ночь в усадьбе Дидвине».

...Пронзительный весенний ветер шумел в ветвях берез, гнал стылую зыбь по реке Тигоде, трепал полы одежд у маленькой группы людей, замерших у свежей могилы. Их было немного. Семьи Тюменева и Беляева. Гравер Матэ и Андрей Преображенский, приехавшие из Петербурга. В сторонке молча жались крестьяне из окрестных деревень, несшие гроб и провожавшие мастера в последний путь.

Друг художника Илья Тюменев позже вспоминал: «В гробу он лежал такой же беленький, худенький, такой же симпатичный, каким бывал и в жизни...»

Кончина Андрея Рябушкина прошла незаметно. Академия, официальная пресса молчали.

...Необъятна панорама развития искусства. Неохватен многоликий мир великих и малых мастеров разных стран. Трудно представить себе и сотую долю содеянных ими прекрасных творений. В вечном движении неуемный калейдоскоп картин и этюдов, скульптурных монументов и миниатюрных статуй, фресок и гравюр, рисунков и мозаик. Словно в круговороте то блистают новые имена художников и их созданий, то тускнеют иные произведения, а вместе с ними забывают и их авторов. В этой постоянной переоценке явлений искусства особую роль играет в р е м я. Дистанция всего в полстолетия может заставить кануть в Лету самых феерических салонно-ремесленных или ложно-классических, либо формалистических кумиров и их деяния. Однако именно годы способны вызволить на свет из кладовых, запасников музеев и галерей работы живописцев и ваятелей, считавшихся «второстепенными».

Так, в русском искусстве конца прошлого века прозвучало имя Андрея Рябушкина. Он был замечен. Но творческий путь мастера нелепо оборвала болезнь, и художник не успел получить должной оценки. Но вот прошло время, и все ярче и ярче загорается его звезда на небосклоне отечественного искусства.

Истинный талант — национальное достояние. Потому сегодня мы чтим картины Андрея Рябушкина, полные какого-то особого очарования, чистоты, прозрачной праздничности и цветности, необыкновенного своеобразия в ощущении истории. Он успел создать немного, но лучшие его полотна поистине жемчужины нашей школы.

ТРЕБУЕТ НЕУСЫПНОГО ВНИМАНИЯ

Интервью академика Д. С. Лихачева «Огоньку» (№ 29, 1982 г.) «Память истории священна» вызвало настоящую волну откликов. Письма поступают и по сей день, география адресов чрезвычайно широка.

Авторы писем — специалисты, представители общественных, государственных организаций и учреждений; многочисленные граждане, обеспокоенные судьбами памятников культуры.

Инженер В. А. Грачев из Омска рассказывает в своем письме о том, как были снесены Тарские ворота Омской крепости — исторический памятник, связанный с пребыванием в Омске в ссылке Ф. М. Достоевского.

Читатель из Симферополя Б. П. Чупиков пишет о разорении заповедной территории древнего города Неаполя скифского. Причем виновниками оказываются сами же работники местных органов. Орды кочевников в свое время не сумели разрушить Неаполь скифский, но в XX веке отряды строителей успешно снесли стены древней твердыни и вторглись в пределы города-памятника.

Жители Ярославля В. П. Митрофанов и Л. Д. Рыбцева пишут о том, как в их родном городе под угрозой находятся целые архитектурные комплексы, имеющие несомненную историческую ценность (об этом же кратко упомянул в своем интервью Д. С. Лихачев).

Немало пришло писем, обращенных прямо к министерствам культуры. Здесь уже речь идет не только об охране, но и об использовании памятных мест по их прямому назначению — в деле идеологического, нравственного воспитания наших людей.

Большое письмо прислал житель Московской области И. М. Уваровский. Он снова бьет тревогу («Огонек» писал об этой проблеме) о состоянии усадьбы Середниково, связанной с именем М. Ю. Лермонтова.

Читатель из Иркутска Д. И. Толстоухов вносит предложение об открытии в подмосковном селе Авдотьино музея крупнейшего русского просветителя XVIII века Николая Ивановича Новикова. Новиков своей деятельностью оказал огромное влияние на развитие общественной мысли в России, но нигде в стране нет музея этого выдающегося деятеля в области культуры.

Есть и другие письма. Вот, например, что пишет В. Дунаев из Москвы: «...Мне довелось побывать на Русском кладбище во Владивостоке. Огорчает отношение к месту захоронения В. К. Арсеньева, так много сделавшего для Советского Дальнего Востока. Забыли во Владивостоке знаменитого этнографа, исследователя и писателя. В запущенном состоянии было и захоронение «Нижних чинов крейсера «Варяг»...» Наверное, незачем в таких случаях ждать ни специальных публикаций, ни особых указаний. Трудно поверить в то, что во Владивостоке да и в любом месте нашей Родины не помнят и не любят Владимира Клавдиевича Арсеньева и его верного друга Дерсу Узала, землепроходцев, раскрывших перед сотнями тысяч наших читателей неповторимые красоты Дальнего Востока! Надо ли специально обращаться к общественности Владивостока с тем, чтобы могила Арсеньева была приведена в достойное состояние, если это досадное недоразумение еще продолжается?! И есть ли необходимость разъяснить морякам Краснознаменного Тихоокеанского флота, в составе которого живет и здравствует могучий юный крейсер «Варяг», их святой долг по отношению к захоронению «Нижних чинов крейсера «Варяг»?! ...Долг чести и совести наших людей, где бы они ни жили, служили, работали: в подобных случаях, когда можно сделать все, что требуется для памяти, для почитания минувшего своими руками, так и делать, не ожидая никаких специальных указаний, разъяснений.

Особый интерес представляют поступившие в редакцию отклики лиц и учреждений, имеющих непосредственное отношение к проблемам, затронутым в интервью академика Д. С. Лихачева.

В Совете Министров РСФСР очень внимательно отнеслись к публикации. Было дано указание всем лицам, отвечающим за охрану, реставрацию и использование памятников истории и культуры, доложить Совмину республики о принятии неотложных и действенных мер по устранению недостатков в этом очень важном деле.

В связи с выступлением академика Д. С. Лихачева было принято специальное постановление коллегии Министерства культуры РСФСР:

«Постановление коллегии Министерства культуры РСФСР № 69 от 22 июля 1982 года. О статье журнала «Огонек» № 29 «Память истории священна» (июль 1982 г.).

Коллегия Министерства культуры РСФСР отмечает принципиальную важность вопросов, поднятых в статье академика Д. С. Лихачева «Память истории священна» (журнал «Огонек» № 29), для дальнейшего улучшения дела охраны и использования памятников истории и культуры, работы органов культуры, Министерства в этой области.

За период 1976—1980 годов на реставрацию и подготовку к использованию памятников истории и культуры в РСФСР израсходовано около 200 млн. рублей. Реставрационные работы проводились на 1358 памятниках. На базе отреставрированных памятников за последние годы созданы музеи-заповедники, музеи деревянного зодчества и мемориальные музеи (около 100).

Производственные мощности реставрационных организаций возросли в 2,5 раза, объем работ увеличился до 50,0 млн. рублей в год, объем проектных работ увеличился в 4 раза и составляет в настоящее время около 4 млн. рублей.

В настоящее время утвержден Сводный перспективный план реставрации и использования памятников на 1981—1990 годы. Данный план позволяет сконцентрировать проектные и производственные мощности на первоочередных объектах... В статье «Память истории священна» академик Д. С. Лихачев ставит вопросы улучшения охраны, реставрации и использования ряда памятников истории и культуры г. Москвы, Московской области, Карельской АССР, Новгородской области. Аналогичные недостатки по охране памятников истории и культуры имеют место и в других территориях РСФСР.

Коллегия постановляет:

1. Министерствам культуры автономных республик, управлениям культуры крайисполкомов, облисполкомов, Главным управлениям культуры Мосгорисполкома, Мособлисполкома, Ленгорисполкома в месячный срок обсудить статью журнала «Огонек» № 29 (июль 1982 г.) на коллегиях, принять конкретные меры по устранению недостатков в работе по охране, реставрации и использованию памятников истории и культуры. Разработать совместно с отделениями ВООПИК, другими заинтересованными организациями предложения и меры, способствующие созданию в учреждениях, организациях атмосферы высокой ответственности и активного участия в сохранении и пропаганде памятников.

2. Заместителю министра культуры тов. Шкурко А. И., Главному управлению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры (тов. Орешкина А. С.), Управлению музеев (тов. Бартковская А. В.) разработать дополнительные меры по улучшению дела охраны, реставрации и использованию памятников... Усилить контроль за выполнением принятых постановлений Совета Министров РСФСР по памятникам истории культуры Подмосковья, Валаама;

— до 15 сентября с. г. совместно с Управлением культуры Новгородского облисполкома (тов. Вотинцев П. И.), Всесоюзным объединением «Союзреставрация» представить предложения по экспонированию и музеефикации фресок ц. Спаса на Ковалеве для обсуждения на Научно-методическом совете Министерства культуры РСФСР и Министерства культуры СССР;

— до 15 сентября с. г. рассмотреть вопрос о создании музея фресок в Новгороде;

3. Объединению «Росреставрация» (тов. Дворяшин В. М.) предусмотреть в планах 1983—1985 гг. и до 1990 г. рост объемов реставрационных работ по памятникам музея-заповедника Валаам в соответствии со Сводным перспективным планом, утвержденным коллегией 26 мая 1982 года;

— Главному управлению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры совместно с Министерством культуры Карельской АССР до 15 сентября с. г. доложить конкретные предложения по обеспечению выполнения постановления Совета Министров РСФСР № 437 от 28 августа 1979 г. «О мерах по сохранению и использованию памятников истории и культуры и природного ландшафта Валаамских островов в Карельской АССР»;

4. Главному управлению культуры Мособлисполкома (тов. Азаров В. Я.) обеспечить своевременное и качественное выполнение ремонтно-реставрационных работ в соответствии с планом XI пятилетки, завершить в 1984 году реставрацию и музеефикацию бывшей ц. Преображения в усадьбе «Большие Вяземы». До 1 января 1983 года представить предложения об использовании усадеб «Захарово» и «Боблово», усилить контроль за соблюдением законодательства об охране памятников.

5. Главному управлению культуры Мособлисполкома (тов. Азаров В. Я.), Главному управлению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры (тов. Орешкина А. С.) принять участие в рассмотрении проектных предложений по реставрации собора и шатра Новоиерусалимского монастыря г. Истры в Научно-методическом Совете Министерства культуры СССР.

6. Главному управлению культуры Мосгорисполкома (тов. Шадрин В. И.)

— рассмотреть до конца 1982 года вопрос создания музея Н. В. Гоголя в бывшем доме Талызина с выведением городской библиотеки № 2;

— ускорить решение вопроса по созданию музея Декабристов;

— совместно с Государственным литературным музеем (тов. Шахалова Н. В.) ускорить создание литературно-мемориального музея А. А. Блока в доме № 6 по ул. А. Толстого.

7. Контроль за выполнением настоящего постановления возложить на замминистра тов. Шкурко А. И. и Главное управление охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры (тов. Орешкина А. С.).

Председатель коллегии, Министр культуры РСФСР Ю. С. Мелентьев».

В конце 1982 года корреспонденты «Огонька» встретились с заместителем министра культуры РСФСР А. И. Шкурко и ответственными работниками министерства, рассказавшими о первых конкретных шагах по выполнению этого постановления.

Так, принято решение о передаче усадебного комплекса в Больших Вяземах под Москвой музею-заповеднику «Саввино-Сторожевский монастырь» в Звенигороде. Одновременно дано указание реставраторам завершить в 1983 году реставрацию Преображенского собора в Вяземах. В июле 1982 года энтузиастами местной ячейки ВООПИК во главе с кандидатом технических наук А. И. Виноградовым открыта экспозиция по истории Больших Вязем.

Центральный Дом Советской Армии обязался в течение 1983 года привести в достойное состояние усадьбу «Захарово» — бывшее имение М. А. Ганнибал, в котором несколько лет подряд юный А. С. Пушкин проводил с родителями летние месяцы.

Эти три конкретных действия приближают создание подмосковного пушкинского музейного комплекса.

Затем заместитель министра культуры РСФСР А. И. Шкурко и заместитель начальника Главного

управления культуры Мособлсовета С. Б. Хавинсон рассказали о положении дел по созданию Государственного музея-заповедника А. А. Блока Шахматово. Отрадно, что выполнение постановления Совета Министров РСФСР о создании музея-заповедника А. А. Блока, наконец, сдвинулось с мертвой точки. Исполком Мособлсовета утвердил охранные зоны заповедника, разработано и утверждено штатное расписание (пока, правда, всего из 10 единиц), однако в начале февраля ни одна из них не была заполнена и до сих пор реально дирекция Шахматова не существует, а ведь в 1983 году намечено приступить к конкретным проектным и восстановительным работам и формированию фондов.

Но музею-заповеднику А. А. Блока в Подмосковье определена крайне низкая (4) категория, а от нее зависит многое в его будущей деятельности, в том числе и самое, на наш взгляд, важное дело — формирование коллектива компетентных, высококвалифицированных сотрудников.

Не решен пока поднятый Д. С. Лихачевым вопрос о будущем усадьбы гениального русского ученого Д. И. Менделеева — Боблова, находящейся в семи километрах от Шахматова. До 150-летия Менделеева остался всего год, и компетентные организации — Министерство культуры РСФСР, Мособлисполком (при участии Министерства химической промышленности, Академии наук СССР и Всесоюзного химического общества имени Д. И. Менделеева) более не могут затягивать вопрос о восстановлении Боблова, тем более что напрашивается его естественное решение — слияние Боблова и Шахматова в единый Государственный музей-заповедник двух великих сыновей нашей земли — Д. И. Менделеева и А. А. Блока, с развертыванием экспозиций в обеих восстановленных усадьбах.

К сожалению, за прошедшее время не сдвинулись с места дела по созданию музеев Блока и Гоголя в Москве. Министерство культуры РСФСР, пресса и общественные организации, в частности Союз писателей, не нашли положительного отклика в Моссовете на предложение о создании музея Гоголя в доме, где он скончался, и о переводе библиотеки имени Н. В. Гоголя в соседнее здание усадьбы. Будем надеяться, что Моссовет все же найдет возможность создать в счастливо сохранившейся усадьбе единственный музей Гоголя в России.

Что касается создания мемориального музея Блока и литературы предоктябрьской эпохи в Москве на улице Алексея Толстого, то решение о его организации пока не выполняется, хотя Гослитмузей располагает совершенно уникальными материалами о жизни и деятельности великого поэта в период, предшествующий Октябрьской революции и созданию поэмы «Двенадцать», материалами, которые в недалеком будущем увидят жители Западного Берлина, Англии, но, увы, сокрытыми пока, после закрытия Блоковской выставки, в недоступных фондах Гослитмузея от наших соотечественников.

Затем разговор зашел о судьбе памятника, в котором были похоронены герои Куликовской битвы воины-богатыри Пересвет и Ослябя.

Памятник этот с 1932 года находится на территории московского завода «Динамо» и долгое время оставался в полном небрежении. Пока «прогресс» заключается в том, что из мемориального помещения наконец убрали компрессорную станцию, которая там все эти годы находилась.

Все присутствующие сошлись на мнении, что для крупного московского завода великая честь иметь на своей территории такой памятник. И потому совершенно естественно, если после реставрации в здании древнего храма, где расположена могила героев давних времен, будет создан музей боевой и трудовой славы потомков Пересвета и Осляби. Министерство культуры РСФСР предлагает труженикам «Динамо» содружество в непростом деле создания музея. Но рассматриваются и другие варианты решения этой проблемы, в частности выгородка памятника с территории завода.

Далее корреспондентам «Огонька» рассказали о специальном совещании, которое состоялось для окончательного решения вопроса о ковалевских фресках, о которых шла речь в интервью Д. С. Лихачева. Заместитель начальника Главного управления по охране, реставрации и использованию памятников А. С. Орешкина сообщила о том, что, обсудив с представителями Новгорода, с художниками-реставраторами А. П. и В. Б. Грековыми ход реставрации фресок, руководители Министерства культуры РСФСР дали указание руководству Новгородского музея-заповедника ориентироваться на создание в городе специального музея древнерусских фресок. А заместитель министра культуры А. И. Шкурко подтвердил, что решено ковалевские фрески экспонировать в музейных условиях. Он добавил также, что музей фресок должен создаваться не только для фресок, реставрированных Грековыми, но для экспонирования и хранения в особо благоприятных условиях фресок из других мест России.

* * *

Без сомнения, сделаны важные практические шаги для решения ряда проблем, о которых шла речь в публикации «Память истории священна». Отрадно, что дело не ограничилось общими разговорами, но предприняты конкретные действия, связанные с охраной памятников истории и культуры России. Нельзя не порадоваться, что вопрос этот был признан важным и подлежащим конструктивному решению Советом Министров РСФСР и Министерством культуры РСФСР. В связи с этим недавнее постановление Совмина РСФСР (январь 1983 г.) о сосредоточии руководства делом учета, охраны, использования, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры РСФСР (за исключением документальных памятников) в Министерстве культуры РСФСР может стать определяющим в этом важном деле. В этом убеждает компетентность и деловитость товарищей, занимающихся сейчас проблемами охраны памятников истории и культуры в Министерстве культуры РСФСР.

Что же касается нерешенных вопросов, поднятых в публикации «Память истории священна», то «Огонек» намерен еще вернуться и к проблеме создания музеев Н. В. Гоголя и А. А. Блока в Москве, и к судьбе менделеевского Боблова, и к целому ряду других назревших проблем, ждущих заботы государственных органов и общественности,— ведь дело сбережения памяти народной, охраны и возрождения реликвий нашей истории и культуры требует неусыпного внимания!

ЗАП

С. ЛОСЕВ,
В. ПЕТРУСЕНКО

КАВЕР-АП

30 июня газеты сообщили, что в Белом доме был вскрыт сейф, в котором обнаружили вещи Ханта: внутренние планы «Уотергейта», аппаратуру для подслушивания, пистолет. Там были еще 24-страничный «психологический портрет» Д. Эллсберга, составленный в ЦРУ, и другие документы. Поскольку, не говоря уже о «психологическом портрете», операция Ханта — Лидди против Д. Эллсберга проходила в значительной степени под эгидой ЦРУ, Хелмс попросил Грея не ворошить эту историю. Такой же совет ему дал президентский помощник Дин, и Грей сжег в камине собственного дома две папки, извлеченные из сейфа Ханта. И опять же лицо или лица, сообщившие газетам о находках в сейфе Ханта, вели себя как невидимки, наносящие удары из-за угла. Президент учинил очередной допрос: почему именно в Белом доме хранились вещи Ханта? Ведь он до марта 1972 года имел кабинет в соседнем с Белым домом административном здании. Внятного ответа сразу получено якобы не было, но из газетных отчетов последующего периода видно, что «кто-то» перенес вещи Ханта из административного здания в Белый дом, а спустя несколько дней этот или другой «кто-то» навел ФБР на сейф. «История с сейфом настолько нелепа,— пишет Никсон в мемуарах,— что в какой-то момент Холдеман высказал подозрение, что мы имели дело с двойным агентом, который нарочно взорвал операцию. Иначе все это понять было невозможно».

Итак, Хант или кто-то из его сообщников — «двойной агент»? Разговоры о Ханте в Белом доме приобретали все более тревожный характер. Забегая вперед, скажем, что примерно через год после начала уотергейтского дела Никсон признал, что его рабочий Овальный кабинет был оснащен записывающей магнитофонной аппаратурой. Вытребованные у него судом и конгрессом магнитофонные пленки дают некоторое представление о том не очень понятном смущении, которое испытывал Никсон в связи с арестом Ханта.

«Конечно, этот Хант,— говорил президент Холдеману 23 июня 1972 года,— может раскрыть множество вещей. Стоит только дотронуться до этого негодяя, и развернется кромешный ад, чего бы нам не хотелось, так как это все очень вредно. Здесь замешаны кубинцы и Хант со множеством их мошеннических проделок, к которым мы сами не имеем никакого отношения».

В другом месте пленки расшифрованы следующие слова президента, произнесенные в тот же день, 22 июня: «...Очень плохо иметь дело с этим парнем — Хантом. Он знает дьявольски много. Если вскроется, что все это связано (что именно, не ясно.— **Прим. авт.**), включая кубинскую историю,— это будет фиаско. ЦРУ окажется в затруднительном положении, Хант окажется в затруднительном положении, и, вероятно, будет вскрыто все о Заливе свиней, что, на наш взгляд, явилось бы крайне прискорбным поворотом событий — и для ЦРУ, и для страны в данный момент, и для американской внешней политики».

Историки и журналисты в Соединенных Штатах до сих пор ломают голову над тем,

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5, 6.

АДНЯ НА ПОТОМАКЕ

что имел в виду Никсон, предчувствуя «кромешный ад», «фиаско», «крайне прискорбный поворот событий»,— и все это по воле и мановению руки «негодяя Ханта». Президент сравнил его еще со струпом, сковырни который — и брызнет старый гной.

Нет сомнения, что Хант за годы работы в ЦРУ соприкасался с немалым числом таких «грязных трюков». Но что могло вести в «кромешный ад» и создавать невиданные затруднения американской внешней политике и всей стране? Никсон не пояснял свои тревожные высказывания.

Задумываясь над словами «Залив свиней», некоторые американские исследователи высказывают предположение, что это было кодовое название операции по убийству в Далласе президента Джона Кеннеди, в которой, как утверждают, активно участвовали Хант, Стэржис и Баркер. Нельзя отбрасывать данную гипотезу, ибо в ее отражении приобретают смысл граничащие с паникой слова Никсона о разоблачительных потенциях «негодяя». Если действительно Хант, Стэржис и Баркер были замешаны в далласских событиях, то можно себе представить состояние шока, которое должно было охватить сотрудников Белого дома от одной мысли о том, какой резонанс может вызвать сообщение, что налетчиками в «Уотергейте» были люди, причастные к убийству Джона Кеннеди.

В ЦРУ, насколько можно понять, с полным одобрением отнеслись к пожеланиям Никсона любыми средствами держать на замке язык Ханта, не допускать просачивания в печать информации о его прошлом. Стратегия ЦРУ в уотергейтском деле была определена еще в понедельник 19 июня на утреннем оперативном совещании руководства в Лэнгли. Тщательно выписанное и профильтрованное изложение заседания, начавшегося в 9 утра под председательством Хелмса, дано в мемуарах Уильяма Колби, который в тот момент был исполнительным директором и генеральным инспектором Управления, а менее чем через год после этого был возведен в ранг директора ЦРУ.

Хелмс, согласно Колби, открыл заседание выражением неподдельного удивления и смущения по поводу того, что произошло в «Уотергейте» в ночь с 16 на 17 июня. Все руководители ЦРУ вслед за Хелмсом выразили удивление и смущение, и «каждый из них поклялся, что не имел никакого отношения к проникновению». Но все прекрасно понимали, что означают биографии налетчиков. Можно было ожидать, пишет Колби, что «пламя подозрения к ЦРУ зажжет полыхающие газетные заголовки и все дело будет превращено в одну подлую операцию ЦРУ».

С учетом того, что Хант состоял в штате Белого дома, о чем прекрасно знали почти все участники совещания, было решено, что «пусть эту историю расхлебывает Белый дом». Для ЦРУ же был намечен курс дистанцирования от уотергейтского дела. «Сохраняйте спокойствие,—наставлял подчиненных Хелмс,— сами добровольно ничего не говорите, потому что это будет использовано с тем лишь, чтобы втянуть нас. Просто оставайтесь в стороне от этого проклятого дела». Так был положен краеугольный камень в версию ЦРУ о непричастности Хелмса и его ближайшего окружения к проникновению в «Уотергейт».

Иное впечатление сложилось сразу же, в первые дни расследования, у агентов ФБР, которым было поручено вести уотергейтское дело. «Мы напарываемся на операцию ЦРУ»,— докладывали Пэтрику Грею один за другим его подчиненные. Грей сообщил об этом в Белый дом и Ричарду Хелмсу. «В ФБР убеждены, что это операция ЦРУ»,— передавал президенту мнение Грея Холдеман. Реакция Никсона была далеко не восторженной: он усомнился в этом, но подчеркнул, что сваливать всю историю на Белый дом и на себя лично он не позволит.

Видя столкновения ЦРУ и ФБР, помощники Никсона выдвинули план блокирования расследования. Они обратились к Хелмсу и его заместителю генералу Уолтерсу с предложением, чтобы те отвели ФБР от уотергейтского дела, сославшись на опасность разоблачения тайной деятельности ЦРУ. План был санкционирован президентом, который утверждает в своих мемуарах, что он действительно опасался, как бы уотергейтский скандал не затронул скрытых операций Лэнгли. Так или иначе, но обращение к ЦРУ с идеей (приказа не было) отвратить ФБР от исполнения им предписанных законом следственных мер было еще одним шагом к мышеловке. «Решение Никсона использовать ЦРУ (против ФБР) для сокрытия разрастающегося скандала,— пишет У. Колби,— вынудило его в конечном счете уйти в отставку».

В основе этого решения, подчеркивает публицист Карл Оглсби, лежало в тот момент не только и не столько стремление Никсона спасти свою карьеру, ибо он не опасался серьезных последствий уотергейтского рейда, сколько беспокойство, что заговорит Говард Хант и разверзнется «кромешный ад».

Как прореагировало ЦРУ на предложение Белого дома? Оно дало понять, что берет ФБР на себя. Особенно в том, что касается Говарда Ханта. Хелмс проявил огромный интерес к тому, чтобы елико возможно скрыть от общественности историю «негодяя». Но «рыцари плаща и кинжала» сразу же повели двойную игру. За спиной Белого дома агенты ЦРУ, как сообщал в январе 1973 года журнал «Ньюсуик», заверили агентов ФБР, что те могут продолжать расследование источника доходов Баркера, не опасаясь поставить под удар какие-либо текущие операции ЦРУ. Они умолчали, что Баркер был одним из главных кассиров ЦРУ в Майами, выплачивавшим шедшие из Лэнгли деньги кубинским эмигрантам, работавшим на вашингтонскую разведку.

В описании уотергейтского дела мы часто встречаем слово «кавер-ап» (cover-up). Оно употребляется и как глагол, и как прилагательное, и как существительное. Глагол переводится следующим образом: спрятать, тщательно прикрыть. Но смысл, который вкладывается в данный термин сейчас, позволяет перевести его как сокрытие преступления.

Некоторые исследователи (в отличие от Уильяма Колби) считают, что использование ЦРУ для торможения расследования агентами ФБР было лишь малым кавер-ап. А что же было тогда большим кавер-ап? Организация тайной выплаты денег за молчание сидевшим в тюрьме. Хант, Лидди и Маккорд получали по три тысячи долларов в месяц, остальные— по одной тысяче. Все они, если судить по различным версиям происходившего, сидели в тюрьме «тихо и спокойно», не собираясь давать показаний, которые скомпрометировали бы Белый дом и Комитет по переизбранию президента. Единственным, кто проявлял нервозность, был Хант. Он направил из тюрьмы помощнику президента Дину пожелание проявить поскорее «милосердие», то бишь помиловать. Дабы его требованию вняли, он присовокупил не очень завуалированную угрозу: «Писатель может продать вам рукопись пьесы». Это был первый психологический выстрел со стороны Ханта по Белому дому. Он намекал, что ему, помимо «милосердия», нужно больше денег. Через несколько месяцев Дин доложит президенту, что «Хант пытается шантажировать нас». Но до этого времени должны были произойти определенные события, которые ожесточили Ханта, зародили в нем подозрение, что он брошен всеми в тюрьме.

28 июня Хелмс отбыл на три недели в Австралию и Новую Зеландию — страны, входящие в так называемый внутренний клуб западных англо-саксонских разведок. Он назначил ответственным за уотергейтское дело Уильяма Колби. Перед отъездом Хелмс дал понять своему заместителю генералу Вернону Уолтерсу, чтобы тот не увлекался торможением расследования, проводимого ФБР. Поэтому, когда Грей запросил какой-либо документ, подтверждающий, что имеется угроза операции ЦРУ в случае продолжения расследования, Уолтерс предпочел не связывать себя письменным словом. Позиция Хелмса, Колби и Уолтерса позволяет американским авторам делать два вывода.

Во-первых, был малый кавер-ап — непродолжительный, около недели — со стороны ЦРУ. Он был санкционирован Никсоном, что в конечном итоге привело, по мнению Уильяма Колби, к отставке президента. Во-вторых, руководство ЦРУ не пошло на более широкий кавер-ап, если не считать готовности Лэнгли молчать о прошлых «грязных трюках» Ханта. Пишут примерно следующее: Хелмс, Уолтерс и Колби сохранили «институционную целостность» ЦРУ и не дали Никсону использовать центральную разведку в личных политических целях.

Американские авторы, находящиеся, правда, в меньшинстве, не принимают на веру ни эту версию, ни выводы, идущие от ЦРУ. Им кажется, что самоустранение Лэнгли из эпицентра скандала и глухая стена, которую Хелмс и его люди возвели вокруг роли ЦРУ в уотергейтском деле, указывают на небезгрешность кого-то из «рыцарей плаща и кинжала». Смешно предполагать, что в ЦРУ было принято коллегиальное решение, спровоцировав уотергейтский скандал, пойти приступом на Белый дом, взять его интригами. Но какие-то, при том не рядовые, сотрудники ЦРУ могли манипулировать Хантом, Маккордом и их кубинцами, а те могли отдавать, но могли и не отдавать себе отчета в том, каковы истинные цели их фиаско. Возможно, что Хант знал все от начала и до конца. Подобным гипотезам прибавил веса Никсон, пишущий в своих мемуарах: «Вашингтон сейчас[1] полон новых сообщений — и новых интригующих вопросов о том, что ЦРУ явно заранее знало о предстоящем проникновении (в «Уотергейт».— Прим. авт.). Много разговоров и о действиях ЦРУ во время кавер-ап».

Вопросы о роли ЦРУ, не прекращавшиеся в течение всех двух лет уотергейтского скандала, доставляли неприятности и хлопоты Лэнгли. Чтобы дезавуировать подозрения в свой адрес, ЦРУ пользовалось простым приемом: с его слов журналисты писали, что слухи о причастности ЦРУ к уотергейтскому делу распространяются сотрудниками Белого дома, в особенности Колсоном. Но поскольку доверие к Белому дому со стороны прессы и общественности в тот период падало, пропагандисты из Лэнгли надеялись превратить в злую шутку, а еще лучше в насмешку над Белым домом все факты и слухи о бывших и настоящих сотрудниках ЦРУ, попавшихся как-то очень странно в руки полиции. Но и версии ЦРУ, подхваченной прессой, тоже не очень верили. Это признает Уильям Колби:

[1] Речь идет о первой половине 1974 года.

«Запускаемые Белым домом слухи, что ЦРУ было подлинным виновником во всем деле, получили значительное распространение. В целом это привело к тому, что репутация ЦРУ оказалась еще более запятнанной».

Упоминавшийся выше сенатор Говард Бейкер, возглавлявший специальное расследование роли ЦРУ в уотергейтском деле и прибегший к иносказанию о «лесе, полном ломящихся сквозь заросли зверей», оставил весьма любопытное примечание к докладу специальной комиссии сената по изучению деятельности разведывательных органов (комиссия Черча).

«Расследование уотергейтского дела и возможной причастности к нему Центрального разведывательного управления вызвало огромное замешательство. Доступная информация оставляет без ответа острые как пила вопросы и содержит обрывки и кусочки интригующих свидетельств. Но мы можем выносить суждение лишь на основе имеющихся данных, они же вынуждают пока делать вывод, что ЦРУ как институт не было замешано в проникновении в «Уотергейт».

Сохранение «целостности» ЦРУ «как института», непричастность ЦРУ «как института» — эти выражения не исключают того, что руководители и сотрудники разведывательного ведомства действовали по личной инициативе, или в их «индивидуальном качестве». Такая точка зрения, высказываемая отдельными американскими авторами, зиждется на интерпретации ими существующей в ЦРУ доктрины «правдоподобного отрицания». Данная доктрина требует от «рыцарей плаща и кинжала» превеликой осторожности и маскировки их операций, обеспечения их ложными следами, уводящими от Лэнгли и наводящими на других.

Но в данном случае уотергейтская операция Ханта носила несколько иной характер. Судя по всему, кое-кто в Лэнгли решил обзавестись орудием давления на Белый дом. Монтаж этого орудия был тщательным процессом. Надо было «привязать» наиболее одиозные акции Лидди и Ханта к Белому дому, запастись соответствующими уликами, чтобы позднее, в случае необходимости, приписать Белому дому противозаконные действия.

Так, например, когда Колсон представил Ханта помощнику президента Эрлихману — это была их единственная встреча 7 июля 1970 года,— Хант попросил Эрлихмана позвонить заместителю директора ЦРУ генералу Роберту Кашмэну и попросить его, чтобы тот оказывал содействие ему, Ханту. Впоследствии Кашмэн воспроизведет слова Эрлихмана: «Здесь у меня мистер Хант; он работает на нас. Он навестит вас». Эрлихман попробует отрицать этот факт. Но Кашмэн вытащит магнитофонные пленки, на которых был записан данный разговор, а также разговор, который состоялся у него с Хантом. И присовокупит свою интерпретацию: генерал полагал, что указания о помощи Ханту идут от президента Никсона, хотя последний услышит впервые о контактах Ханта и Кашмэна лишь в середине марта 1973 года, когда Хант из тюрьмы пригрозит, что он раскроет причастность Белого дома к его «грязным трюкам». И таких эпизодов было хоть отбавляй.

Попытки Белого дома привлечь ЦРУ к тушению уотергейтского скандала были зафиксированы и в «личных меморандумах» Уолтерса, которые генерал в нужный момент вытащил на свет. Он их вел как дневник, один на один с собой, но им поверили. По той реакции на просьбу Белого дома, которая просматривается сейчас в мемуарах бывших руководящих сотрудников ЦРУ, можно безошибочно судить, что они были рады маневру президента и его помощников, обратившихся с просьбой к Лэнгли сдержать ФБР. Орудие давления приобретало юридическую силу. Вот как характеризует случившееся Никсон: «В конце июня и начале июля я сделал первые шаги вниз по наклонной плоскости, приведшие меня к потере президентства... Я одобрил усилия с тем, чтобы побудить ЦРУ вмешаться и ограничить расследование ФБР. Позднее мои действия и бездействия в тот период покажутся многим как часть широкого и сознательного кавер-ап. Я не считал их таковыми. Я решал прагматическим путем то, что воспринимал как раздражающую, но сугубо политическую проблему. Я искал пути подхода к уотергейтскому делу, которые свели бы до минимума ущерб для меня, моих друзей, моей предвыборной кампании и дали бы меньшую выгоду моей политической оппозиции... Я убежден, что и другая сторона вела бы себя так же, случись с ней нечто подобное».

Исполнявший обязанности директора ФБР Грей советовал Никсону провести чистку в Белом доме, изгнать всех, кто хоть как-то был замешан в уотергейтском деле. Но все до единого президентские помощники клялись ему, что никто в Белом доме не замешан, что находящийся в тюрьме Гордон Лидди заявляет, что проникновение в «Уотергейт» было его самостоятельным решением, и т. д. Никсон пишет, что он не предпринял сразу шагов, рекомендованных Греем, главным образом потому, чтобы не дискредитировать республиканскую партию.

После ухода из Белого дома ряд бывших помощников президента выдвинули против него обвинение в обмане. Они заявили, что Никсон заранее знал о некоторых операциях, в том числе уотергейтской. Никсон в своих мемуарах отрицает это и уверяет читателя, что он не лгал раньше и не лжет теперь.

Считается, что в Белом доме не был причастен к уотергейтскому скандалу Генри Киссинджер. Человек, лишенный сантиментов к кому-либо, в том числе и к Никсону, сделавшему его не только помощником по национальной безопасности, но и первым министром — государственным секретарем,— как он рассудил спор бывшего президента со своими помощниками? «Те из нас,— пишет Киссинджер во втором томе своих мемуаров, вышедших весной 1982 года,— кто работал с Никсоном, просто не могли разделять то возмущение, которое наполняло печать. Мы не одобряли убогие методы, обнажившиеся в результате уотергейтского дела. Еще больше, чем другие, мы чувствовали ужас при виде того, как превращались в обломки наши усилия, направленные на строительство лучшего, более прочного мира. У нас не было иллюзий и относительно вскрывшихся уверток и неправд. Но у нас была иная перспектива. Мы могли видеть, как эти действия помогли обернуть серьезную ошибку в национальную катастрофу. Мы знали, что Никсон не столько лгал, сколько убедил себя в подходившей ему оценке случившегося».

Так или иначе, но президент оказался замешанным в кавер-ап, целью которого в первую очередь было не допустить до ноябрьских выборов нанесения ущерба ему и партии.

15 сентября 1972 года Большое жюри предъявило официальное обвинение в совершении преступления с передачей дела в суд Лидди, Ханту, Маккорду, Баркеру, Стэрджису, Гонзалесу и Мартинесу. Это было воспринято в Белом доме как успех, ибо никто из сотрудников Комитета по переизбранию президента и Белого дома в обвинении Большого жюри не фигурировал. Суд должен был начаться лишь после выборов. Казалось, гроза миновала.

ШАНТАЖ

Выборы принесли внушительную победу Никсону. Он собрал 47 169 841 голос избирателей. Получивший 29 172 767 голосов сенатор Джордж Макговерн прислал победителю следующую телеграмму: «Примите поздравления с вашей победой. Я надеюсь, что в следующие четыре года вы поведете нас к миру за рубежом и справедливости внутри страны. Вы будете иметь мою полную поддержку в таких усилиях».

Когда позднее вскроются «грязные трюки» против демократической партии, то возникнет вопрос: зачем они были нужны республиканской верхушке, если Никсон и так одержал победу в 49 штатах из 50? Республиканцы поначалу опасались, что кандидатом демократической партии будет либо Эдвард Кеннеди, либо Эдмунд Маски; тогда борьба приобрела бы более напряженный характер, и ее исход было бы трудно предопределить. Именно против Э. Кеннеди и Маски, которых республиканцы считали либеральными политиками, был сосредоточен огонь. Он затрагивал и «ультралиберала» Макговерна, но в меньшей степени.

Окружение Никсона — вице-президент Агню, министр юстиции Митчелл, помощники Холдеман, Эрлихман, Колсон — было преисполнено решимости нокаутировать либералов, вывести их на долгие времена с политического ринга. Возглавив республиканский Комитет за переизбрание президента, Митчелл не особенно вникал во все детали подрывной работы против демократической партии, полагаясь на антилиберальную закваску своих приближенных. Частью обширного плана, направленного на отыскание или сотворение порочащих демократов данных, было и «вползание» в операцию по установлению подслушивающих устройств в штаб-квартире демократов в «Уотергейте». Республиканцы готовились пустить в ход изыскиваемые ими данные, чтобы разбить наголову демократов-либералов и успокоить консервативно настроенные круги, недовольные выводом американских войск из Южного Вьетнама и другими шагами Никсона во внешней политике. Усиление консерваторов в результате ноябрьских выборов вызвало ответные меры демократов. В частности, они ожидали суда над уотергейтской семеркой. Но даже демократы не представляли себе в первые дни после выборов, какой оборот примет уотергейтское дело. Ибо пройдет более двух месяцев, прежде чем их представители в конгрессе примут решение создать специальную комиссию во главе с сенатором Сэмом Эрвином для расследования практики, применявшейся в предвыборной кампании 1972 года.

Убедительная победа, одержанная Ричардом Никсоном на выборах, была неожиданной в первую очередь для самого президента. Опасения, что уотергейтское дело может дать больше шансов демократам, не оправдались. Одной из главных причин переизбрания Никсона с небывалым разрывом в количестве полученных голосов, по мнению преобладающего большинства американских политических обозревателей, был его курс на улучшение отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами, включение в предвыборную платформу обязательства проводить политику разрядки международной напряженности, поиска путей ограничения стратегических вооружений, постепенный вывод войск из Южного Вьетнама.

Никсон чувствовал, однако, серьезное сопротивление различным аспектам своей внешней и внутренней политики. При этом особенно ощутимым оно было тогда, когда исходило, как говорится, «из-за угла», а точнее, изнутри правительства. В своих мемуарах президент облек соображения по этому поводу в относительно безобидные краски. Ему достался аппарат исполнительной власти от администрации демократической партии, он посадил во главе министерств и ведомств своих людей — «политических назначенцев», но их приказы не выполнялись или просто саботировались «из духа противоречия». «Посмотрите,— говорил он одному из помощников,— люди, которые заправляли Пентагоном, попрежнему крутят и вертят в проклятом Пентагоне».

Уотергейтское дело насторожило президента и в отношении аппарата Белого дома. Он стал подозревать, что советники и помощники позволяют себе чересчур много, а затем готовы свалить на него всю ответственность за содеянное. Он видел ожесточенную борьбу за власть между своими приближенными и стоящими за ними силами, видел, что эти схватки к добру не приведут.

Сразу после ноябрьских выборов президент потребовал, чтобы сотрудники аппарата Белого дома, все правительственные служащие положили на стол заявления об отставке. В общем такой приказ не был необычным. Раз в четыре года после избрания президента такие заявления всегда подавались для проформы. Но на сей раз дело обстояло иначе.

Никсон удалился на три недели в свою загородную резиденцию Кэмп-Дэвид и вместе с Холдеманом приступил к перетряске кадров высшего и среднего звена.

Заместитель директора ЦРУ генерал Вернон Уолтерс пришел к Ричарду Хелмсу доложить, что он написал заявление об отставке. Напрасно, заметил ему директор ЦРУ, чистка не может касаться нас. Хелмс выразил мнение, что метла Белого дома направлена против «политических назначенцев», каковыми, с его точки зрения, руководители ЦРУ не являлись. Он имел в виду, в частности, то, что он и Уолтерс были кадровыми разведчиками. Все доводы и красноречие Хелмса преследовали лишь одну цель — не допустить подачи заявления Уолтерсом. Ибо пришлось бы и ему написать такой документ. А далее? Не окажется ли, что заявления и генерала и Хелмса будут удовлетворены? Вернон Уолтерс сдался и разорвал свою бумагу.

Хелмс тем временем поспешил назначить встречу за ленчем заместителю Киссинджера — Александру Хейгу. Тот прибыл в ЦРУ, и они уединились в директорском банкетном зале. Генерал Хейг слыл в Лэнгли давним другом ЦРУ. Будучи майором армии, он получил ответственный пост офицера по связи с ЦРУ. Близость к «рыцарям плаща и кинжала», говорили в Вашингтоне, была немаловажной причиной умопомрачительно быстрой

карьеры в армии и Белом доме, которую сделал А. Хейг.

Генерал поинтересовался планами Хелмса. Тот ответил, что он уже шесть лет на занимаемом посту, дольше, чем любой директор ЦРУ, кроме Аллена Даллеса, и что он собирается пробыть на нем еще около года. Да, один-два года, поддакнул Хейг, а потом подберете себе преемника. На том они и расстались. Хелмс успокоился, полагая, что, если бы над ним собиралась туча, Хейг дал бы ему знать.

Но вот директор ЦРУ получает вызов в Кэмп-Дэвид. «Зачем?» — спрашивает он Киссинджера. «Понятия не имею»,— отвечает помощник президента по национальной безопасности и главный куратор ЦРУ в Белом доме. Наверно, вопрос бюджета для ЦРУ, прикидывает Хелмс, и берет с собой в Кэмп-Дэвид финансовые бумаги.

Хелмс был встречен Холдеманом, который, однако, в отличие от прежних аудиенций директора ЦРУ у президента не предупредил его, по какому вопросу он приглашен. Никсон ждал в «Осиновом коттедже». Фотограф зафиксировал их встречу, и разговор начался. Без обиняков Никсон попросил его отставки, мотивируя это общими перестановками, заменами в кабинете и желанием иметь нового директора ЦРУ. Затем, согласно версии, исходящей от Хелмса, президент предложил ему поехать куда-нибудь послом. Тот ответил, что подумает над этим, с чем и расстались.

Дня через два Хелмс натолкнулся на Киссинджера в Белом доме, и помощник президента поинтересовался: «Между прочим, что случилось в Кэмп-Дэвиде?» Хелмс замялся с ответом. «Хорошо, хорошо,— сказал Киссинджер,— если вы не хотите мне сказать, я позвоню Холдеману и спрошу его». «Я не ухожу от вопроса,— возразил Хелмс,— но я просто пытаюсь решить, с какого конца начинать рассказ». Хелмс медлил с ответом, потому что он был заинтригован вопросом Киссинджера. Тот, выходит, не знал об отставке, спустя два дня после объявления ее президентом Хелмсу, а Хейг не знал заранее, что она планируется; значит, сообразил Хелмс, если у его кураторов в Белом доме не было к нему претензий, его изгнание имело только одно логическое объяснение. «Это был Уотергейт»,— указывает со слов Хелмса Томас Пауэрс, не жалея красок для описания той ярости, в которую пришел главный «рыцарь плаща и кинжала». «Старые друзья Хелмса,— продолжает Пауэрс,— никогда не видели его в таком состоянии. Он просто сошел с ума. И ему стало еще хуже, когда Колсон стал распространять слухи, что Хелмса убрали потому, что он не мог руководить Управлением, не мог держать в руках разведывательное сообщество и командовать им так, как хотел президент. Люди ЦРУ назвали это (слухи, распространявшиеся Колсоном.— Прим. авт.) операцией ядовитой змеи».

Неизвестно, получил ли Киссинджер от Холдемана информацию о том, что же произошло в Кэмп-Дэвиде. Никсон и Холдеман в своих мемуарах умолчали о встрече в «Осиновом коттедже» 20 ноября 1972 года. Но вот вышел детективный роман бывшего помощника Никсона Джона Эрлихмана «Компания» (так сотрудники ЦРУ называют между собой свое ведомство.— **Прим. авт.**), в герое которого — президенте Ричарде Монктоне — нетрудно узнать Ричарда Никсона. По ходу развития в романе скандальной истории директор ЦРУ шантажирует в Кэмп-Дэвиде Монктона, грозит ему разоблачениями, если тот не предоставит ему возможность не только уйти с почетом в отставку, но и занять пост посла.

Когда журналисты спросили Хелмса, что он думает о романе Эрлихмана, он опять пришел в раж, как после встречи в «Осиновом коттедже».

— Я не знаю, что он старается сказать нам, но, что бы он ни пытался сочинить,— не правда. Я не читал «Компанию», но я знаю сюжет, и я никогда не шантажировал Никсона в какой-либо форме, манере или каким-то способом. И никто не может доказать чего-либо обратного...

Предположим, что Эрлихман допустил неточность. Пусть Никсона шантажировал не Хелмс, а кто-то из его подручных. Меняет ли это суть дела?

Из мемуаров бывшего директора ЦРУ Уильяма Колби мы узнаем, что, находясь в тюрьме, «лояльный питомец ЦРУ Джеймс Маккорд писал в ЦРУ письма, в которых он делал завуалированные намеки на то, что в Белом доме предпринимаются попытки приписать вину за «Уотергейт» нашему ведомству». Часть писем была обращена к Хелмсу. Наконец, в письме Маккорда, написанном одному из его бывших сослуживцев в ЦРУ, говорилось: «Если Хелмса уберут и уотергейтскую операцию припишут ЦРУ, к которому она не имеет отношения, упадут все до единого деревья в лесу. Это будет выжженная пустыня...»

Пастор «светского приятельства», почтенный паук «сети стариков» Маккорд как будто бы все еще верил, что ЦРУ непричастно к тем ожогам, которыми опалила его мина в офисе национального комитета демократов. Но в то же время от себя и своих собратьев Маккорд в одном из писем Хелмсу заверял его: «Даже если это будет означать для меня потерю свободы, я не выдам организацию, державшую меня 19 лет».

Соратник Маккорда Говард Хант тем временем выдвигал из тюрьмы два требования. Освобождение его до нового, 1973 года и выплата новых сумм денег на «адвокатские расходы». Он не довольствовался устными пожеланиями в беседах с Колсоном из тюрьмы по телефону. Хант написал Колсону письмо в Белый дом. В очень деловом, лаконичном стиле в обмен на молчание он просил тайных «пожертвований» для себя и других уотергейтцев, прощения на судах и «реабилитации». Это не угроза, заверял Хант, а всего лишь «напоминание, что лояльность всегда была улицей с двусторонним движением». Передатчиком письма и получателем тайных фондов Хант сделал своего адвоката Уильяма Биттмана, ставшего, таким образом, соучастником и свидетелем вымогательства. Некоторые результаты развернутой Хантом бурной деятельности вскрылись при драматических обстоятельствах.

Жена заключенного Дороти Хант в свое время также работала на ЦРУ. 8 декабря 1972 года она летела рейсом 553 авиакомпании Юнайтед Эйр Лайнс из Вашингтона в Омаху. Двухмоторному «Боингу» предстояло сделать промежуточную посадку в Чикаго, но он разбился в полутора милях от аэродрома. Погибло несколько десятков человек.

Под обломками «Боинга» было найдено дамское портмоне и в нем 100 ассигнаций по 100 долларов каждая. Уже одного этого было достаточно, чтобы родилась сенсация. В Америке, где даже за самые маленькие покупки принято расплачиваться чеками и не носить при себе сколько-нибудь значительные наличные деньги, кошелек с десятью тысячами долларов привлек всеобщее внимание. Установили, что его хозяйкой была миссис Хант. На одной из купюр были написаны чернилами слова: «Желаем удачи. ФС». Журналисты высказали предположение, что буквы ФС были инициалами Фрэнка Стэржиса.

Согласно некоторым сообщениям, писала английская газета «Гардиан», у Дороти Хант были не только десять тысяч долларов наличными, но и всевозможные аккредитивы на сумму свыше двух миллионов долларов. Миссис Хант путешествовала в обществе вашингтонской корреспондентки радиотелевизионной корпорации Си-би-эс Мишель Кларк. В трупах обеих женщин, а также пилота были найдены смертельные дозы цианистого калия. При расследовании катастрофы выяснилось, что приборы, которые могли бы прояснить вызвавшие ее причины, были на самолете неисправными; проколотыми оказались задние стенки двух альтиметров, дававших поэтому неточные показания высоты. И это еще не все. В момент приближения самолета к Чикаго отключилась по неизвестной причине контрольная электронная система посадок аэропорта, покрытого в тот момент туманом.

Загадочная смерть жены внесла, видимо, определенные коррективы в план действий Ханта, решившего поначалу любыми способами нажиться на возникшей ситуации. Ханта всегда одолевала страсть к деньгам и роскошной жизни, этим бредят все герои его романов. Но разве не принесли ему богатства десятки выпущенных им книг, спросит читатель. Нет. С точки зрения Ханта, чеки на одну-две тысячи долларов за рукопись, которые он получал, были мелочью. Книжный рынок Америки, заваленный макулатурой подобного свойства, не приносил ему потиражных. Но вот впервые наш писатель почувствовал, что у него есть шанс пробиться в список бестселлеров и получить сотни тысяч долларов или продать за столько же свое молчание.

У Ханта было несколько путей. Его память ломилась от секретов, накопленных за годы работы в Лэнгли. Если судить по намекам бывших сотрудников Белого дома, он не исключал возможности пустить в ход то, что составляло тайну тайн ЦРУ,— историю террористических покушений на политических лидеров. Хант считал, что знание это стоит миллионы долларов. Кое-что он мог бы порассказать и о «непричастности» ЦРУ к уотергейтскому делу. Но он боялся войти в конфликт с ЦРУ. Он, видимо, подозревал, что гибель его жены была не случайной. Какие-то уголовники, подсаженные к нему в камеру, несколько раз крепко пересчитали ему ребра. Поэтому более безопасным Хант счел шантаж Белого дома. Здесь у него руки были развязаны, ЦРУ ему не мешало, хотя оно могло легко поставить его на место. Хант действовал нахраписто именно потому, что чувствовал у себя за спиной мощную, пусть даже и молчаливую поддержку. Любопытную деталь сообщают самые большие знатоки уотергейтского дела, вашингтонские журналисты Карл Бернстайн и Роберт Вудворд, посвятившие всей этой истории две книги — «Вся президентская рать» и «Последние дни». Они подчеркивают, что еще тогда, когда Хант включался во «всю эту операцию», он решил, что он на ней хорошо заработает.

«Лично президент подвергался шантажу,— пишут Бернстайн и Вудворд в первой книге.— Хант назначал грабительские суммы. Это было вымогательство отвратительнейшего свойства. Стоимость кавер-ап перевалила за один миллион долларов. Все были в панике — Холдеман, Эрлихман, президент, Дин, Митчелл... Все они стояли перед проблемой денег и не могли доверять друг другу. Они начали доставать деньги на стороне, а также потрошить собственные сбережения. Митчелл не смог выплатить свою квоту, и его отпустили подобру-поздорову...»

До Пенсильвания-авеню доносятся новые, уже не джентльменские, угрозы «негодяя»: «Я взорву Белый дом и утоплю всех». Реакция на них Никсона: «Хант нас шантажирует, и нет признаков, что он когда-либо остановится в своем шантаже». После получения очередного угрожающего письма Никсон спрашивает у своей личной секретарши Розмари Вуд, сколько у них денег из остатков пожертвований в фонд партии. Сто тысяч долларов, следует ответ. Вечером 21 марта 1973 года 75 тысяч долларов из этих остатков вручаются Биттману, и вот они-то и становятся единственным реальным вещественным доказательством личного участия президента в кавер-ап, иначе говоря, участия в уголовном деянии, фигурировавшем затем в деле об импичменте президента. Но все это всплывет наружу позднее, а в тот момент Хант был доволен. Когда 11 января 1973 года он признал себя виновным на суде, то при выходе из зала заседания в ответ на вопросы корреспондентов он заявил, что «никакие высокопоставленные лица» в уотергейтском деле не замешаны.

По одним данным, Ханту и его подручным было выплачено около 500 тысяч долларов, по другим — несколько миллионов. Но хранить молчание, во всяком случае, полное молчание, как обещали поначалу, они не собирались. Судя по всему, 75 тысяч долларов, переданных вечером 21 марта, были последним «взносом» Белого дома. Судья Джон Сирика начал выносить условные приговоры по 35—40 лет, тут же обещая намного сократить сроки, если они заговорят. Арестованных начали склонять в сторону признаний юрисконсульты сенатской комиссии С. Эрвина, убеждая их, что только таким путем они получат скорую свободу.

Языки у них начали развязываться — по удивительному совпадению — после того, как Ричард Хелмс был утвержден послом в Иране и отбыл туда, а его преемник Джеймс Шлесинджер — по слухам из Лэнгли — пытался докопаться до корней участия ЦРУ в уотергейтском деле. Напрасно. Ведь, если помнит читатель, Хелмс уничтожил все документы и личные бумаги на этот счет.

Начало признаниям положил Маккорд. И словно по мановению волшебной палочки стали сбываться его же пророческие слова: в вашингтонском «лесу» начали «падать деревья». Весной и летом 1973 года по мере раскручивания уотергейтского дела из Белого дома увольнялись или добровольно уходили в отставку один за другим президентские помощники, советники, заместители помощников...

Продолжение следует.

РЫБАЦКАЯ ДЕРЕВНЯ

Юрий ЗАРАХОВИЧ
Фото И. ГАВРИЛОВА

— Хотите посмотреть «Литовскую Венецию»? — спрашивает хозяин.

— «Литовскую Венецию»?

— Есть у нас такая. Деревня Миния на одноименной реке. Рыбацкая деревня. Больше ста лет ей. Река вместо улицы. И вся жизнь на реке. Корову купили — по реке везут. Свадьбу играют — по реке плывут. Поплыли?

...Катер медленно скользит по воде. По обеим сторонам рекиулицы живописные дома с черепичными крышами. Сараи. Рыбные склады. Амбары. У каждого дома — моторка. Аистиные гнезда на крышах. Вот только... Только крыши многие поломаны, просели, дома через один добротные и ухоженные, а между ними — заброшенные, обветшалые. На одном яркой краской немецкая надпись.

— Фильм здесь снимали по Томасу Манну,— ловит мой недоуменный взгляд хозяин.— Я надеялся, хоть фильм поможет...

— ?

— Видите, какое дело... Деревня эта уникальная, потому и считается этнографическим музеем Министерства культуры Литовской ССР. Но... далеко от городов, толком ее никто не знает, не ездят сюда. Деревня ветшает, приходит в упадок. Заливает ее в половодье. А в конце ноября 1981 года случился, как вам известно, большой ураган. Это когда в море разбило танкер и Палангу нефтью залило. Паланга — она у всех на виду, ее восстановили быстро. Минии от того урагана тоже изрядно досталось, но... Опять «но». Ее не восстанавливают. А наша Миния заслуживает внимания. И еще какого! Вот привести бы ее в порядок, восстановить, дома отреставрировать, берега укрепить, наладить в деревне-музее нормальную жизнь... К сожалению, хозяйству одному это не по плечу. Нужна помощь. Квалифицированная.

А теперь позвольте представить хозяина. Альфонсас Пекарскас. Директор крупнейшего в Литве рыбхоза «Кинтай» имени Йонас Чюлады, что на берегу Куршского залива. Огромное хозяйство — почти десять тысяч гектаров, семь рек (в том числе и Неман), рыба, утиные фермы (600 тысяч уток, 12 тысяч центнеров утиного мяса в год), молоко (тринадцать тонн в день), мясо, хлеб, две фабрики по производству травяной муки (пять тысяч тонн за сезон). Все это хозяйство ведут семьсот человек, треть из которых механизаторы. А руководит ими Альфонсас Пекарскас. Не так давно руководит — около двух лет. И что же, в таком огромном хозяйстве нет дел поважнее, чем реставрация старой рыбацкой деревни?

— Давайте плясать от печки. Перед нашим хозяйством поставлены определенные задачи: увеличить производство мяса птицы, травяной муки, рыбы. И если мы хотим, чтобы у нас получалось то, что должно получаться,— нет дела важнее, чем привить людям любовь к своему краю. И взрослым и детям. Детям особенно. Избитая истина, но истина: в хозяйстве самое главное не техника, не земля и не фермы. Самое главное — люди. Земледельцы. Крестьяне. Чтобы они с земли не ушли, нужно, чтобы она их тянула, чтобы они гордились своей землей.

— Много выпускников остается в хозяйстве?

— В минувшем году в десятилетке выпуск был пятьдесят человек. Тридцать осталось у нас. Это — дневное отделение. Ну, а те двадцать пять, что на вечернем,— это уж, конечно, все наши. Поощряем ребят учиться дальше — в этом году даем двенадцать стипендий в техникум, шесть — в вузы.

— Хозяйству нужны специалисты?

— Естественно. Но мы специалистов не ищем, они нас ищут сами. Когда объявляем конкурс на замещение вакансий, откликаются многие, а мы выбираем. Но в основном хотим растить своих. Вот как наш секретарь комсомольской организации, один из моих заместителей, Римантас Дуда. Здесь родился, здесь учился, здесь начал работать. Потом снова учился с помощью хозяйства и до заместителя вырос. Это я все про то же — чтобы у людей был стимул работать на своей земле.

— Конноспортивную школу тоже создали как стимул?

— Конноспортивная школа — прямой практический расчет. Что такое сегодняшний крестьянин? Механизатор, человек техники. Днем управляет машиной, а ночью — ночью ему снится лошадь. При всей нашей современной технике лошадь все равно — прямая связь с землей. Запах солярки не перебьет теплого запаха лошади, трактору не сунешь в мягкие губы кусок сахара, который захватил из дома, или ломоть свежего хлеба, который дала тебе мама. Вот я и договорился с Вильнюсской школой верховой езды — открыли на базе рыбхоза ее филиал. Я, кстати, собираюсь собственную пекарню открыть. Смешно — хлеб в деревню возить из города. Как и другие продукты.

— Наша секция уже перешла в высшую лигу республики,— довольно говорит старший тренер Йозас Бардаускас.— Всего год работаем, а первого августа на «Неманском чемпионате» три кубка взяли. Но не это главное. Главное, что у нас пятьдесят парнишек занимаются, все школьники, от восьми до шестнадцати лет. Сами все делают: и в конюшне работают, и корма для коней заготавливают, и ипподром оборудовали. И привыкают к порядку. У нас строго — не курить, не ругаться. Всегда быть подтянутым. С лошадьми иначе нельзя. Вот и привыкают. И учиться обязательно хорошо. Если парень с восьми лет у нас занимается, к коню привык и все для него своими руками — как вы думаете, захочется ему потом отсюда уезжать? Я думаю, нет.

— А в хозяйстве при всей нашей богатой технике без лошади тоже нельзя,— замечает Пекарскас.— У нас сто двадцать рабочих лошадей. Вот и найдется, кому ими заняться, а то в иных хозяйствах коня только на картинке и видели.

— Но что же Миния?..

— Погодите, дойдем и до Минии. Раз уж начали от печки, давайте все по порядку. Мы стараемся, чтобы в первую очередь был хлеб. Наш хлеб — это и рыба, и утка, и мясо, и молоко, и пшеница, конечно, тоже. Справедливо говорится, что с песней и хлеба будет больше. В Продовольственной программе не зря так много сказано о развитии культурной жизни на селе, о повышении престижности труда в сельском хозяйстве. Не на острове живем — в огромной стране. Нельзя, чтобы наша молодежь себя чувствовала оторванной от того, что есть у ее сверстников в городе. Потому мы и стараемся, чтобы у нас постоянно были гости: приезжает театр из Клайпеды, часто дает концерты клайпедский филиал Литовской государственной консерватории, посещают нас творческие коллективы со всей республики. Места ведь чудесные, заповедные места. Куршская коса напротив, да и Кинтай природа не обидела. Тянутся сюда и художники и писатели, а мы этим пользуемся, просим у нас и выступать и выставки организовывать. У нас в Кинтае, если обратили внимание, старая кирха стоит... Хотим реконструировать. Была кирха — будет современный киноконцертный зал. Но... Но тут мы и возвращаемся к проблемам Минии. Я был бы неблагодарным, если бы не сказал спасибо всем тем, кто нам уже помог и помогает: и Министерству культуры Литовской ССР, Государственному художественному институту Литвы, и реставраторам из Клайпеды, которые у нас работают. Но... — в который уже раз «но»! — не хватает, видимо, их усилий. Работы по реставрации и реконструкции кирхи идут в последнее время очень медленно, а нам хотелось бы закончить их, как намечалось, к Первому мая. Для нас этот день имеет особый смысл — не только международный праздник, но и два своих: восемьдесят лет со дня рождения основателя рыбхоза Йонаса Чюлады, партизана и борца за Советскую власть, и двадцать пять лет созданного им хозяйства. Хотели бы встретить праздник в новом концертном зале.

О праздниках. Один из заместителей Пекарскаса сказал так: «Раньше руководители не очень праздники вспоминали. А людям праздника хочется. И приятно, когда на общем празднике твою работу вспомнят и при всех похвалят».

Наверное, потому и проводятся теперь в рыбхозе ежегодный День рыбака и День земледельца, на которых люди воочию видят результаты своего труда за праздничнно накрытыми, богатыми столами. На этих праздниках премируют передовиков, поют, танцуют и веселятся на берегу Куршского залива. А Восьмого марта—кулинарные выставки умелиц-хозяек, а весной — торжественный ритуал проводов на весенние работы.

Но что же Миния? Начали мы с нее, а как далеко ушли.

— Да нет. Не ушли. Наоборот. Подошли к главному. Красиво здесь, в Минии, да? Не то что красиво, просто дух захватывает. И как же мне обидно, что в деревне почти никого народу не осталось. В рыбацкой деревне! Было пятьдесят семей, осталось тринадцать. А ведь, повторяю, не просто деревня — деревня-памятник!

Коммунист Альфонсас Пекарскас — хозяин. Хозяин Пекарскас мыслит как государственный человек. А как может мыслить иначе человек его биографии и жизненного опыта? Старший из шестерых детей в крестьянской семье. Родился в первые дни войны.

— Война через нас началась, через нас кончилась. Я видел, как трудно отстраивалось после войны хозяйство, как трудно жили отец, наши соседи. Как держались за землю. Такие, как мой отец, понимали: спасение в совместной работе. Но времена стояли трудные. Я хотел найти свое место, хотел хоть как-то помочь семье. И работал. После семилетки поступил в сельхозтехникум. Учился, работал. В 1960 году стал агрономом колхоза. И продолжал учиться. В сельхозакадемии. Заочно. Потом — три года армии. Потом снова колхоз, снова заочная учеба. В 1966 году, мне еще двадцати пяти не было, стал председателем колхоза «Советская Литва». Кормов не было. Средств не было. Опыта тоже не было. Но работал. Продолжал учиться. И в академии, и в заочной аспирантуре, и у земли, и у людей. Стал кандидатом наук, но учиться продолжаю. У кого — как надо работать. У кого — как не надо. Тоже наука. Сейчас, как кандидата наук и опытного — теперь уже считаюсь опытным,— перевели в Кинтай, доверили большое хозяйство.

О себе государственный человек Пекарскас говорит скупо. О том, что колхозы, которыми руководил, стали миллионерами, не упоминает. Не сказал даже о том, что недавно ему присвоено звание «Заслуженный работник сельского хозяйства Литовской ССР».

— Общий труд. Люди работали.

О планах развития хозяйства в Кинтае тоже не очень многословен:

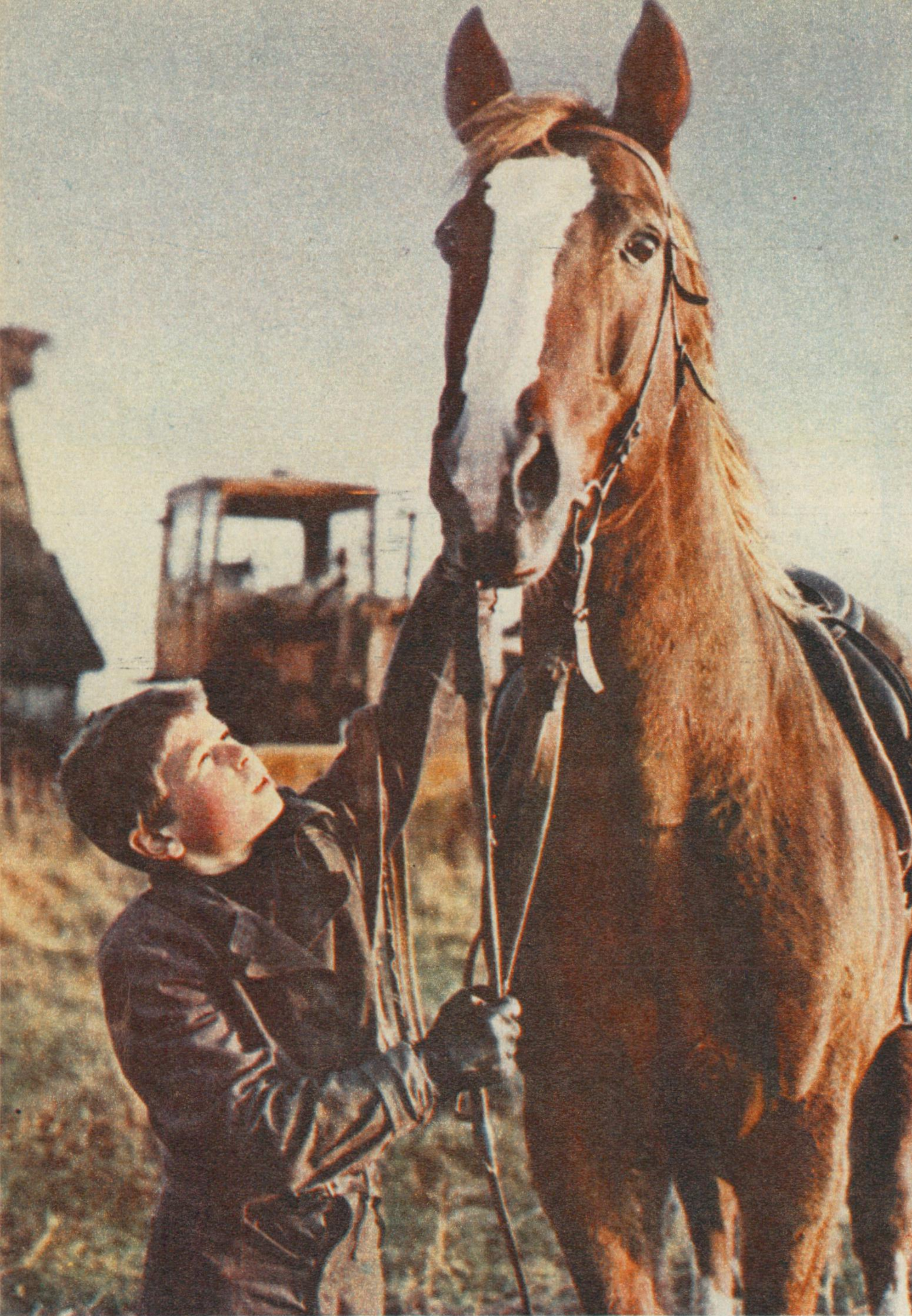
— Планы есть, будем стараться. Главное — люди. Для них мы скоро построим двадцать три отдельных дома, каждый непременно с приусадебным участком.

...Хорошо бы помочь директору Пекарскасу отстроить его Минию. Красивую деревню. Этнографический музей. Функциональный рыбацкий поселок.

Центральная усадьба рыбхоза «Кинтай» * Директор рыбхоза Альфонсас Пекарскас беседует с рыбаками * В этих прудах зимует рыба.

РАЗУМНОЕ, ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ

В предисловии к составленной им антологии человеческой мудрости «Круг чтения» Лев Толстой сказал, что цель его книги состоит в том, «чтобы, воспользовавшись великими, плодотворными мыслями разных писателей, дать большому числу читателей ежедневный круг чтения, возбуждающего лучшие мысли и чувства». Великий писатель настойчиво искал пути, по которым возможно донести до людей сокровища мысли, справедливо полагая, что знание повлечет за собой стремление к новому, еще более глубокому знанию и тем самым будет служить совершенствованию человека. Эту традицию продолжает новая книга Геннадия Гусева «Странствия Великой Мечты», вышедшая в издательстве «Молодая гвардия» и адресованная прежде всего молодым читателям. Этот дерзкий по замыслу труд потребовал от автора не только глубоких знаний, вкуса и выверенной идейной позиции, но и большого такта. Действительно, нужна была немалая смелость, чтобы только решиться отобрать из гигантского океана человеческой культуры, заключенного в литературных произведениях, несущих мысль о совершенном общественном строе и гармоническом человеке, наиболее характерные, глубокие и интересные фрагменты, способные раскрыть перед современным читателем их основную идею. И, конечно, надо обладать незаурядной эрудицией для компетентного создания такой книги. Обращаясь к наследию прошлого, опираясь на произведения титанов, Г. Гусев прослеживает сложнейшие аспекты развития «Великой Мечты» о справедливом, разумном, свободном и счастливом жизнеустройстве — и о Человеке, гармонически сочетающем в себе духовную мощь, нравственную красоту и физическое совершенство.

«Путь Великой Мечты,— пишет автор,— это бесконечная цепь поисков, иллюзий, разочарований, новых и новых попыток прорвать завесу времени, угадать грядущее. Битва за будущее бушует на земле с той самой поры, как впервые затеплился в людских сердцах робкий огонек надежды на иную, более светлую жизнь. Осколки всевозможных утопий рассеяны во всех областях человеческой культуры — в истории, философии, политических учениях, искусстве». Автор обращается к минувшему с думой о будущем, его идея лежит в русле концепции, по которой движение к будущему невозможно без знания всей предшествующей исторической цепи, без усвоения, как сказал Маркс, «всего богатства достигнутого развития». Глобальность поставленной задачи оправдана также и тем, что хотя, конечно, всякое великое литературное и философское произведение прошлого объективно оказывает влияние на духовную жизнь последующих поколений, но, увы, наши знания часто так обрывочны, неполны и несистематичны («мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь...») Сведенные воедино, даже в отрывках, произведения великих детей земли—от глубокой древности до дней сравнительно недавних — несут свет знания и раздвигают культурный горизонт широкого читателя.

Но не только этим интересна книга Гусева. Каждой главе антологии, которую составляют «источники, фрагменты и стихи», предпослано сжатое предисловие-исследование автора, обобщающее тот или иной период развития человеческой мысли. Такая статья — небольшой трактат, тем более важный, что соединяет в себе научную мысль и публицистическую идею. Этот своеобразный, насыщенный информацией комментарий написан автором, безусловно, владеющим непростым искусством слияния научной прозы со словом публициста. Именно это дает ему возможность на сравнительно малой площади рассказать многое и о «Детстве человечества», и о прекрасной эпохе Возрождения, и о времени огненных бунтов позднего средневековья, и о веке Просвещения, и об эпохе декабристов, и о рубеже XIX и XX веков, когда, как пишет Гусев, «взмыл над Россией яростный и светлый, исполненный гнева и веры клич: «Пусть сильнее грянет буря!..»

Так, в сочетании фрагментов первоисточников и точно выверенного, емкого авторского слова, достигается одна из основных целей этой книги — дать читателю основы знаний о безмерных пластах культурного развития человечества, во многом определивших историю и духовную жизнь людей на протяжении веков, и тем самым способствовать самопознанию как одному из факторов интеллектуальной и нравственной эволюции. Значительно расширяя «школьные» представления о литературной и философской мысли прошлого, это издание представляет собой примечательную попытку краткого систематического изложения вершины гуманистической мысли многих народов мира.

Когда-то было сказано, что «Человеческая мудрость вовсе не заключается в количестве знаний. Есть бесчисленное множество вещей, которых мы не можем знать. Не в том мудрость, чтобы знать как можно больше. Мудрость человеческая — в знании того порядка, в котором полезно знать вещи; мудрость состоит в знании того, какие из знаний более и какие менее важны». Если эту мысль применить к книге Гусева, то мы убедимся в логичности ее состава. Безусловно, автор не претендовал на полное представление прошлого человеческой мысли, но он почти исчерпывающе точен в нанесении штрихов, олицетворяющих бытие в веках человеческого духа. И это золотые штрихи. Достаточно лишь назвать некоторые имена и произведения, с которыми знакомится читатель этой необычной книги: К. Маркс и Ф. Энгельс, В. Ленин и А. Герцен, Иосиф Флавий, «Библия», «Слово о полку Игореве», «Задонщина», Боккаччо, Микеланджело, Фирдоуси, Кампанелла, Мор, Вольтер, Руссо, Шиллер, Китс, Шелли, Рылеев, Радищев, Некрасов, Толстой, Достоевский, Горький... Каждый из этих трудов, каждый из этих мыслителей, философов, писателей сам по себе — целый мир, и, чтобы понять, познать этот мир, порой не хватает человеческой жизни. Книга же Гусева дает верный ориентир для путешествия по безбрежному океану мировой художественной и философской литературы, по дорогам истории — в этом ее значение и несомненная актуальность.

И начинает автор от истоков, справедливо полагая, что восхождение по ступеням знания лишь тогда плодотворно, когда верно сделан первый шаг. «Впереди,— пишет Гусев,— горные вершины человеческого духа, впереди величавые реки разума. Но не будем ни на минуту забывать, с чего начинаются реки, на чем покоятся горы. Согласимся, читатель, с безвестным автором бессмертной «Махабхараты»:

«Как масло жирнее всей пищи молочной,
Как море сильнее всей влаги проточной...
Так слово предания — лучшее слово,
Источник познания, правды основа».

Уважение к преданию, твердое убеждение в его значении для развития общества и осознание его как корневой питающей системы дают право автору обратиться к поэзии Древнего Египта и шумерскому эпосу, поэзии Древнего Китая и Древней Индии, «Махабхарате» и «русским былинам», к библейской «Песни песней» и т. д.

Здесь крайне существенна методологическая концепция, лежащая в основе книги «Странствия Великой Мечты». Опираясь на марксистско-ленинское учение об отношении к культурному наследию, Г. Гусев формулирует свой принцип: «Намерения тех, кто создавал Идеал будущего, были чисты и благородны. Не вина их, а беда, что иными из этих намерений была вымощена дорога не в рай, а в ад собственничества и угнетения... Разумеется, коммунизм предполагает отрицание, преодоление всех односторонних, искаженных, неполных, утопически несбыточных форм гуманизма. Но это отрицание особого рода, отрицание диалектическое». Ленин писал: «Не голое отрицание, не зряшное отрицание, не скептическое отрицание... характерно и существенно в диалектике,— которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент,— нет, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного...» Эта крайне важная мысль логически развивается в другом, принципиально важном высказывании Ленина, которое мы порой забываем: «Исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками». Следование этим принципам дало возможность Г. Гусеву создать живую глубокую книгу о духовном развитии общества. В книге широко использованы труды Маркса, Энгельса, Ленина — ими открывается публикация материалов каждой главы. И в этом видится не только точный композиционный прием, объединяющий весь материал, но и стремление дать читателям представление о марксистско-ленинской оценке того или иного периода духовной истории человечества.

Каждый, кто внимательно прочтет книгу Гусева, найдет в ней идеи, ему созвучные, или те, с которыми может не согласиться. Безусловно, многое оказалось вне книги. Объять необъятное действительно невозможно, и поэтому за пределами работы остался немалый ряд мыслителей, писателей, ученых, чьи идеи органично вписались бы в это путешествие по многотрудным путям странствий действительно Великой Мечты.

Разумное, доброе, объединенное под обложкой тщательно подготовленной, интересно оформленной (художник Юрий Иванов) и хорошо изданной книги Г. Гусева,— вечно. И молодые читатели, погрузившись в мир бессмертных идей великих художников и мыслителей, сами сделают первый шаг на пути к Великой Мечте.

В. ЕНИШЕРЛОВ

Геннадий Гусев. Странствия великой мечты. М., «Молодая гвардия», 1982, 432 с.

Юный наездник из конноспортивной школы Гудовас Егидиус * В солнечный день * На утиной ферме.

«Человек с ружьем» Н. Погодина. В роли В. И. Ленина Борис Щукин, Шадрин — И. Толчанов.

«На всякого мудреца довольно простоты». Мамаева — Л. Максакова, Глумов — Ю. Яковлев.

«Фома Гордеев» А. М. Горького. Инсценировка Р. Симонова. В роли Фомы Г. Абрикосов; Яков Маякин — И. Толчанов.

ТЕАТР, РОЖДЕНН

Р. Н. и Е. Р. Симоновы.

«Живой труп» Л. Н. Толстого. В роли Протасова Н. Гриценко.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Е. Б. ВАХТАНГОВА

БУДЕМ БОГАТЫ ЗАМЫСЛАМИ

К богатству замыслов, к щедрости мечтаний, фантазии, к непрестанной отдаче себя сцене призывал питомцев своей студии Вахтангов, продолжая теоретически и практически развивать учение Станиславского о театре, вносить новое в систему.

— Творческое самочувствие приходит к актеру прежде всего на основе призвания, в силу призвания,— утверждал Вахтангов.— Приходит от гордого сознания: я художник! От смелости. «От того, что я мастер театра, профессионал, а не случайный любитель или родственник тетки моей тещи, протащивших меня всеми правдами и неправдами на сцену. От того, что мне на сцене всегда легко, весело, радостно. От того, что я люблю зрителя...»

Как же актуальны, как впрямую обращены к театрам, к педагогам и студентам театральных вузов эти вещие слова сегодня!

Будучи последователем Станиславского, Вахтангов утверждал, что зритель идет в театр смотреть «жизнь человеческого духа», что театр — это то, что «вынашиваешь, выращиваешь в себе годами; то, что является мечтой всей жизни». Отсюда — непрерывный труд над самим собой! Непрерывное самосовершенствование... «Вы совсем мало читаете,— упрекал Евгений Богратионович своих учеников,— мало слушаете музыку, плохо разбираетесь в картинах, гравюрах, эскизах. Это непростительно...— сокрушался Вахтангов.— Подумаешь, какое достижение — Рубену (Симонову.— Ред.) нравятся стихи Маяковского! А кому они не нравятся! А «В лесах» и «На горах» Мельникова-Печерского изволили читать! А «Фауста» Гете вы помните, дорогие... А мысли Фауста о жажде вечной жизни, о вечной молодости, помните!..»

Обширнейшей была программа непрестанного, на всю жизнь, труда художника над самим собой. Труда, продолжившего учение Станиславского. Прославившего создание Станиславского и Немировича-Данченко. Труда, породившего Театр для народа, исполненный мысли и поэзии.

Сама система находила дальнейшее развитие и в уроках Вахтангова и в спектаклях Вахтангова.

В исканиях послереволюционного театра гений Вахтангова сыграл «совершенно исключительную роль», отмечал в 1928 году, уже после смерти Евгения Богратионовича, А. В. Луначарский. Послереволюционные театры всей страны были увлечены богатством, щедростью вахтанговских замыслов.

И, однако, смелость, свобода, раскованность актерской игры, наслаждение театром — они сами по себе никогда не были конечной целью исканий Вахтангова. Художник, творец новой сцены, поэт театра, он неизменно ставил во главу угла проблемы самой жизни народа, проблемы высочайшей нравственной значимости... Именно таким завещал Вахтангов свой театр одному из любимых учеников и последователей, Рубену Симонову...

Таким, существующим в дальнейших поисках, передал Р. Н. Симонов вахтанговскую сцену нынешнему его художественному руководителю — Евгению Рубеновичу Симонову...

Евгений Богратионович Вахтангов.

ЫЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ

Евг. СИМОНОВ,
народный артист СССР,
главный режиссер
Государственного
академического театра
имени Евг. Вахтангова

С чего зарождается режиссер? Мне думается, от большой любви к театру.

Е. Вахтангов

Эти слова, сказанные Евгением Богратионовичем, записаны одним из его учеников и последователей, Н. М. Горчаковым. И ведь так оно и есть. Действительно, нужны не только смелость и решимость, не только преданность великому делу театра, но еще нужна любовь, нужны годы для того, чтобы возросло, оформилось, воплотилось в неслучайную, осознанную сценическую программу твое существование в театре, твое служение театру.

Столетний юбилей Вахтангова заставил нас не только пристрастно пересмотреть всю нашу деятельность — и прошлую и нынешнюю, но еще и задуматься о будущем вахтанговской сцены. Мы все как-то особенно резко ощутили значимость пророческого предвидения Вахтангова, что без отчетливой нравственной, идейной программы, устремленной к будущему, нельзя, просто невозможно говорить о настоящем. И уж тем более нельзя сводить все бесценное значение вахтанговского наследия только к легендарной «Принцессе Турандот».

Вахтангов столь же беспределен в своей творческой программе, оставленной им театрам мира, как и Станиславский. И, конечно, его блистательный предсмертный спектакль «Принцесса Турандот», феерически осуществленный по сказке Гоцци,— это всего лишь одна из множества граней огромного, чистого и светлого вахтанговского дарования. Как бы ни был прекрасен этот взлет мечты, шутки, улыбки, удивительно сплавленных с реальностью, он отнюдь не исчерпывает всей сокровищницы Вахтангова, всего того, что Вахтанговым было накоплено и выращено в себе упорным трудом, учебой у Станиславского, годами раздумий о театре.

Он и сам знал это!.. Предчувствуя ранний уход из жизни, торопясь осуществить замысел «Турандот», он поднимался над сказкой к огромному чуду искусства — превращению человека в артиста на глазах у зрителя.

«Я хочу, — говорил он, — чтобы через «Турандот» наш новый зритель узнал вас — свою новую труппу, своих новых, молодых актеров, рождение которых совершилось в буре революции».

Вот с этих позиций прежде всего нам важны и замысел и осуществление «Турандот»... Вахтангов, будто заглядывая в нынешний день, говорил: **сегодня вы, артисты, выступаете на сцене, а завтра вам продемонстрируют свое искусство рабочие фабрик и заводов.** И это — точнейше угаданная, воочию увиденная действительность всех театров нашей страны сегодня. Действительность всего в целом искусства, вплотную связанного с жизнью людей труда, с их небывалым творческим взлетом: с тем, что именуется художественной самодеятельностью.

Вахтангов, как и Станиславский, был провидцем будущего. Был именно потому, что принял революцию всем существом творца. Отсюда его творческая программа, его генеральная линия, его манифест: «С художника спросится!»

Я бы позволил себе изобразить последовательное осуществление этого манифеста, этой программы, оставленной Вахтанговым театру, как симфонию... Да, да... Основной мотив, ведущее ее звучание принадлежит именно Революции — открыто революционной теме, утверждению душевной силы и красоты революционного народа России. Здесь мы с благодарностью должны назвать имя Алексея Дмитриевича Попова, чьи заветы еще далеко не достаточно

Е. Б. Вахтангов и К. С. Станиславский.

разработаны театроведением. Возникновение «Виринеи» и «Разлома» тем не менее уже прозвучало своеобразным утверждением вахтанговского манифеста, призывом к действию... А. Д. Попов и Р. Н. Симонов жили в одном доме; они часто встречались, и я помню, что мой отец всегда с величайшим уважением и пониманием относился к тому, что делал Алексей Дмитриевич.

И совершенно органичным было, что и Симонов и Щукин так непринужденно, заинтересованно подхватили эту линию; они принялись развивать ее последовательно и убежденно.

Герои войны, революции, люди советской деревни пришли на вахтанговскую сцену, как в свой родной дом. И какую же радость, какое признание зрителя вызвали их образы: «Интервенция», «Человек с ружьем», «Фронт», «Конармия» — вот вершинные точки этой линии. Думается, театру сегодня удалось продолжить ее «Мистерией-Буфф» Маяковского.

Пушкин говорил, что суть драмы — сокровенная ее суть — это судьба человеческая, в которой отражена судьба народная.

Тут Вахтангов отчетливо видел свою, несомненно, революционную эстетику. Видел и пути ее сценического осуществления... Годы и годы — пусть недолгие — он блистательно утверждал этот творческий принцип. И требовал от своих учеников конкретного понимания этого принципа и высокого, одушевленного его воплощения...

Теперь о психологизме. Это еще одна важнейшая тема вахтанговской симфонии... Внутренняя нацеленность, духовность вахтанговской сцены, вахтанговское понимание задач современного театра. Они опять-таки унаследованы Евгением Богратионовичем от Станиславского и переданы ученикам в развитом, обобщенном понимании.

Бесценными психологическими разработками самого Вахтангова были его спектакли «Потоп», «Эрик XIV», где Вахтангов, помимо обнажения тончайших душевных движений героев, главной целью своей ставил обличение нравственного убожества власть имущих. Ведущей идеей этих постановок было, как требовал Евгений Богратионович, «клеймить буржуа».

Сегодня, продумывая прошлое и настоящее вахтанговского театра, я пришел к выводу, что Вахтангов не просто брал к постановке ту или иную пьесу, а заранее подбирал ее. Он сознательно четко формировал репертуар, который позволил бы ему выразить крупно и ярко свое отношение к жизни, свой взгляд на окружающий мир. Он стремился к обличению зла в этих пьесах. К отрицанию неприемлемых для нас норм жизни и всех «идеалов» отжившего, старого мира...

Глубочайший психологизм театра выразился в постановке «Егора Булычова», осуществленной Борисом Захавой с Щукиным в главной роли. Но ведь и вершинное создание вахтанговцев — «Человек с ружьем» — столь же было психологично, сколь и революционно. Тут одно от другого совершенно неотделимо...

Театру удалось заново прочитать, психологически глубоко, как раз так, как хотелось, чеховскую пьесу «Леший», удивительно сыгранную Юрием Яковлевым... Поистине великолепен был в «Живом трупе» покойный Гриценко — артист удивительный, настоящий вахтанговский; да разве только в этом спектакле он покорял зрителей своими образами!..

Театр вырастил под многолетним руководством Р. Н. Симонова, вахтанговца убежденнейшего, страстно утверждавшего вахтанговские сценические идеалы, многих замечательных артистов. Мансурова, Алексеева, Орочко, Русинова, Борисова, Максакова, Толчанов, Плотников, Гриценко, А. Абрикосов, Яковлев, Тимофеев, Кацинский... Мастера нашей сцены владеют и отточенной, выразительной, всегда разносторонней сценической формой воплощения образа и умением насытить образ глубоким внутренним содержанием, правдой душевной жизни...

Разумеется, вызвать эту жизнь к действию, дать ее почувствовать, пережить зрителю было и остается главной задачей режиссера.

Вахтангов говорил по этому поводу:

«Если режиссер не знает, не любит, не уважает своего зрителя, работает не для него, а для себя, для удовлетворения своего честолюбия, театра у него не будет. «Театрик» какой-нибудь будет. А Театра с большой буквы — никогда»...

Теперь мне хочется сказать о том, что Вахтангов был певцом и поэтом именно русского, прежде всего русского, театра. Вахтангов настойчиво и влюбленно говорил, например, что «русская песня — это душа народа. Она тоскует, ободряет, укоряет, возвышает тех, кто ее любит и ценит. Как знали, как глубоко чувствовали и понимали наши лучшие писатели песню, какое большое место уделяли ей в своем творчестве! Ни один не прошел мимо: Пушкин, Гоголь, Некрасов, Тургенев, Кольцов, Майков, Островский... Поставить бы когда-нибудь «Бедность не порок».

И театр ставил потом Островского, осуществляя вахтанговский завет блестящими актерскими работами.

Призыв Вахтангова к разносторонности, к умению вдохновенно ставить и играть как трагедию, так и водевиль был и остается творческим принципом театра.

Неверно разделять вахтанговский театр на «поэзию» и «прозу»!.. Живая романтика вахтанговского театра всегда чувствовалась не только в стихотворных драмах, но, к примеру, и в таком, казалось, «бытовом» спектакле, как «Егор Булычов» с Щукиным в заглавной роли.

Борис Васильевич Щукин был артистом поистине высочайшего духовного полета. И противопоставлять его, щукинское, отношение к театру, к Рубену Симонову в корне неверно! Они встречались ежевечерне и дружно делали одно общее дело своей жизни...

Я вспоминаю время войны, проведенное театром имени Вахтангова в Омске, в эвакуации, где я смотрел с жадностью юности все до одной репетиции Рубена Николаевича Симонова, когда он готовил заглавную роль в ростановской пьесе «Сирано де Бержерак»...

В те исторические дни, когда наша армия, разгромив немцев под Москвой, начала свое победное наступление, Н. Охлопков, постановщик спектакля, и Р. Симонов не случайно трактовали образ Сирано не только как образ поэта, влюбленного в прекрасную Роксану... Они видели в нем воина, рыцаря, отстаивавшего независимость свободолюбивой Франции... И, как ни покажется странно, легендарный Олеко Дундич, герой гражданской войны, ощутимо перекликался по-своему с образом Сирано... Государственная премия, полученная Рубеном Николаевичем за обе эти роли, подтверждала их актуальность, их необходимость для зрителя, их высочайшую агитационную силу.

И вот еще одна важнейшая тема... Тема поэтического, вдохновенного театра. Ярко и сильно, в контрасте выраженные постановки Р. Н. Симонова, как, например, суровый и грозный «Фронт», как изящная, нежная и грациозная «Мадемуазель Нитуш», как реальный и убедительный в своей жизненной силе «Фома Гордеев», как «Стряпуха» и «Стряпуха замужем», брызжущие светлым, народным юмором... Или, например, такие работы театра, как «Маленькие трагедии Пушкина» и «Горя бояться — счастья не видать» Маршака...

«Мистерия-Буфф» Маяковского.

Пушкин и Гете, Шекспир и Шиллер, Маяковский и Блок нами унаследованы от Вахтангова не приблизительно, а впрямую... Вахтангов еще в 1913 году обращался к Блоку с предложением поставить его сочинение. Сейчас мы осуществили спектакль «Роза и крест», где с увлечением играет сложную пьесу самое молодое поколение театра, передавая сложнейшие звучания жизни: радость и страдание, любовь и ревность, вера и предательство. Тончайшая блоковская поэзия оказалась доступна молодым, и вся романтика Блока предстала не обкраденной...

Романтика... Без нее вахтангов-

ского театра нет! И когда Захава ставил «Егора Булычова», самое, пожалуй, прекрасное было в том, что ни Рубен Симонов, ни Борис Щукин не «споткнулись» на различном якобы отношении к Горькому. Особая, революционная романтика Горького была открыта во всей своей силе. И творческое содружество мастеров театра, их сценическое товарищество подтвердили высокую силу всего коллектива как союза единомышленников.

Коллектив — вот что Вахтангов всегда ставил во главу угла! Без союза друзей, без коллектива единомышленников театра нет. Есть «служащие» в театре люди.

Театр — это союз мастеров, живое единство художников. В этом его сила.

Артист театра имени Вахтангова Л. Шихматов в своей книге «От студии к театру» приводит такие слова Учителя: «чтобы ответить на вопрос, что такое театр, нужно перечислить его элементы. Первый из них — коллектив. Один гениальный актер — не театр, это монстр...».

И далее говорит Вахтангов, что предпочитать «одного хорошего актера хорошему театру — значит отрицать сущность театра, так как это понятие включает в себя **понятие коллектива».**

Вахтангов говорил своим ученикам: «Сколько бы вас ни было в режиссерской группе... сколько бы вас ни было, повторяю, вы составляете группу — коллектив с общей ответственностью за каждого...» Он строго и настойчиво требовал непременной скромности каждого в театре. «...У нас теперь так повелось: если режиссер, то уже и гений!» А театру, считал Вахтангов, нужны «нормальные, рабочие», а «никак не гениальные» режиссеры.

И опять — какое же тут содержится актуальное требование! Как насущно важно оно сегодня!..

Театру всегда предстоит разгадывать сложнейшие, а главное, насущнейшие загадки жизни. И тут рядом с классикой во весь рост встают такие простые, кажется, вещи, как жизнь «простых» людей сегодня. Тружеников города и села, отдающих себя своему делу.

Пример тому «Тринадцатый председатель», прекрасно сыгранный В. Лановым и показавший свою гражданскую актуальность, свою необходимость, пожалуй, не менее убедительно, чем вчера.

Действительно, Театр выращиваешь в себе годами.

И только так, просматривая годы и годы жизни театра, видишь отчетливо все ту же неумолимую истину. Годы и годы нужны для постижения самых заветных истин театра. Для того, чтобы театр вырос и вокруг тебя и в тебе самом...

Шестьдесят лет последователи Вахтангова строили вахтанговский театр. И грехом перед Вахтанговым, перед его театром, перед его наследием было бы противопоставлять «стариков» молодежи — умалять значение молодежи, вышедшей на сцену сегодня.

Общий труд артистов, художников всех поколений — об этом Вахтангов говорил неустанно. Это было заложено в основу работы Р. Н. Симонова...

И эту традицию театра мы будем беречь всегда.

БРАТСТВО

В связи с 80-летием со дня рождения ученого-востоковеда Юрия Николаевича Рериха в Москве по приглашению Министерства культуры СССР гостили Святослав Николаевич Рерих и его жена г-жа Девика Рани-Рерих. Они посетили выставку «Произведения искусства Востока из коллекции Юрия Рериха» в Государственном музее искусства народов Востока, в которую вошли экспонаты музея, Государственного Эрмитажа и кабинета имени профессора Ю. Н. Рериха Института востоковедения АН СССР.

В беседах с москвичами и гостями столицы Святослав Николаевич ответил на многочисленные вопросы, поделился своими планами возобновления работы Гималайского научно-исследовательского института «Урусвати» («Свет утренней звезды»), основанного в Индии семьей Рерихов, бессменным директором которого являлся Ю. Н. Рерих.

Мы предлагаем вниманию читателей «Огонька» запись беседы со Святославом Николаевичем Рерихом.

— Расскажите, пожалуйста, о научном институте «Урусвати».

— В Гималайском научно-исследовательском институте будут изучаться местные системы медицины. Долина Кулу расположена на стыке нескольких медицинских направлений — аюрведа с юга, китайского с востока, тибетского с северо-востока, с запада — те системы, которые были в Кашмире. Так что мы хотим сосредоточиться на их изучении, у нас там большая фармакологическая коллекция. С древних времен наше Кулу славилось травами, которые вывозили из этой долины. Так, в седьмом веке китайский путешественник, описывая Кулу, говорил, что оно славится своими лекарственными травами. Много было тех, кто приходил в Индию искать новое в области медицины.

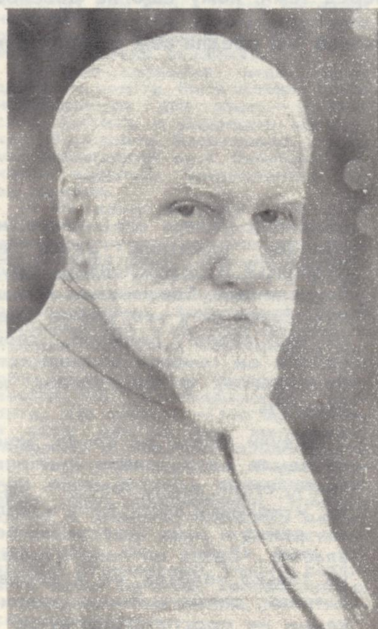
— Что собой представляет долина Кулу?

— Мы живем в долине Кулу. Это древнейшее место известно уже более двух тысяч лет. Следы древней ведической культуры можно найти там повсюду, а исторически место это указано на монете, которая дошла до нас — первый век до н. э. и I—II вв. нашей эры. Когда-то это было большое государство, Кулута, объединявшее несколько долин. От двадцати древних буддийских центров теперь, конечно, ничего уже не осталось.

Долина Кулу расположена в 130 милях от Симлы на север. Долина эта очень богата, там никогда не было голода, в год получают по три урожая. Сейчас в Кулу выращивают главным образом всевозможные европейские фрукты. Здесь богатейшая растительность — от субтропиков до тропиков и все зоны имеют свои ботанические пояса. Много прекрасных птиц, бабочек. Так что мир очень богат и интересен. Может быть, когда-нибудь вы приедете в Кулу и сами убедитесь в этом.

— Индия и Советский Союз давно живут по законам братства и взаимопонимания. В этой связи расскажите, пожалуйста, о ваших встречах с Джавахарлалом Неру.

— Вся наша семья всегда мечтала о том, как лучше сблизить русский народ и Индию. Это были мысли, которыми мы все жили и которые мы хотели видеть осуществленными как можно скорее. Помню, как мы впервые встретились с Джавахарлалом Неру. Он тогда только что вышел из тюрьмы и жил в Бомбее у сестры. Мы сидели вместе и беседовали, я сказал ему о заветной мечте Николая Константиновича сблизить наши народы. Помню, с каким интересом Джавахарлал Неру слушал об этом и сказал: «Но как это провести в жизнь, как это осуществить?» И тогда родилась мысль,

С. Н. Рерих.

что перебросить мост между Советским Союзом и Индией можно сначала по культурным линиям; условия тогда были еще совсем другие. Это был 1942 год. Я попросил его приехать к нам в Кулу, чтобы они могли побеседовать с Николаем Константиновичем, ну и я хотел еще воспользоваться этим случаем и написать его портрет. Вскоре была сессия индийского Конгресса в Аллахабаде, я остановился у Неру, и мы каждый день обсуждали все эти интересные вопросы. Мы решили ехать в Кулу в мае месяце. Договорились встретиться с Джавахарлалом Неру в Лахоре и оттуда ехать в Кулу. Он приехал в Лахор с дочкой, с сопровождавшим его секретарем и еще одним другом семьи. Это было его первое путешествие в наши горы, никогда раньше он не бывал в этом районе. И вот мы ехали вместе, и на всех перекрестках нас встречали толпы людей, которые хотели побеседовать с Джавахарлалом Неру. Время было тревожное, и мы очень медленно двигались по дороге. На ночь остановились в маленьком княжестве, где была беседа с местными литераторами, а на следующий день приехали в Кулу.

Неру провел у нас дней двенадцать, мы ездили с ним по долине, она ему очень понравилась, и он ее полюбил. Каждый день он беседовал с Николаем Константиновичем, Еленой Ивановной, Юрием Николаевичем, а я писал его портреты и написал два или три портрета. Он очень хорошо мне позировал — ведь для большого настоящего портрета ему приходилось стоять, и мы с ним, конечно, подружились, это были, так сказать, основы наших контактов. Николай Константинович обсуждал с Неру планы, как на культурных основаниях перебросить мост между нашими странами. Самыми лучшими были культурные связи, и мы видим: в жизни они и остаются самыми надежными.

Как вы знаете, Джавахарлал Неру был исключительным человеком — он был, с одной стороны, большим писателем и поэтом, и с другой стороны — политическим деятелем. Он любил свою работу, любил народ, контакты с народом.

Неру был бесстрашный человек, он абсолютно ничего не боялся и в самые трудные моменты никогда не терял равновесия и всегда стремился сделать что-то особенное, необычное — то, что нужно было именно для этого момента.

Джавахарлал Неру много лет, вплоть до самой своей кончины, оставался нашим близким другом. Перед самой его смертью мы послали ему черешни и вишни, которые растут у нас, и, как мне передали, открыв глаза, он сказал: «Мне кажется, они лучше даже кашмирских».

Я счастлив, что судьба свела меня с таким замечательным человеком, как Джавахарлал Неру. Уважение и восхищение древней культурой Индии, ее народом, которые отличали нашу семью, тоже находили отклик в сердце великого сына Индии. Глубоко интересовался он дружескими связями своей страны и России, Советского Союза.

Николай Константинович и Елена Ивановна были живым мостом между Россией и Индией, в них сочетались великий патриотизм и любовь к Родине с любовью к замечательной древней стране — Индии.

Записала Т. КАЛУГИНА.

ИСТОЧНИК СИЛ ДУШЕВНЫХ

Исполняется 80 лет со дня рождения Семена Степановича Гейченко — директора всемирно известного Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина.

80 лет — время отдыха, воспоминаний... У Гейченко все не так. Два года назад из Москвы в Михайловское, в музей, ехал опытный врач. Многие беспокоились за старого директора, просили доктора: «Присмотритесь, обследуйте незаметно, как он там».

Врач выполнил поручение. Вернувшись, объявил: «Не беспокойтесь! Семен Степанович «запрограммирован» на 150 лет активной молодой жизни. Он знает великий секрет счастья и молодости». Беспрерывное служение любимому делу, вдохновенный труд — вот формула вечной молодости, вот «секрет Гейченко».

Скоро уже сорок лет живет и трудится во славу Пушкина, во славу Солнца Русской Поэзии этот человек вместе со своими друзьями-соратниками-помощниками. Это они подняли из пепелища после фашистского нашествия наши святыни — Михайловское, Тригорское, Петровское, Святогорский монастырь. Это они неустанно служат одному из величайших культурных центров нашей Родины.

Сколько нас — друзей С. С. Гейченко! Ведь каждый, кто побывает в Михайловском, становится другом этого замечательного человека. Бывает же в музее-заповеднике чуть ли не по миллиону человек в год! А ведь Семен Степанович еще и очень интересно пишет о Пушкине и пушкинских местах. Его книги, статьи и исследования талантливо открывают мир пушкинских мест перед теми, кому еще не довелось бывать в Пушкинских Горах.

Одну из новых новелл С. С. Гейченко мы предлагаем сегодня вниманию читателей.

С природой одною он жизнью дышал,
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье.

Е. Баратынский

Михайловское! Пушкинский заповедник!

Никто и никогда не сможет объяснить, что это такое. Оно как книга «за семью печатями», книга, которую люди читают, читают, читают... но никогда не дочитают до конца. Оно как сказка, которую люди рассказывают из века в век и никогда не перестанут сказывать, оно как солнце, которое никогда не померкнет, оно как «русский дух» — бессмертный, неизмеримый, неописуемый.

Здесь есть свои леса, пустыни, горы, воды, реки, небо, звезды. Здесь явился миру поэт поэтов, поэт всех времен и народов — Пушкин. Михайловское было для него «Вифлеемом». Здесь он вторично родился, и не просто как все люди, а как пророк, как великий благовест человечеству. Здесь явилось ему все, что может явиться человеку. Михайловское было для него тюрьмой и храмом, избой и дворцом, лазаретом и театром. «Здесь его святое провиденье осенило», к нему явились чудеса, и сам он научился творить чудо. Здесь его могила, некрополь, памятник. Здесь его проклятье и благословение, дружба, заповеди, блаженства, завещания. Здесь есть все, кроме смерти. Ибо своею смертью, своим прахом он «смерть попрал», стал безграничен и бесконечен, как вечность.

Живучи здесь, он понял, зачем на земле люди, звери, растения, книги, огонь, вода, телеги и кареты, мундиры и лапти, бичи и железы, война и мир, власть и безвластие... Здесь он понял, почему не только человек, но и деревья и травы, цветы и птицы, звери и камни не просто существуют, но думают, любят, радуются, страдают, плачут, верят человеку, почему птицы бывают как люди, а люди как птицы, что в мире нет мертвого, а все живое, и все чувствуют и все жаждет красоты и гармонии.

На его глазах шло в природе преображение: весна сменялась летом, лето сменялось осенью, а потом приходила зима, и опять наступала весна. Цветы и деревья зацветали и отцветали, птицы прилетали и улетали. Пушкин не записывал свои наблюдения, он не был биологом, он был художником, поэтом, в подвалы его памяти складывались «этюды» и «зарисовки» виденного. А потом, когда к нему являлась муза, память открывала свои богатства, и наблюдения вновь выходили на свет божий и входили в строфы его стихов и деревенских глав «Онегина».

У меня лично, живущего в Михайловском много лет, есть домашняя птица — петух, утки, скворцы, голуби, сойки... Я их держу для оживления ландшафта усадьбы Михайловского. Я приучаю птиц к своей речи. И птица привыкает к ней, реагирует на нее. Она по-своему повторяет «добрые слова», которыми я сопровождаю свои «добрые действия», поднося птице корм, воду... Птица пытается быть моим собеседником, запоминает добрые слова, пытается их произносить и ими отвечать мне на заботу и ласку. Я заметил, что моя птица канарейка хорошо запоминает порядок звуков речи. Она хранит в своей памяти мелодию моей речи. Я подыгрывал на пианино мелодии для канарейки и скворца, и они хорошо воспроизводили эти мелодии. Делая это, я всегда вспоминал пушкинские строки: «В гармонии соперник мой был... иволги напев живой...»

Я заметил, что «разговор птиц» отмечается особой высотой тона и длится всего несколько секунд. Я записывал на магнитофон речи своих скворцов и канареек и воспроизводил их со скоростью, в 20—25 раз превышающей нормальную, то есть на которой обычно мы записываем свою речь, и я слышал не просто птичий писк, а человеческие слова, произнесенные птицей. Вместо «цвирьюрвирьювинк» моя канарейка говорила: «Здравствуй, папа!»

У меня в Михайловском есть свои деревья и кусты, которые я сажал 35, 30, 20, 5 лет тому назад. У меня свой разговор с ними. Они не немы, но и не болтливы. Они наделены своей речью, своим эмоциональным строем. В Михайловском есть очень старые деревья, и от старости они больны. Многие из них инвалиды войны. Больным нужен покой, им ближе немота. Ко многим старым деревьям я закрыл подход, и сейчас они как в лечебнице.

Пушкин в Михайловском был молодым, и деревья вокруг него были большей частью молодые. Сегодня Пушкин по-прежнему молодой, а деревья старые. Теперешняя наука говорит, что если около яблони играет музыка, у нее вкуснее яблоки. Прав поэт Заболоцкий, когда сказал: «В очарованье русского пейзажа есть подлинная радость, но она открыта не для каждого и даже не каждому художнику видна».

В Михайловском Пушкин учился мастерству поэзии у жаворонка и соловья, у шума лип, берез и кленов. Здесь он понял, что все, что воздвигает человек вокруг себя и для себя — избу, амбар, баньку, часовню, храм, — он строит для всего сущего вокруг, для природы, для красоты земли. Здесь укрепилась в нем вера в то, что мир движется вперед, а впереди красота, радость, гармония и братство, а злу

и подлости все равно придет конец. И все это свершит не кто другой, как русский человек, когда дойдет до своего конечного развития и станет непобедимым.

Всей своей сутью Пушкинский заповедник утверждает, что всякий приходящий в это святое место для поклонения Пушкину может с ним встретиться, может его увидеть. И не только его, но и его героев и близких ему людей — Евгения Онегина, Татьяну Ларину, Арину Родионовну, Евпраксию Николаевну, Никиту Тимофеевича, Наталью Николаевну...

На всем здесь и вокруг сущем Пушкин оставил свой след. «Имеяй зрак да узрит, имеяй уши — да услышит» — утверждает древнее писание. Но не всяк имеет нужный зрак и ухо. Не так просто увидеть, рассмотреть следы Пушкина. Чтобы узреть и понять их, нужно иметь особые очки и особого наставника, который сам уже давно прозрел и постиг умение проникать в незримое через разный разновес времени. Этот наставник, или, как его сейчас зовут, экскурсовод заповедника, направит ваш взор на путь особого прозрения, и вы увидите незримое, услышите звуки по ТУ сторону клавиатуры великого органа, услышите, о чем поет береза, ландыш и скворец, и почему клест гнездится в холод и снега. И тогда вы, видевшие многажды портрет Пушкина, что висит в его доме, увидите в нем новое выражение, и то, что казалось вам в нем раньше малонужным, станет очень нужным. И портрет заговорит поновому... И так во всем. Придет к вам и беседа с деревьями и травами Пушкина, с камнями и тропинками!

Пушкинский заповедник — это книга, только написана она не буквенными знаками, не словами, а вещами. Немых вещей на свете нет, нет немых часов, картин, столов, окон, шкафов, шкатулок и риз. Все имеет свой язык, свою речь, свое сказание. Если бы этого не было, не хранили бы люди эти вещи так бережно, не было бы музеев-заповедников, и не было бы в словаре русского языка слова ПАМЯТЬ, создавшего другое слово — ПАМЯТНИК.

На памяти, на памятном месте, событии в жизни человека основано, по выражению Пушкина, «самостоянье человека и все величие его». Это самостоянье особо крепко и утверждает во всех нас Михайловское Пушкина — один из первейших памятников нашей Родины. Никто и никогда не постигнет Пушкина до конца. Он всегда открытие, вдохновение и потому — тайна. Многие поколения постигают его, и каждый раз он неожидан, нов и необычайно современен.

В поэзии Пушкина «я» и «мы» легко взаимозаменяемы, ибо, говоря от своего имени, поэт говорил от имени всего человечества. Думая о себе, Пушкин думал и обо всех людях — как современниках, так и о потомках, в том числе и о нас с вами.

Великий сеятель, он сделал в Михайловском свой посев. Этот хлеб взошел, и мы снимаем ежегодно прекрасные урожаи. В хлебе Пушкина нуждаются все, это хлеб насущный, он для сердец и душ наших.

СЛУЖЕНИЕ

«На старости я сызнова живу. Минувшее проходит предо мною...» Невольно хочется адресовать эти слова Семену Степановичу Гейченко, автору «Пушкиногорья». Это замечательный итог многолетней деятельности музееведа, историка, писателя, летописца, собирателя. В книге запечатлен опыт десятилетий, четко сформулированы важнейшие положения, которые были выработаны в мучительных поисках, ценой бессонных ночей и тревожных сомнений. «Вещественный мир Пушкина в подлинном виде мало сохранился, — пишет Гейченко, — но он успешно восстанавливается вот уже много-много лет». В книге это доказывается и прекрасным подбором документальных фотографий. Вот, например, уникальная панорама Михайловского, отснятая советскими фронтовыми разведчиками в 1944 году, накануне уничтожения отступавшими фашистами всего, что было восстановлено перед войной. Фотопанорама теперь имеет большую историческую ценность, и она же наглядно свидетельствует о том, как шагнуло вперед «музейное дело в наши дни, насколько вернее воссоздан облик дома опального поэта в послевоенные годы. Автор книги десятилетиями, по крупицам, собирал бесценные документальные изобразительные свидетельства давно минувших времен и щедрыми россыпями привел их на многих страницах в сопоставлениях с современными цветными фотографиями, воспроизводящими то, что на основании рисунков и фотохроники удалось вернуть к новой жизни.

Особая тема для разговора — литературная часть «Пушкиногорья». Здесь есть все: и многолетние наблюдения ученого-экспериментатора, и выводы из практической деятельности, и созданная на этой основе своя система музееведения, учитывающая местные особенности, и мемуары, наряду с фотохроникой создающие цельное представление о прошлом этого уголка, и, наконец, новеллы, выдержавшие несколько изданий и принесшие автору широкую известность и популярность. С каким интересом читаются такие, например, колоритные рассказы, как «Его спасало вдохновенье», выразительные зарисовки цыганского табора за околицей Михайловского. Новелла «Таинственные письмена» повествует об увлекательной истории пушкинских реликвий, а хождение по следам прадеда поэта в поисках книг, писем и прочих свидетельств его легендарной жизни никого не может оставить равнодушным. Писатель увлекательно рассказывает о своих исследованиях, поисках и поразительных находках, таких, например, как письмо настоятеля лютеранской церкви в Петербурге Веннинга «о Приглашении по просьбе генерала Ганнибала из Германии толкового студента на должность домашнего учителя в семейство оного А. П. Ганнибала...».

Широкой кистью художника, на строгой основе документов написаны и картины быта XVIII века в новелле «Пылкие страсти и дикие нравы». Живо и увлекательно, с неукротимой фантазией воссозданы многие эпизоды «подвигов» сыновей и внуков арапа Петра Великого. Все это навсегда остается в памяти каждого читателя. Не потому ли так велик и интерес к книгам С. С. Гейченко, сразу же по выходе в свет становящимся библиографической редкостью?

Б. КОЗЬМИН

с. Петровское,
Псковская область.

С. Гейченко. Пушкиногорье. М. «Молодая гвардия» 1981, 278 с.

ПРАКТИЧНО И КРАСИВО

Женщина сидит в удобном мягком кресле и что-то вяжет. Комната погружена в приятный полумрак. Лишь свет торшера мягко освещает задумчивое, сосредоточенное лицо женщины. У ног ее, словно живой, лениво перекатывается клубок ниток. Тихо позвякивают спицы, беззвучно шевелятся губы, считающие петли...

Ручное вязание — прекрасное древнее, но не стареющее рукоделие. Вязали наши бабушки, матери. Нельзя обойтись без этого массового вида прикладного искусства и в наш стремительный век. Как бы ни были многообразны предложения современной моды, всей обширной индустрии легкой и трикотажной промышленности, невозможно «убить» в женщине ее природную тягу к самобытности, самовыражению. К тому же именно вязание позволяет создать сугубо индивидуальные вещи, одновременно отвечающие требованиям самой острой моды.

Вы решили научиться вязать спицами. С чего начать? Какую вещь связать первой: носки, шапочку, а может быть, сразу жакет? Каким узором, из каких ниток, какого фасона? Все эти и множество еще других вопросов возникают, как только вы решитесь впервые взяться за спицы. Ответить на них поможет вам книга очень интересного автора, художника-модельера по ручному вязанию М. В. Максимовой «Азбука вязания».

— Идея создания этой книги долгая и чем-то, быть может, даже неожиданная для меня, — начала свой рассказ в редакции «Огонька» Маргарита Васильевна, когда мы пригласили ее с большим показом моделей, выполненных по ее эскизам.

— На вашу встречу я пришла не одна, а со своими учениками, членами группы вязания при клубе «Созидатель». Это не профессиональные художники, это любители вязания, инженеры, врачи, преподаватели, журналисты, пенсионеры. Все они, так же как и каждая женщина, обремененных домашними заботами, но всех их объединяет общее увлечение. Наверное, нет необходимости говорить, что шерсть — это богатство, и кому, как не нам, женщинам, подумать о том, как использовать это богатство разумно. Ведь вязаная вещь может проходить не один круг потребления. Именно здесь, в вязании, женщина может проявить свой вкус, художественное чутье, свое умение быть хозяйкой рачительной, умение создавать вещи нужные, своеобразные, красочные, пластичные, эстетически прекрасные.

Сама Маргарита Васильевна выросла в Орле, в доме бабушки Агафьи Ивановны Ильиной, большой рукодельницы. Она и шила, и кроила, вышивала, увлекалась художественной штопкой, вязала, делала шляпки, умела даже шить обувь и делать игрушки своим многочисленным детям, внукам. Дом ее всегда сверкал чистотой (она и ремонт делала сама), поражал разнообразием и обилием комнатных цветов, а по праздникам весь пропитывался запахом пышных пирогов, домашних варений, солений, по части которых она тоже была большая мастерица.

Домашним хозяйством Агафья Ивановна занималась с любовью, артистично. Все спорилось в ее ловких руках. Эта «рукодельность», считала она, передалась ей от дяди — «тупейного художника», о котором поведал Н. С. Лесков. В свою очередь, она учила детей, внуков всему, что умела сама. Все мальчики в доме могли починить то, что ломалось, приходило в негодность; еще обучали их игре на многих музыкальных инструментах.

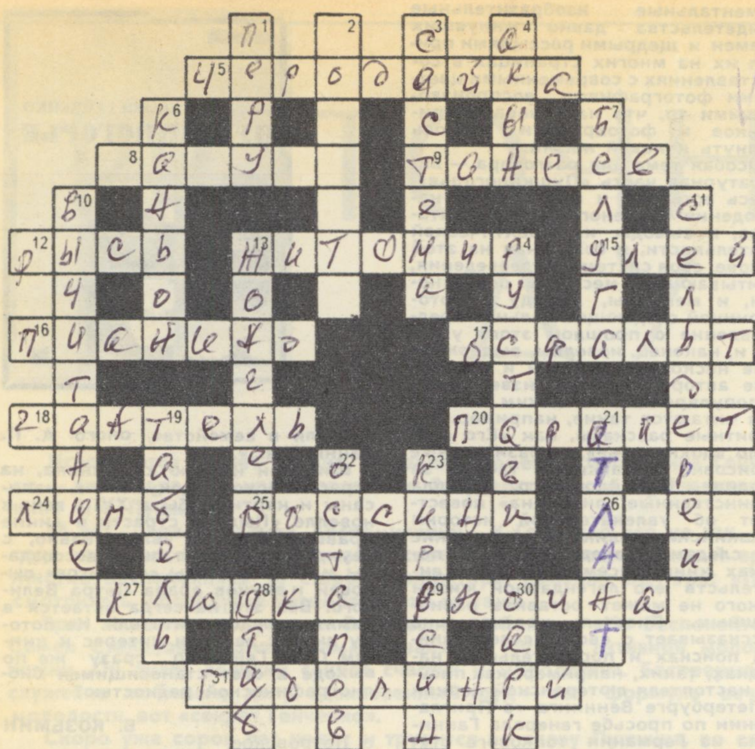
Живя в такой атмосфере, трудно было не научиться рукодельничать. Именно бабушка начала учить маленькую Маргариту вязанию, а продолжила мать. В свою очередь, Маргарита Васильевна передала свое умение дочери.

— Так случилось, что я не пошла учиться прикладному искусству, а окончила Высшее техническое училище имени Баумана. И все же судьба нашла меня, — улыбается Маргарита Васильевна. — Приехала я жить в Эстонию и снова попала в атмосферу совершенно повального увлечения вязанием. Культура ручного вязания в прибалтийских республиках очень высока, и не влюбиться в это искусство снова я просто не могла. Потом Москва, работа редактором-консультантом в журнале «Моды», публикации некоторых моих работ в женских журналах. И вот тут я подхожу к тому, как возник замысел книги по ручному вязанию. После публикаций в журналах начался поток писем с просьбами рассказать, научить, объяснить. Правда, идея книги давно «носилась в воздухе». Существовавшие пособия, программы преподавания на курсах казались мне не вполне удовлетворительными, оставляли много вопросов для начинающего любителя. Хотелось написать такую книгу, которая была бы доступна всем. Толчком было письмо инвалида, прикованного на долгие годы к постели, с которым у меня завязалась длительная переписка, а позже и просто дружба. Так родилась «Азбука вязания», переиздававшаяся неоднократно на русском и эстонском языках. Конечно, каждое ее издание дополнялось новыми идеями, новыми моделями, которые привносило время, новая мода.

Элегантные платья, жакеты, костюмы, блузоны, жилеты, яркие, красочные комплекты, шапочки и шарфы, варежки, рейтузы для детей, необыкновенной красоты ажурные шали, вязаные покрывала, настенные коврики, домашние тапочки, игрушки, созданные по эскизам М. В. Максимовой, показанные собравшимся на творческом клубе «Огонька», еще раз доказали неувядаемую ценность и красоту этого вечного и прекрасного искусства.

Вещи, созданные М. В. Максимовой, практичны, просты. Вместе с тем в них соблюден главный принцип — вещь должна быть не просто красива сама по себе, она должна быть и по цвету и форме ваша, должна сочетаться и органично входить в ваш основной гардероб. Тогда она будет по-настоящему интересна, только тогда она принесет радость людям. А это главное, к чему стремится в своей работе замечательный художник и хороший, добрый человек Маргарита Васильевна Максимова.

В. МОРОЗОВА

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Опера П. И. Чайковского. 8. Народный поэт Башкирии. 9. Русский композитор, пианист. 12. Лесное животное рода кошек. 13. Областной центр в УССР. 15. Жилище пчел. 16. Клавишный музыкальный инструмент. 17. Вяжущий материал, применяемый для устройства дорог. 18. Гиря для спортивных упражнений. 20. Невысокая стенка вдоль набережной, моста. 24. Кольцо или диск с делениями в угломерных инструментах. 25. Итальянский композитор XIX века. 26. Васня И. А. Крылова. 27. Спортивный инвентарь для игры в хоккей. 29. Ягода. 31. Химический элемент, металл.

По вертикали: 1. Государство в Южной Америке. 2. Группа труб органа одинакового тембра. 3. Определенный порядок, организация действий, операций, процессов. 4. Поэт-импровизатор, певец в Средней Азии. 6. Глубокая речная долина с крутыми склонами. 7. Осетровая рыба. 10. Арифметическое действие. 11. Овощная культура. 13. Цирковой артист. 14. Город в Грузии. 19. Доска для учета явки и ухода с работы. 21. Колонна в виде мужской фигуры. 22. Персонаж романа М. А. Шолохова «Тихий Дон». 23. Горючее для тракторов, растворитель. 28. Орган управления войсками. 30. Старинное морское парусное судно.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали: 3. Вильнюс. 5. «Полтава». 7. Нарев. 8. Шасси. 9. Снег. 10. Врач. 11. Декламация. 15. Вельбот. 16. Плутарх. 17. Алупка. 21. Моцарт. 24. Серебро. 25. Рокотов. 26. Вернадский. 29. Лист. 31. Гриб. 32. Ампер. 33. Велюр. 34. Нервюра. 35. Русанов.

По вертикали: 1. Шланг. 2. Залив. 3. Виннипег. 4. Ствол. 5. Пешка. 6. Арматура. 11. Добролюбов. 12. Кета. 13. Ципа. 14. Якубовский. 18. «Лето». 19. Кедр. 20. Вершинин. 21. Моор. 22. Трек. 23. «Сотников». 27. «Норма». 28. Сквер. 30. «Татра». 31. Грань.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Анатолий Петрович Александров — Президент Академии наук СССР (к 80-летию со дня рождения).

Фото В. Ододзинского

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Модели М. Максимовой. (См. в номере материал «Практично и красиво»).

Фото Б. Кауфмана.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27: Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 24.01.83. Подписано к печати 08.02.83. А 00622. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 336. Заказ № 3734.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

РЕМОНТ

Г. ДОЛОТКАЗИН

— Что за хам попался?! — возмущался Пирунов, живший в квартире номер 2.

— Кто? — поинтересовался сосед из квартиры номер 1.

— Да мастер. Ремонт дома уже к концу, а он ничего не делает.

— Ты что, ребенок? — удивился сосед.— Надо поставить.

Пирунов последовал совету, но ремонтник после обеда не вышел совсем.

На другой день Пирунов отпросился с работы.

— Что же вы не пришли вчера? — спросил он у мастера.

— Да ладно тебе дуться,— сказал тот,— дуй лучше в магазин.

Пирунов вновь дал слабинку и пошел.

— Разливай! — вдохновенно сказал мастер.

— Да вроде неудобно.

— Неудобно знаешь что? — философски сказал мастер и начал разливать сам.

— Мне не надо,— испугался Пирунов.

— Да ладно тебе,— с претензией сказал мастер,— что ты как неродной. Ну, будем.

Только чокнулись, как вошел сосед из квартиры номер 3.

— Вы что здесь расселись? Мы вас ждем, ждем,... А вам,— обратился он к Пирунову,— не стыдно его спаивать?

Пирунов отвел его в сторону и объяснил, что иначе нельзя. Прозревший сосед подошел к мастеру и сказал, что все будет хорошо...

— С этого бы и начинал,— сказал мастер,— завтра жди.

— Может, начнем? — осторожно намекнул Пирунов, когда сосед ушел готовиться к завтрашнему торжеству.

— У, какой деловой! — похвалил Пирунова мастер.— Поспешишь, людей, что?.. Правильно. А ну-ка помоги мне прибить здесь.

Пирунов помог.

— Молодец! А у тебя, оказывается, золотые руки! Ты переоделся бы, а то запачкаешься.

Пирунов переоделся, и к вечеру они вместе ремонт закончили.

— Слушай,— обратился мастер к Пирунову,— отпросись завтра с работы. Вместе поработаем.

На другой день Пирунов вместе с мастером пришли к соседу из квартиры номер 3. Тот уже ждал.

— Вы вот что,— угодливо засуетился он,— располагайтесь как дома. А я побегу на работу.

Сосед ушел.

Только подняли стаканы, как вошел сосед из квартиры номер 4.

— Вы что же его спаиваете? — грозно сказал он Пирунову,— мы его ждем, ждем, а вы...

Пирунов отвел его в сторону и объяснил, что иначе нельзя.

Сосед из квартиры номер 4 подошел к мастеру и сказал, что все будет хорошо.

— С этого бы и начинал,— величественно сказал мастер,— завтра жди.

Сосед ушел готовиться к завтрашнему торжеству.

— Ну, будем! — сказал мастер.

— Будем,— согласился Пирунов.

— А ты, оказывается, свой парень! — похвалил мастер.— Слушай, а что, если ты насовсем к нам в контору перейдешь? Работа, нужная обществу, да и народ, как видишь, уважает.

Пирунов перешел и понемногу стал втягиваться в производственный процесс. Все шло как по маслу, но однажды после очередного «ну, будем» вошел сосед из квартиры номер 10 и дал страшный разгон. Пирунов отвел его в сторону и сказал, что иначе нельзя.

— Нет, можно! — категорически сказал он, а добавлять мастеру, что все будет хорошо, не стал.

— Попробуйте завтра не прийти и вовремя не начать! — просто и

лаконично сказал он и спокойно вышел.

Домой Пирунов шел мрачный.

— Ты что такой злой? — спросил сосед из квартиры № 1.

— Что за хам попался?! — возмутился Пирунов.

— Кто?

— Да жилец из квартиры номер 10! Придется завтра идти вовремя и начинать без всяких условий для работы.

— И правильно! — сказал сосед из квартиры номер 1.— А то обнаглели совсем...

КОМУ ДУМАТЬ

А. ХУРГИН

Петр Петрович, Терентьев по фамилии и терапевт по диплому, ни о чем думать не мог. До больных ли ему было, когда на кухне потек кран.

Петр Петрович пошел в магазин и спросил кран, но ему ответили, что таких кранов нет. Петр Петрович удивился и возмутился. Он сказал:

— Людей лечим, разные органы заменяем, а несчастный кран заменить нечем. Неужели нельзя сделать так, чтобы эти краны были?! Это же пустяки самые настоящие, проще ОРЗ. И о чем вы в вашей торговой сети думаете?

Продавец на такие возмущения чхал. Ему они до лампочки, которую, кстати, тоже не всегда вытащишь из вышеупомянутой сети, и он сначала ничего не сказал. Он, конечно, мог ответить, что им думать нечего,— пусть промышленность думает и выпускает. Но он все-таки подумал и потом сказал:

— А шли б вы к слесарю!

И Петр Петрович пошел и слесаря вызвал. А слесарь, хоть это и невероятно, сразу пришел, воду перекрыл и из крана какую-то штукенцию вывернул. Вывернул, осмотрел ее, задумался глубоко и сказал:

— В космос летаем со всеми удобствами, а на горячую воду прокладку резиновую ставим. Ну, нельзя эту прокладку из капрона какого-нибудь сделать, шоб ей сносу не было? А резиновую ставить смыслу нету. И прокладки тоже нету. Вот выпустят капроновую, в момент и поставим.

Он вставил штукенцию обратно и завернул. А воду, конечно, не открыл.

— Ну, придумайте что-нибудь! — взмолился Петр Петрович.

— А с какой это такой стати я должен думать? Мне за это прогрессивку не платят. Пускай инженерá думают, когда эти краны проектируют,— изрек слесарь уже на лестнице.

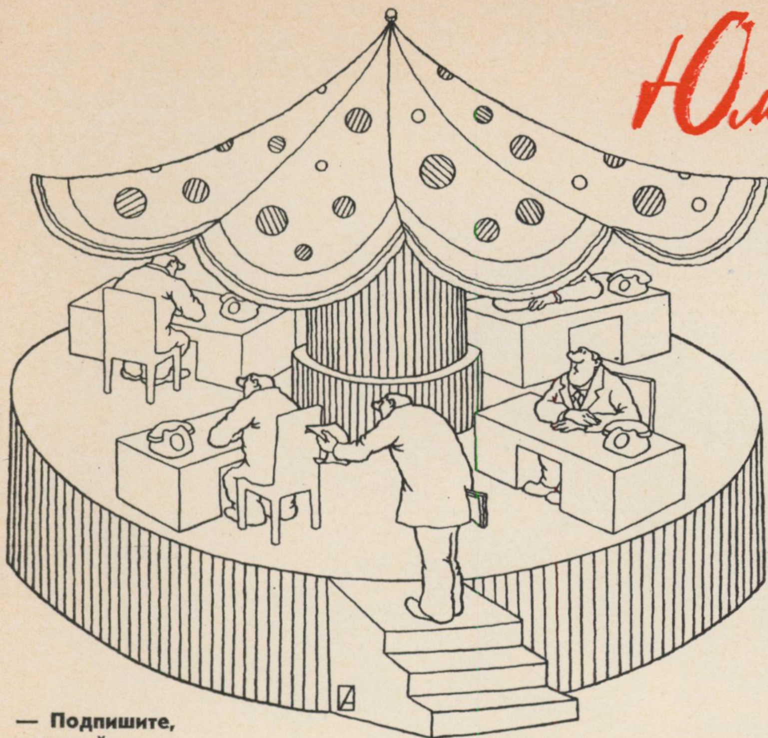
...А инженер Клепов сидел над чертежом нового крана, заключив собственную голову в собственные объятия. Болела она у него, болела без дураков, от мигрени. Клепов, тупо смотря на чертеж, ныл:

— Ну, неужели этот терапевт Терентьев не может меня вылечить? Дать таблетку от головы — это же элементарно. И о чем он думает, когда людей лечит?

Но Петр Петрович, Терентьев по фамилии и терапевт по диплому, ни о чем таком думать сейчас не мог. Поэтому инженер Клепов посмотрел мутным взглядом на ненавистный чертеж проектируемого крана и... пририсовал резиновую прокладку.

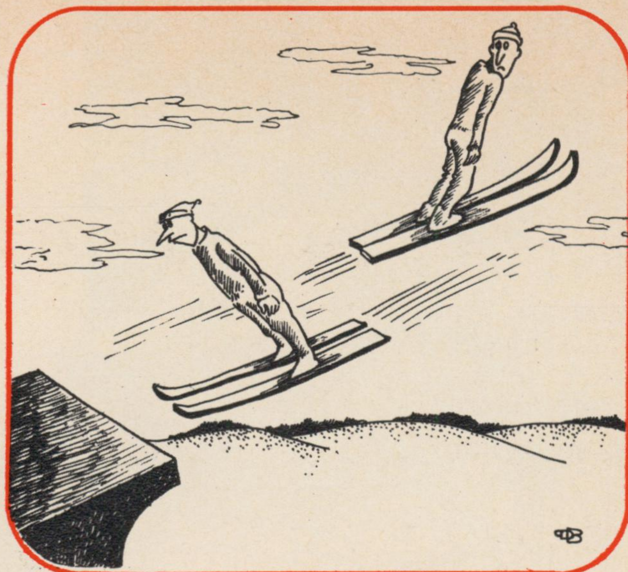
Харьков.

Юмор

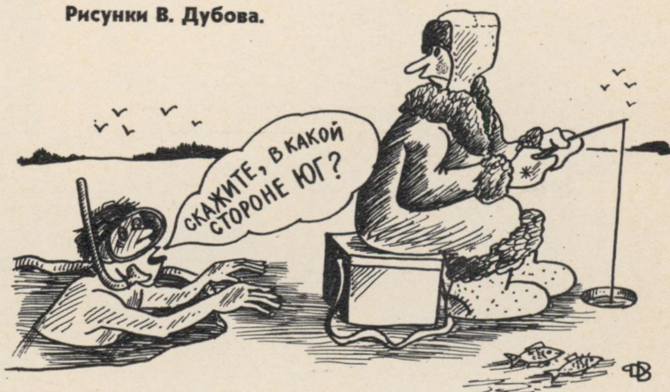

— Подпишите, пожалуйста.

Рис. А. Орехова

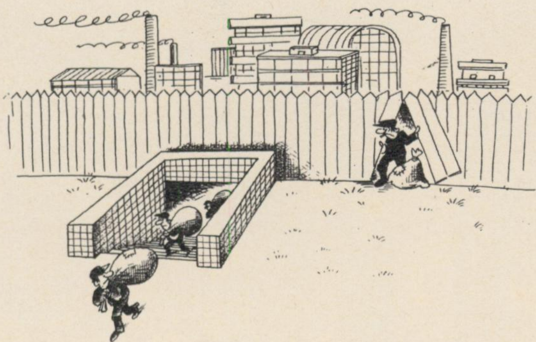

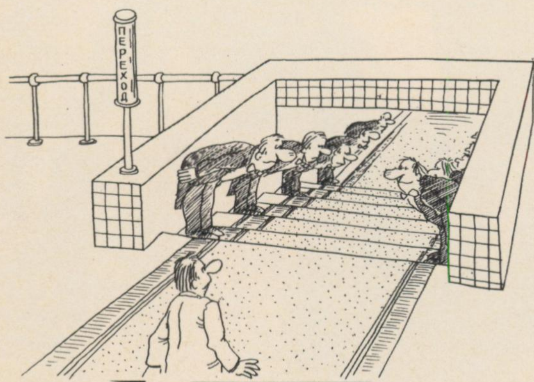
Рисунки В. Дубова.

ВОКРУГ ПЕРЕХОДА

Рисунки Е. Милутки.

Рис. В. Уборевича-Боровского.

Рис. С. Богачева.

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

